

**Михаил Рывкин
Аркадий Шульман**



ХРОНИКА СТРАШНЫХ ДНЕЙ

Трагедия витебского гетто



SHOUT **IT**
SHARE



Annotation

Книга историка Михаила Рывкина и журналиста Аркадия Шульмана «Хроника страшных дней. Трагедия Витебского гетто» — документально выверенный рассказ о кровавых днях лета и осени 1941 года, когда фашистами и коллаборационистами было уничтожено еврейское население Витебска — города, который всегда занимал особое место в еврейской истории.

Книга явилась результатом многолетней работы. В ней собраны уникальные документы, приводятся многочисленные свидетельские показания...

«К началу войны в Витебске проживало 180000 человек, из них более 37000 евреев... В июне 1944 года, когда советские войска освободили Витебск, их встречали оставшиеся в живых горожане — чуть более 100 человек. Среди них не было ни одного еврея...»

- [Михаил Рывкин](#)



- ☐ [Фотографии](#)



- [notes](#)



- [1](#)



- [2](#)



- [3](#)



- [4](#)



- [5](#)



- [6](#)



- [7](#)



- [8](#)



- [9](#)



- [10](#)



- [11](#)



- [12](#)



- [13](#)



- [14](#)



- [15](#)



- [16](#)



- [17](#)



- [18](#)

- ☐ 19
- ☐ 20
- ☐ 21
- ☐ 22
- ☐ 23
- ☐ 24
- ☐ 25
- ☐ 26
- ☐ 27
- ☐ 28
- ☐ 29
- ☐ 30
- ☐ 31
- ☐ 32
- ☐ 33
- ☐ 34
- ☐ 35
- ☐ 36
- ☐ 37
- ☐ 38
- ☐ 39
- ☐ 40
- ☐ 41
- ☐ 42
- ☐ 43
- ☐ 44
- ☐ 45
- ☐ 46
- ☐ 47
- ☐ 48
- ☐ 49
- ☐ 50
- ☐ 51
- ☐ 52
- ☐ 53
- ☐ 54
- ☐ 55
- ☐ 56
- ☐ 57
- ☐ 58
- ☐ 59
- ☐ 60
- ☐ 61
- ☐ 62

- ☐ 63
- ☐ 64
- ☐ 65
- ☐ 66
- ☐ 67
- ☐ 68
- ☐ 69
- ☐ 70
- ☐ 71
- ☐ 72

Михаил Рывкин

Аркадий Шульман

Хроника страшных дней. Трагедия Витебского гетто

— Почему эта книга о страшных, кровавых событиях начала сороковых годов прошлого века написана сейчас, более шестидесяти лет спустя?

— Потому что до нас ее никто не написал.

— Сколько можно вспоминать о прошлом?

— Пока люди не будут знать и помнить о нем.

— Для кого вы пишете?

— Для всех, кто живет сейчас, и кто придет после нас.

— Зачем им нужна эта страшная память?

— Чтобы люди, став добрее и умнее, забыли о войнах.

Витебск красив в любую пору года. Но особенно привлекателен он в начале лета, в первые утренние часы, когда июньское солнце, поднимаясь из-за горизонта, начинает высвечивать контуры домов на Замковой, Вокзальной и в Задвинье, на Успенке и Песковатиках, когда, прорезая туман, опускающийся на Западную Двину, плывут рыбацкие лодки и слышны только скрип уключин и удары по воде крупной рыбы, когда просыпается город, как будто сошедший с театральных декораций. И дворники, дымя самокрутками из пахучей витебской махорки, начинают подметать булыжные мостовые на Ленинской и Гоголевской, поливать из длинных шлангов клумбы и мыть ступеньки, ведущие в цирк и краеведческий музей.

Потом стрелки часов на городской ратуше, которую здесь по привычке называют каланчой, вытянувшись в струнку, покажут шесть часов и наступит время трамваев. Скрипучие фанерные вагончики повезут людей на работу на фабрику «Двина» и к

пивзаводу, к речной пристани и к бесчисленному количеству маленьких мастерских, к новостройкам первых пятилеток — фабрикам им. «КИМ» и «ЗИ»^[1].

И начинается на улицах соревнование в скорости — кто быстрее: трамваи или велосипеды. А может быть, лошади, которые везут из окрестных деревень на Смоленский, Полоцкий и Могилевский базары молодую картошку, молоко, сметану, мясо. Они едут по мирному городу мимо домов из красного кирпича, мимо балконов с удивительно красивыми решетками, мимо островерхих крыш, покрытых черепицей, и сбавляют скорость, въезжая на мост с дощатым покрытием, который соединяет берега Западной Двины, и потом снова набирают скорость, спускаясь к железнодорожному вокзалу.

А когда солнце поднимется высоко в небо и начнет припекать, побегут мальчишки на Витьбу, на лодочные станции «Осоавиахима» и «Динамо»^[2]. И, глядя на них, будут завидовать студенты, спешащие на экзамены в педагогический, медицинский, ветеринарный институты.

В сквериках соберутся пенсионеры и домохозяйки, чтобы в тени деревьев побеседовать и вспомнить о днях собственной молодости. Любому приезжему они с удовольствием расскажут о чудесном городе и обязательно вспомнят старого художника Юдея Пэна — гордость Витебска — и посоветуют сходить в картинную галерею, носящую его имя. А если собеседник будет внушать им доверие, может быть, кто-нибудь расскажет о его беспокойном ученике Марке Шагале.

Кто-то беседует на русском, на идиш, на белорусском. Но все отлично понимают друг друга. Потому что говорят на одном языке — языке Города.

Вечером нарядные пары пойдут в «Пролеткино» и кинотеатр «1 Мая», в драмтеатр и на танцевальные площадки. В городских парках заиграют духовые оркестры, и мелодии вальса и танго разлетятся по узеньким улочкам старого Витебска. А родители, сидя у окон, будут с волнением ждать, когда же придут их повзрослевшие дети...

Этот город уже никогда не вернется. Он живет только в воспоминаниях тех, кого сегодня называют коренными витеблянами. Их осталось очень-очень мало...

Таким город встретил войну и ушел в историю.

* * *

прервало передачи и диктор несколько раз повторил, что сейчас будет важное правительственное сообщение. В это время Борис Гинзбург вместе со своими одноклассниками из 10-б класса 10-й Сталинской школы пришел к Ире Бруссер. Только вчера у них был выпускной бал. Ребятам вручили аттестаты, грамоты, премии. За одним столом, накрытым в химкабинете, сидели ученики и учителя: Анна Григорьевна Блау, Бася Моисеевна Снитко, Ольга Евгеньевна Неразик, директор школы Тихон Емельянович Видишев. Тостам и шуткам не было конца. Учителя поднимали бокалы за учеников, за их счастливое будущее, ученики благодарили своих наставников. На столах стояли напитки со смешными названиями: «Настойка выпускная. Изготовлена на натуральных ученических соках», «Ее голубые глаза. Крепкий мужской напиток», «Выпускная небезалкогольная». Этикетки придумали и нарисовали Боря Гинзбург и Шура Владиславлев. Были танцы под патефон. А потом они отправились на Витьбу и катались на лодках до самого утра. И казалось им, что счастливее нет людей на свете. Кто тогда мог знать, что через несколько часов выступит по радио заместитель Председателя Совнаркома СССР, Нарком иностранных дел В. М. Молотов и сообщит стране страшную весть о начале войны.

Смех и шутки мгновенно умолкли, и ребята разошлись по домам. Стоял необычайно жаркий, безветренный день. Было видно, как над раскаленной мостовой дрожит воздух. У громкоговорителей стояли люди и растерянно смотрели друг на друга.

Вскоре ребята снова собрались в школе. Вместе они чувствовали себя сильнее. Тихон Емельянович Видишев хотел подбодрить своих учеников и сказал:

— Фашисты испортили наш праздник. Они ответят за это. Скоро мы разгромим врагов. Давайте несколько бутылок вина закопаем во дворе школы и в день окончания войны снова соберемся вместе.

* * *

Из 10-б уйдут на фронт две девочки и одиннадцать ребят из тринадцати. Семеро из них уже никогда не увидят родную школу. Другим придется перенести тяготы эвакуации, а кому-то и ужасы фашистской оккупации. Пройдут долгие военные годы, прежде чем выпускники 1941 года снова соберутся вместе. Откопают бутылки с вином и выпьют за Победу.

22 июня у Ильи Моисеевича Ривлина был день рождения. Ему исполнилось 27 лет. На два часа дня он пригласил родственников, друзей. Но Дора Григорьевна, его жена, так и не накрыла стол. После сообщения о начале войны она сказала мужу, чтобы он зашел к родственникам и предупредил их, что праздничный обед отменяется.

В тот же день брат И. М. Ривлина Яков ушел на фронт. Колонна красноармейцев прошла через весь город. Родственники бежали рядом и повторяли Якову одни и те же слова: «Береги себя». Он отвечал им: «Не волнуйтесь, скоро вернемся с победой».

Политрук Я. М. Ривлин погиб под Орлом.

Утром 23 июня была объявлена всеобщая мобилизация. К призывным пунктам, открытым в облисполкоме и 6-й средней школе, в казармах по улице Буденного, в Клубе металлистов и других зданиях, шли резервисты и добровольцы. Уцелевшие журналы регистрации прибывших сохранили имена тех, кто в первые часы войны ушел на фронт. На крышах наиболее высоких домов были установлены старенькие пулеметы и там круглосуточно дежурили бойцы. Зенитные батареи уже находились на боевых точках вокруг города и готовы были его прикрыть от вражеской авиации. Над городом пролетели немецкие самолеты. Была объявлена первая — уже не учебная — воздушная тревога. Раздались залпы зенитных орудий.

Людей отправили рыть окопы у аэродрома Витебского авиаполка, на Юрьевой горке, в районе поселка Тулово, у парка Мазурино и в других районах города. Но никто не знал, с какой стороны следует копать, и окопы делали вкруговую.

В марте из Москвы к родным в Витебск приехала рожать Мария Самуиловна Меймухина. Здесь жили ее отец Шмуил Роненсон, сестра Сима (после замужества она осталась на девичьей фамилии) с мужем Гдалем Аронсоном и дочкой Инной. Уютный родительский дом с небольшим садом стоял на краю Могилевской площади, у самого берега Западной Двины.

Роненсоны были семьей дружной, и родные уговорили Марию после рождения сына не торопиться с отъездом в Москву. Кто мог тогда знать, чем обернется для всех это лето...

«23 июня, — рассказывает Инесса Гдалевна Аронсон (по мужу Иванова), — папа встал раньше обычного. Мы тоже уже не спали.

Мама спросила его:

— Ты уходишь?

— Зайду в военкомат и узнаю, будут ли вызывать резервистов, а оттуда пойду к себе в правление.

Папа работал бухгалтером-ревизором в «Швейпромсоюзе».

Закончился рабочий день, а папы все не было, и мы не понимали, в чем дело. Это потом выяснилось, что на работе он не появлялся: в военкомате ему сказали, что еще рано утром была объявлена всеобщая мобилизация, и предложили остаться для регистрации мобилизованных.

Не дождавшись отца, я легла спать. Вдруг чувствую, что кто-то дотронулся до моего лба. Открываю глаза и вижу: рядом сидит папа, гладит меня по голове и что-то говорит, а у подушки лежат детские книжечки. В четыре года я уже хорошо читала, и это стало моим любимым занятием на всю жизнь. Папа наклонился ко мне и тихо сказал: «Я еще приду».

Через несколько дней Г. Аронсон ушел на фронт. Жене обещал: как только прибудет на место, сразу даст знать. Но письма от него так и не было.

«Моя мама была человеком твердого характера, — говорит И. Г. Аронсон, — наверное, поэтому после отъезда папы растерянности и паники дома не было. Она по-прежнему ходила на службу — мама работала кассиром-оператором в банке, только теперь ей приходилось задерживаться дольше.

В начале июля внезапно заболела тетя Мария — у нее оказалось тяжелое пищевое отравление. Только через несколько дней она смогла стать на ноги.

А город бомбили все больше и больше. Вовсю вывозили фабрики и заводы. Банк тоже уже не работал. Дома решили немедленно эвакуироваться.

Перед отъездом дедушка предложил на всякий случай, как это делали другие витебляне, которые жили в своих домах, закопать в саду немного самых нужных вещей. Мама сначала не хотела так делать, но потом согласилась. Перед этим собрали все, что думали взять с собой, мне тоже подготовили небольшую сумочку с вещами. По рассказам мамы, это было 7 июля. На завтра пошли на вокзал, пробыли там весь день, но в теплушку так и не попали. Решили вернуться домой, а утром пораньше снова пойти на вокзал. Помню, как мама, увидев на месте нашего дома погорелище, замерла на месте. Она не кричала, не металась, а только плакала и повторяла: «Лучше бы глаза мои этого не видели».

Дедушка нашел в глубине улицы за развалинами небольшого кирпичного дома что-то вроде старой временки. Утром, когда я

проснулась, увидела наши вещи, которые закапывали перед уходом на вокзал. Дедушки не было. Мама ответила мне: «Ушел на базар». Я знала, что он работал возчиком на Могилевском базаре, многие его там знали, как трудягу и доброго человека. Когда мы потом голодали, его знакомые нам помогали. С базара дедушка вернулся мрачный: «Говорят, что немцы уже на той стороне (так витебляне до войны называли западную часть города. — Авт.)».

Позже в автобиографии, сохранившейся в архивных документах партизанского отряда им. Суворова, С. С. Роненсон писала: «В июне 1941 года мне эвакуироваться не удалось в связи с тем, что к нам из Москвы приехала рожать сестра и заболела».

* * *

Поползли тревожные слухи о диверсантах, пробравшихся в город. Кто-то говорил, что они прячутся на Юрьевой горке, другие уверяли, что видели, как в Духовском овраге задержали лазутчиков. Действительно, в нескольких местах города в небо взлетали сигнальные ракеты. По улицам стали ходить бойцы батальона и проверять документы у всех, кто казался им подозрительным. Под эту категорию попадали и мужчины в шляпах, и женщины в туфлях на высоких каблуках.

* * *

23 июня был обнародован принятый накануне Указ Президиума Верховного Совета СССР «О военных трибуналах»^[3] и «Положение о военных трибуналах в местностях, объявленных на военном положении и в районах военных действий». «Положение» давало право военным трибуналам, состоявшим из трех постоянных членов, рассматривать дела в течение 24 часов после предъявления обвинительного заключения.

* * *

23 июня отец Бориса Гинзбурга врач Лев Арсеньевич Гинзбург, участник двух войн — первой мировой и гражданской — отнес в редакцию газеты «Віцебскі рабочы» письмо.

«Отправляясь на фронт, — писал Л. А. Гинзбург, — я уезжаю со знанием того, что за свою великую Родину, за

коммунистическую партию, за великого Сталина я готов сражаться с проклятым врагом до конца. Горжусь тем, что мой сын, выполняя свой священный долг перед Родиной, едет вместе со мной. Я, как и все патриоты своей советской страны, уверен, что победа будет за нами».

Уезжая на фронт, Л. А. Гинзбург не знал, что 24 июня его письмо будет напечатано в передовой статье «За честь, свободу и независимость Родины». Все годы войны жена берегла этот номер газеты. И сегодня, спустя более чем 60 лет, он хранится в семейном архиве Гинзбургов.

В те июньские дни Боря Гинзбург попасть на фронт вместе с отцом не смог. В военкомате ему сказали: «Идите домой и ждите». Прошло несколько дней, а вызова не было. Борис пошел в горком комсомола, но и там его отправили домой.

6 июля вместе с матерью, вернувшейся из больницы после перелома ноги, Борис вынужден был эвакуироваться. В городе Чкалове (ныне Оренбург) он снова пошел в военкомат. Ответ был коротким: «Ждите повестки». И через несколько дней ее принесли. Потом были трудные годы войны, орден Славы и другие военные награды.

* * *

Люди были уверены в быстром разгроме гитлеровской Германии. Даже детей, отдыхавших в пионерских лагерях, не спешили отпускать по домам.

В начале июня 1941 года горком комсомола назначил студента третьего курса истфака Витебского пединститута Александра Когана старшим вожатым пионерского лагеря. Находился он в Старом Селе, примерно в 20 километрах от Витебска. Отрядными вожатыми стали его однокашники и студенты института. Начальником лагеря был доктор М. Фейгин.

«20 июня, в пятницу, все 10 отрядов выехали в лагерь, — рассказывает Александр Исидорович Коган. — Разместились, провели праздничное открытие лагеря — все как положено. Настроение и у ребят, и у вожатых было приподнятое.

В воскресенье утром я уехал в Витебск, чтобы провести день с моим школьным другом Абрамом Вышедским, приехавшим ненадолго домой после окончания Ленинградского летно-технического училища. Встретились, зашли в любимое витеблянами кафе в бывшей гостинице «Брози» — тогда оно находилось у моста на берегу Витьбы, на углу улиц Ленина и Толстого. Сидим за бокалом пива, ведем неторопливую беседу,

вспоминаем друзей. Вдруг слышим, Юрий Левитан объявляет об экстренном сообщении и сразу — выступление В. М. Молотова. Может быть, это покажется сегодня странным, но у нас его заявление никакой тревоги, кроме легкого недоумения, не вызвало. Так же сидим, говорим о своем. В каждом из нас тогда настолько глубоко сидело убеждение в несокрушимой мощи нашей страны, что трагический смысл молотовского заявления дошел до сознания не сразу...

И все же во второй половине дня я вернулся в лагерь. Собрал детей, сообщил о выступлении В. М. Молотова, говорил им о том, что пока будет продолжаться смена, война уже закончится. Ребята слушали, моя речь беспокойства у них не вызвала.

В понедельник появились некоторые родители. Ответ всем был один: распоряжение о закрытии лагеря мы не получали. А сами ложились спать с одной мыслью: что будет завтра?

Шли дни, в лагерь приезжали родители. Мы обещали им внимательно следить за обстановкой. Одни оставляли ребят, другие — забирали. Но большинство ребят осталось.

Приехал кто-то из родителей и сказал, что немцы стали часто бомбить город. Мы решили вывезти лагерь. Но найти автотранспорт уже не смогли. Вожатые построили ребят по отрядам, и мы двинулись пешком на Витебск. Разумеется, мы волновались за детей, но, к счастью, все обошлось благополучно.

Вожатые сразу пошли в институт. Секретарь комитета комсомола Семен Фридман предложил нам вступить в народное ополчение. Так я и мои сокурсники стали ополченцами, потом — фронтовиками...».

В одном из боев Александр Исидорович был тяжело ранен, более года лежал в госпитале. В мае 1945 года на костылях, инвалидом вернулся в Витебск. Здесь он живет и сегодня.

* * *

Миша Беленький проводил лето в Летцах. 22 июня воспитатели сказали ребятам, что началась война, но волноваться не надо: Красная Армия сумеет их защитить. И только 3 июля ребят привезли в Витебск к родителям.

* * *

Фронт стремительно приближался к Витебску. Для приема раненых в здании пединститута по улице Пушкинской были

оборудованы дополнительные палаты для эвакуогоспиталя № 430, находившегося в Витебске еще с довоенных времен.

22 июня 1941 года, согласно мобилизационному плану, начальником госпиталя был назначен И. Н. Степаненко, бывший помощник начальника этого же госпиталя, комиссаром — А. О. Коляда, директор Витебского пединститута им. Кирова, главным хирургом — Борис Пуринсон, хирургом был Александр Митрошенко. Однако долго оставаться в Витебске госпиталю не пришлось: через несколько дней поступил приказ выехать в город Волоколамск, под Москву.

* * *

Первые бомбы упали на Витебск 26 июня 1941 года. Вражеская авиация бомбила вокзал и Старый мост через Западную Двину. Но они уцелели, разбит был универмаг, стоявший на правом берегу реки рядом с мостом.

«Воздушные бои над городом проходили ежедневно, — вспоминает Лев Исаакович Юдовин, военврач второго ранга, бывший тогда начальником санитарной службы 735-го артиллерийского полка. — Наши зенитки трудились самоотверженно, но за первую неделю был сбит лишь один вражеский самолет. Вся материальная часть наших зенитных батарей состояла из орудий старых образцов, и основные приборы были тоже старыми»^[4].

Об этом же 26 июня писал Г. С. Усатенко: «...С оружием просто беда. Много старых учебных винтовок. Смешно и горько было — из этого оружия мы постреливали по немецким самолетам, пролетавшим над нами. Не всем командирам достались наганы. Надоедаем коменданту гарнизона и военкому: давайте боевое оружие»^[5]. Неделю спустя Г. С. Усатенко делает в дневнике следующую запись: «...Наконец мы получили оружие — новенькие винтовки и станковые пулеметы, патроны. Каждому бойцу вручили по две бутылки с зажигательной смесью для борьбы с вражескими танками. Частично выдали обмундирование».

В эти дни появился приказ начальника Витебского гарнизона полковника Редченкова и коменданта гарнизона капитана Мироненко войскам гарнизона, предприятиям и учреждениям и всему населению, в котором говорилось: «...всякое движение жителей и автогужевого транспорта по городу Витебску разрешено с 5.00 до 23.00. После установленного времени разрешаю движение только трамваев специального

обслуживания..., рабочих и служащих, которые едут на сменную работу..., автотранспорта по специальным пропускам». Всем зрелищным предприятиям, кино и театрам, садам и площадкам предписывалось прекращать работу в 22.00, торгующей сети — столовым, ресторанам и кафе — в 22.30. Машины «Скорой помощи» и дежурные аптеки продолжали работать круглосуточно. Приказом запрещался «въезд в город и выезд из города, за исключением лиц, которые следуют по служебным командировкам, а также колхозников и единоличников из прилегающих районов, которые прибывают для продажи своих продуктов на колхозных рынках». Приказ завершался словами: «За неисполнение и нарушение данного приказа виновные будут привлечены к строгой ответственности по законам военного времени согласно Указа Президиума Верховного Совета СССР о военном положении».

Местная служба противовоздушной обороны опубликовала «Правила поведения населения и обязанности администрации по ПВО». Правила требовали во всех домах, учебных заведениях и на предприятиях внутреннее освещение сократить до минимума, световые проемы зашторить светонепроницаемым материалом, на оконные стекла наклеить бумажные ленты, чтобы при бомбежке они не лопались от взрывной волны; гражданам, имевшим индивидуальные противогазы, всегда держать их при себе; для лиц, которые не могут пользоваться индивидуальными противогазами, и для других граждан в подвалах домов и в удобных для этого местах оборудовать специальные комнаты безопасности.

В этот же день Облснабосоавиахим опубликовал объявление, в котором сообщалось: «Мастерская витебского отдела снабжения Осоавиахима приступила к проверке и ремонту противогазов. Прием противогазов для проверки и ремонта от организаций, учреждений и граждан производится ежедневно с 9 часов до 17 часов. Винчевская улица, дом 7».

* * *

25 июня для борьбы с диверсантами и вражескими парашютистами был создан отдельный истребительный батальон.

Вспоминая об этом, комиссар батальона Г. С. Усатенко писал:

«28–30 июня.

Беспокоят ракетчики. С сумерками из разных мест взлетают ракеты вражеских лазутчиков, которые наводят

воздушных пиратов на важные объекты города. Прочесываем город. Подозрительных лиц задерживаем и доставляем в штаб воинской части и в отдел УНКВД (Управление Народного Комиссариата внутренних дел — Авт.).».

* * *

Многие витебляне были в растерянности, они не знали, что делать — уезжать или оставаться. Те, кто помнили первую мировую войну, как бы утешая самих себя, говорили: «Я видел немцев в 1914 году. Чего вы боитесь?». А евреи еще добавляли: «Они говорят на таком же языке, как мы. Только немножко по-другому». Причем, убеждение, что немцы — нация культурная и европейское воспитание не позволит им убивать ни в чем не повинных людей, действовало парализующе. И многие даже не хотели слушать рассказы евреев о зверствах нацистов в оккупированной Польше. Их называли фантазерами, паникерами, говорили, что у страха глаза велики. А польских беженцев в Витебске было немало.

В статье Ив. Иванова «Витебское гетто», опубликованной в парижском журнале «Социалистический вестник», есть такие строки:

— На, почитай, что пишут о лодзинских евреях, — говорит мой знакомый, протягивая местную газету «Витебский рабочий» первых дней после начала войны. В «подвале» газеты был большой фельетон, в котором описывались немецкие зверства в занятой Польше: как собрали 200 еврейских женщин и детей в Лодзи и как их расстреляли.

Еврей, молодой парень, который в 1940 году переплыл Вислу, чтобы попасть в СССР, рассказывал, что по приходе в Варшаву немецких частей в черной форме евреи стали подвергаться оскорблениям, унижениям, их ловили и заставляли работать бесплатно целыми днями, не выдавая при этом ни пищи, ни питья... По совету своих родителей он решил бежать в СССР^[6].

* * *

Если бы люди умели прислушиваться к горькому опыту своих современников, соседей, друзей, сколько трагедий они смогли бы избежать. Но человек всегда надеется на лучшее...

Многие не понимали, точнее сказать, не представляли себе,

какой стала Германия после прихода к власти Гитлера. Они не знали, что фюрер с первых месяцев своего правления всю внутреннюю и внешнюю политику подчинил достижению давно задуманной им цели — полному физическому уничтожению евреев.

После заключения 23 августа 1939 года пакта Молотова-Риббентропа советская печать прекратила сообщать о нацистских преследованиях евреев. Наши газеты писали о Германии или хорошо, или ничего. И люди, далекие от политики, еще больше утверждались в мысли, что немцы — нация культурная и воевать с мирным населением они не станут.

Между тем политикам, государственным деятелям были хорошо известны слова Гитлера, сказанные в разговоре с министром иностранных дел Чехословакии 21 января 1939 года: «Мы уничтожим евреев. Им не удастся укрыться... День расчета настал».

Неделей позже — об этом же: «...результатом ее (войны — авт.) явится... уничтожение еврейской расы в Европе»^[7]. И сказано это было уже не в дни «пивного путча» 8–9 ноября 1923 года в Мюнхене, и не в беседе один на один с дипломатом, а во время выступления в рейхстаге (германский парламент) в 1939 году. Речь была приурочена к шестой годовщине со дня прихода нацистов к власти.

Знало советское правительство и о зверском обращении оккупантов с населением захваченных Германией стран Европы. Но только после вторжения вермахта в пределы СССР на страницах советской периодической печати стали появляться сообщения о зверствах и расправах, которые учиняли гитлеровцы над мирным еврейским населением.

В эти дни газета «Віцебскі рабочы» опубликовала статью С. Борисова «О новом порядке», установленном нацистами в оккупированной Польше. Значительную ее часть автор посвятил рассказу о положении евреев, оказавшихся в руках нацистов:

«...Еврейское население, — писал автор, — поставлено буквально вне закона. В городах все евреи согнаны в специальные кварталы — гетто^[8], огражденные колючей проволокой. В гетто Варшавы заключено 500 тысяч человек, в Лодзи в еврейское гетто загнано 250 тысяч человек. Люди тут не имеют права появляться на улицах после 5 часов дня. Евреи с 10 лет обязаны носить на своей одежде особый знак — большую желтую или зеленую звезду. Для жителей гетто сделаны специальные деньги — мелкие монеты из дерева. Еврей не имеет права входить в трамвай общественного пользования. Каждый еврей обязан отрабатывать без всякой оплаты 2 года в трудовом лагере. Своеволие, чинимое

германскими фашистами, не поддается описанию. В Домброве была подожжена синагога, переполненная молящимися. Тех, кто пытался спастись, расстреливали. В Калише фашисты убили 22 поляка и украинца, потом трупы сложили на телегу, запрягли в нее несколько евреев и заставили их возить телегу по городу. В деревне Грабек Петраковского района немецкий солдат застрелил десятилетнего мальчика, который показал ему язык. Когда родители, братья и сестры высказали свое возмущение, они также были расстреляны.

Широкие массы польского и украинского населения глубоко ненавидят фашистских угнетателей и палачей. В некоторых районах партизанские отряды ведут героическую войну против оккупантов».

Трудно сегодня сказать, какое впечатление произвела эта статья на читателей. Помогла ли она хотя бы кому-нибудь представить себе, какую угрозу людям несет фашистская оккупация. Кстати, сами немцы — от солдат до офицеров вермахта — говорили потом, что были удивлены почти полному незнанию советских евреев о жестоком преследовании нацистами еврейского населения. Откуда же они могли знать, если советская печать упорно молчала об этом?

Советское правительство знало об этом и тоже молчало. Не месяц, не два, а более полутора лет после начала Второй мировой войны. Знало оно и о том, что со дня на день Гитлер нападет на Советский Союз.

* * *

Лев Исаакович Юдовин пишет в своих воспоминаниях: «В середине марта (1941 года. — Авт.) все начальники служб полка получили приказ приступить к составлению мобилизационных планов на случай войны. Для этой цели каждому начальнику, и мне в том числе, предстояло изучить специальную инструкцию, согласно которой следовало составить мобилизационный план, сокращенно — мобплан. И все, кого это касалось, приходили утром в спецчасть, и там каждый работал за отдельным столом в течение 5 дней. Работали напряженно. Мы были уверены в том, что работу выполнили, как положено. Но не тут-то было. Когда через некоторое время прибыла специальная комиссия из военного округа проверить наши мобпланы, их все забраковали. Члены названной комиссии созвали всех авторов мобпланов и объяснили, почему они их не принимают. Нам всем приказали немедленно все переделать заново, учитывая все данные

замечания. Это было уже в последних числах апреля 1941 года. Всем начальникам служб полка пришлось снова приходить в спецчасть с 8 часов утра до 22 часов вечера. Отпускали нас лишь на один час на обед. Так мы работали и в майские праздники... К концу дня 2 мая работу закончили, и нам разрешили идти домой. Вскоре наши мобпланы были проверены, и высшее начальство их одобрило».

* * *

Была еще одна причина, по которой люди не спешили эвакуироваться. В предвоенные годы очень популярной была песня, в которой утверждалось:

Мы войны не хотим, но себя защитим —
Оборону крепим мы не даром,
И на вражьей земле мы врага разгромим
Малой кровью, могучим ударом.

Или, например, в «Песне танкистов»:

Знайте, враги, на удар мы ответим
Так, чтобы вам никогда не забыть.
Не было, нет и не будет на свете
Силы такой, чтобы нас победить.

Об этом же писали газеты, говорили с высоких трибун, повторяли в многочисленных радиопередачах. Так была создана легенда о непобедимости Красной Армии. Самое удивительное, что в нее поверили даже те, кто по долгу службы был обязан знать истинное положение дел.

В доме родителей одного из авторов этой книги накануне войны квартировали командиры Красной Армии. В первый день, когда объявили войну, они успокаивали хозяев: «За неделю немцев отбросят, и война будет на их территории. Живите спокойно». Люди искренне верили в это и оказались в плену собственных иллюзий, пребывая в них даже тогда, когда фронт уже приближался к Витебску.

* * *

Многие жители не отважились на эвакуацию — ехать в неизвестность, в никуда. Люди боялись остаться без средств к существованию. Конечно, было жалко бросить добро, нажитое годами, оставить кастрюли, подушки, буфеты. Это сейчас, спустя десятилетия, мы можем спокойно рассуждать об этом. А ведь из этих самых кастрюль, подушек, буфетов, домов, с трудом приобретенных, и состояла жизнь людей.

После одного из авианалетов к Сарре Манулькиной пришел знакомый беженец^[9] из Польши и сказал:

— Соня, бери девочку и уезжай, куда хочешь. Немец придет и всех порежет. Я уезжаю.

— Как это уйти? Как это — взять ребенка, а все добро бросить и уйти?

И она осталась.

Уходя на восток, люди верили, что через неделю-другую фашистов прогонят и они вернутся в Витебск. Лия Папкова, вспоминая о тех днях, рассказала такую историю. «С собой взяли самое необходимое. Смену белья, полотенце, мыло. Как будто уезжали на выходные дни за город. Вещи, которые представляли какую-то ценность — ковер, велосипед, посуду — спрятали в подвале, где обычно хранилась картошка. Я хотела одеть в дорогу хромовые сапожки, но отец сказал: «Заверни их и положи в подвал, а то в сентябре не в чем будет в школу идти». Я так и сделала. И ушла из дому в парусиновых тапочках. Мы были в эвакуации в Вольске. Наши довоенные друзья, добравшиеся до Вольска к зиме 1941 года, рассказывали, что буквально на завтра после нашего отъезда соседи сбили замки с дверей, открыли подвал и растащили все вещи».

* * *

28 июня 1941 года СНК (Совет Народных Комиссаров — правительство республики. — Авт.) и ЦК КП(б)Б приняли Постановление «О мерах пресечения паники и организации информации населения».

Вот его текст:

«Враждебные советской власти и нашему народу элементы, агенты фашизма в стремлении посеять растерянность и вызвать панику у населения наших городов и деревень распространяют всякого рода провокационные слухи, враки и небылицы.

В целях пресечения подрывной деятельности врагов

советского народа Совет Народных Комиссаров Белорусской ССР и Центральный Комитет коммунистической партии (б) Белоруссии постановляет:

1. Обязать прокурора Белорусской ССР тов. Ветрова, областных и районных прокуроров немедленно арестовать и придать суду военного трибунала лиц, распространяющих разного рода провокационные слухи.

2. Самовольно покинувших свои посты: начальника... заведующего... секретаря РК КПБ... председателя райисполкома... арестовать и придать суду военного трибунала как трусов и дезертиров (вместо проставленных нами многоточий в постановлении указаны фамилии, должности и места работы названных лиц. — Авт.).

3. Обязать все обкомы, райкомы, горкомы КПБ, исполкомы областных Советов трудящихся провести широкую политико-массовую разъяснительную работу, обеспечить выпуск газет, организовать издание листовок плакатов, разъясняющих и формулирующих задачи населению в военных условиях».

Появление такого постановления в условиях того страшной военной времени вполне объяснимо. Однако в постановлении не было главного: оно не обязывало местные органы власти информировать население о продвижении вражеских войск к местам его проживания и, в случае угрозы оккупации, содействовать эвакуации людей.

Как вспоминают витебляне, пережившие то тревожное время, слухи и небылицы и после этого постановления продолжали ходить по городу.

Некоторые утверждали, что Англия и Америка уже вступили в войну против Германии.

Серафима Яковлевна Лаговер вспоминает, как она вместе со своей подругой пошла на вокзал узнать, как и когда можно эвакуироваться. Чем ближе они подходили к станции, тем чаще слышали эту новость.

Директор ватино-ватной фабрики Сандлер, встретив своих работников, спросил у Серафимы Яковлевны:

— Вы идете из дому? Может быть, вы слышали сообщение, что Англия и Америка вступили в войну с Германией?

В этот момент к ним подошел молодой парень и сказал, что он лично слышал это по радио. Передавали в четыре часа...

Людей будоражили и другие противоречивые, ни на чем не основанные слухи.

С. К. Манулькина, пережившая гетто, свидетельствует: «Почему так много евреев осталось в Витебске, и русских тоже! В июле было сообщение, что немцев отогнали далеко от Витебска, километров на 80 на запад. И передали по радио: «Вернитесь все на свою работу, на свои места». Это было не предательство — так власти передали. У меня были родственники на Песковатике: сестра и ее взрослые дочери. Так они уже сидели в поезде и вернулись. Так сделали многие люди, и их всех потом немцы убили»^[10].

Об этом же говорит и Г. В. Шантырь: «Радио до последней минуты толковало, что немцев отбрасывают, и необходимости уезжать нет. Да, к тому же, отец был в командировке в Орше, и мы ждали отца... А немцы пришли неожиданно. А что они будут выделять — никто не знал. Хотя были предупреждения. У нас в подвале жила еврейская семья из Западной Белоруссии, из Польши. И они рассказывали, что там творилось. Но у нас была соседка, одна старая еврейка, она когда-то жила в Германии. Она слушала и считала, что это коммунистические басни...».

* * *

Правдивая официальная информация в одинаковой мере нужна была всем — и евреям, и неевреям. Никто не хотел оставаться под пятой фашистов. Хотя удалось уйти на восток далеко не многим.

По Всесоюзной переписи населения 1939 года в Витебске проживало 167299 человек, в том числе 37099 евреев^[11], то есть 22,17 % от общей численности. Сколько их проживало накануне Великой Отечественной войны, к сожалению, неизвестно. Судя по переписи 1926 года, численность евреев в Витебске составляла 37 % (37013 человек от общей численности населения в 98508 человек). Как видим, за тринадцать предвоенных лет количество еврейского населения Витебска практически не изменилось, несмотря на миграцию, естественный прирост и некоторые другие факторы (хотя в 1939 г. по отношению к общей численности населения процент его стал меньше). Можно полагать, данные оставались примерно такими же и к 22 июня 1941 г. Общая численность городского населения к этому времени составляла около 180000 человек.

Известно, что к сентябрю 1941 г. в Витебске оставалось 64000 человек. Это не считая еврейского населения, загнанного гитлеровцами в гетто. Если из числа довоенных жителей Витебска вычесть 37000 еврейского населения, то получается цифра

143000. Следовательно, к сентябрю 1941 г. в Витебске оставалось примерно 44 % от проживавшей до войны нееврейской части населения. Несомненно, оккупационный режим был страшным для всех жителей города. Но массовые расстрелы в первые недели оккупации коснулись лишь евреев. Отток людей из города в деревню начался лишь зимой, когда стал ощущаться голод. Поэтому мы можем утверждать, что эта цифра — чуть больше 44 % — была верна и в конце июля 1941 года. В это же время юденрат по приказу фашистов провел регистрацию еврейского населения Витебска. В списки было занесено 16000 фамилий. И пускай нас читатель простит за дотошный подсчет. Но это составляет чуть больше 43 % от довоенного еврейского населения города.

Следовательно, в начале июля 1941 года из Витебска на восток ушло приблизительно равное в процентном соотношении количество евреев и неевреев. И это полностью опровергает лживые утверждения о том, что среди беженцев преобладали евреи.

* * *

Люди метались в поисках спасения от смерти. То ли по наивности, то ли от желания даже в самой тяжелой ситуации оставаться оптимистами и не терять последнюю надежду, многие верили, что им удастся пересидеть войну в маленьких деревнях и местечках. Мол, в городах немцы, наверное, расправятся с евреями, а в деревнях оставят их в покое. И еще: богатых они расстреляют, а бедным терять нечего.

Мария Эстрова из Витебска ушла в Шумилино, семья Брускиных — в Яновичи, семья Рониных — в Городок, Хаим Рухман — в Ушачи, Соня Пукшанская — в Лиозно, Вита и Соломон Гольдины — в Яновичи, Рива Шнейдерман — в Бешенковичи, Соломон, Геня, Алтер и Маня Алтерман надеялись укрыться у родственников в Яновичах, Хаим Альтман — в Добромыслях. Даже маленьких детей отправили к бабушкам и дедушкам в местечки, а тех, кто отдыхал там в эти дни, специально не забирали обратно в Витебск. Надеялись, что детям будет там лучше. Так Светлана Каган, которой от роду было всего два годика, осталась в местечке Камень. Игорь и Гоша Соловчинеры — в Дубровно, Миша Рекер — в Островно. Все они были убиты фашистами.

Когда началась война, Хаиму Портному было уже девяносто лет. Всю жизнь он служил кантором в маленьком местечке Бобр.

А когда Советская власть закрыла синагоги, оставил свое родное местечко и перебрался к детям в Витебск. Ходил в старом потертом сюртуке и ярмолке, был тихим и незаметным человеком. Его дочь Соня жила в Орше. В конце июля 1941 года Хаим сказал родным, что уходит к дочке в Оршу. Его отговаривали, упрасивали остаться. А он твердил свое:

— Вы все вместе, а Соня — одна. Ей страшно. Надо помочь. За меня не волнуйтесь. Кому я нужен? Никто меня не тронет.

Хаим ушел и не вернулся. Большая семья Портных погибла в Витебском и Оршанском гетто.

* * *

У каждого человека своя судьба, и никто не знает, что его ждет завтра. Сколько драм и трагедий разыгралось в эти дни в домах и в сердцах витеблян!

Мордуха Полякова призвали в армию в первые дни войны. Его жена Груня Хасина имела возможность вместе стремя детьми эвакуироваться из Витебска. Уезжала фабрика, где она проработала всю жизнь, и для нее нашлось бы место в теплушке. Но уже на вокзале плохо стало старшему сыну Самуилу. Его просили: «Потерпи, болит живот — пройдет. Уедем из Витебска — покажем тебя врачам». А шестнадцатилетний парнишка корчился от боли и стонал. Груня, вся в слезах, не зная, что предпринять, металась по привокзальной площади, пытаясь найти машину, чтобы отвезти сына в больницу. Шоферы смотрели на нее и ничего не понимали: «Как можно болеть в такое время?». Наконец она упростила какого-то молодого парня, и тот отвез Груню и ее детей в военный госпиталь. Самуила тут же прооперировали. Аппендицит. Об эвакуации не могло быть и речи. Поезда больше не ходили. Машин не было. А пешком, через день после операции, далеко не уйдешь.

Самуила фашисты расстреляли прямо во дворе бывшего госпиталя. Груня с двумя детьми оказалась в гетто...

* * *

У Мени и Ханы Леи Лосевых не было детей. А семью Мейера Лосева Бог одарил детьми сполна. Мейер всю жизнь был бедняком. Сначала не получил толковой профессии, потом начало подводить здоровье. Меня не раз говорил родному брату: «Отдай мне на воспитание кого-нибудь из своих детей. Мы же не

чужие. Тебе будет легче остальных поднимать, и у меня в доме появится радость». Ласковая и добрая Соня перешла жить к Мене и Хане Лее. Здесь она выросла. Здесь ее выдали замуж. 7 июля Лосевы собрались уходить из Витебска на восток. Но в этот день у Сони начались схватки и концу дня она родила. С Соней осталась в Витебске ее приемная мама Хана Лея.

Бабушка, дочь и маленький ребенок погибли в гетто.

* * *

Рувим Нихамкин ушел на фронт на второй день войны. И в тот же день его жену Пашу отвезли в роддом. 26 июня появился на свет мальчик, которому дали имя Давид. Почти две недели женщина с младенцем находилась в роддоме. Ее просто некому было забрать. И только 8 июля Паша Нихамкина с Давидом вышла из роддома, добралась до своей квартиры, собрала двух старших сыновей, и они ушли к родственникам в местечко Колышки. Во время одной из гитлеровских акций погиб ее первенец Абраша. Паша и двое других сыновей, Леонид и Давид, чудом уцелели во время расстрела колышанских евреев.

* * *

Исаак Львович Лифшиц — образованный человек, сдавший экстерном экзамены за курс классической гимназии, много и вдумчиво читавший, работавший в разные годы главным бухгалтером на многих предприятиях города, отлично понимал, что фашисты расправятся с ним и его семьей. И не питал на этот счет никаких иллюзий. И тем не менее, он даже не предпринял попытки эвакуироваться из Витебска. Наверное, хватило бы сил уже немолодому, 62-летнему, но еще крепкому мужчине, выдержать трудный путь на восток. Его останавливало чувство долга. Как раз в начале июля 1941 года на руках у Исаака Львовича оказалась крупная сумма денег, которую он как главный бухгалтер и кассир должен был выплатить работникам артели. Исаак Лифшиц до самого последнего дня, пока фашистские войска не пришли в Витебск, аккуратно, минута в минуту, приходил на службу. Артель уже не работала. А он ждал людей, чтобы выплатить им зарплату. Боялся подвести их, оставить без куска хлеба. Как оказалось, многие из тех, кого он ждал, махнули рукой на деньги и ушли из города. У Исаака Львовича так и не нашлось времени позаботиться о себе. И он

остался в оккупированном Витебске. Попал в гетто. Вел себя спокойно и с достоинством. Может быть, силы ему прибавляло то, что он знал — его дети находятся в безопасности. Старшая дочь учится в Москве, а младшая Лиля вместе с тетей, сестрой жены, которая работала в Госбанке, уехала на восток, в том самом вагоне, который выделили для вывоза ценностей.

* * *

Мы не знаем, были ли знакомы Исаак Львович Лифшиц и Иосиф Лейбович Миркин. Но судьбы их в чем-то схожи. Иосиф Лейбович работал главным бухгалтером Витебской областной юридической консультации. 4 июля его вызвал начальник этой организации и сказал, что ему поручается подготовить к эвакуации и вывезти на восток архив. В помощь ему оставили еще несколько человек. Наверняка, в архиве было много документов, необходимых для работы, представляющих интерес для исследователей, историков. Но вряд ли они стоили человеческих жизней. Впрочем, кто тогда думал об этом. Был приказ, и его надо было выполнять. Иосиф Лейбович как обязательный и пунктуальный человек взялся за работу. Его предупреждали, советовали уходить из города. Он отвечал, что еще не до конца выполнена работа и нельзя оставлять архив. Изо дня в день Миркин приходил в консультацию и аккуратно укладывал документы, составлял описи. По-другому он не умел работать. Когда, в конце концов, задание было выполнено, уходить из Витебска было поздно. Немецкие войска перерезали все дороги, ведущие на восток. Иосиф Лейбович остался в городе. Он погиб в тот страшный день, когда фашисты загоняли людей в гетто и заставили тех, кто жил на левом берегу, переправляться через Западную Двину.

* * *

Ирина Иссеровна Левина (Вейлер) рассказывала нам: «Мы жили с папой, мамой, двумя братьями на улице Нижне-Набережной (ныне улица Ильинского. — Авт.). Отца забрали в ночь на 23 июня на фронт. Он был заведующим магазином, отец, и мама были членами партии. Мама приняла у отца магазин. Все было сделано официально, как следует. Со всеми подписями: кто сдал, кто принял. Нам были известны предупреждения властей, что члены партии, убежавшие на восток, при поимке будут

У Дмитрия Григорьевича Хвата отец был врачом. «К началу войны мы жили в Витебске, — вспоминает он. — Отец заведовал поликлиникой. Звали его Григорий Борисович. Он родился в Белостоке, учился во Франции, закончил университет в Сорбонне. Был терапевтом высшего класса. Практиковал в Германии, Италии. В 1935 году попросил политического убежища Советском Союзе. Он был идеалистом и свято верил в светлое будущее. Так наша семья оказалась в Витебске. Отец был ответственным человеком. Ему в облздравотделе сказали: «Вы должны обеспечивать сохранность имущества поликлиники». Нас с матерью он посадил на поезд, мы должны были ехать в эвакуацию, но мама, хорошо зная отца, выгрузила нас и сказала: «Пока ты здесь, мы остаемся с тобой». Наша семья ушла из Витебска пешком, когда немецкие войска уже входили в город с другой стороны. Ушли, в чем стояли: в летних платьях, рубашках. Была жара. Захватили с собой только одно одеяло. Мне было тогда тринадцать лет, сестренке — три года. Кое-как мы добрались до городка Ильино, это в Смоленской области. А там уже были немцы. И мы оказались в гетто».

Подобные рассказы мы много раз слышали от разных людей. Вот воспоминания Марка Давыдовича Пескина, работавшего до войны на игольном заводе контрольным мастером в цехе № 3. «На заводе оставалось только 10 человек. Вскоре нас пригласили в Октябрьский райком партии, он находился в Бибкином переулке (ныне — переулок Янки Купалы. — Авт.). Говорил с нами второй секретарь райкома М. Т. Любимцев. С его слов было понятно, что мы должны быть готовы ко всему: участвовать в обороне города и, если понадобится, создать партизанский отряд. При необходимости должны быть готовы покинуть город и любыми способами добраться до Подольска, куда был эвакуирован наш завод. Из его сумбурного выступления мы поняли, что никакого конкретного плана действия у партийного руководства города нет. Единственное, что он предлагал конкретно: каждому пойти в 6-ю школу на улице Ленина и там получить оружие.

Из райкома мы сразу же отправились в школу. Там на лестничной клетке стоял большой ящик с винтовками. К нашему удивлению, они были американские, калибра 9 мм. Каждому под расписку выдали винтовку и четыре патрона.

А город все время бомбили....».

* * *

Многие семьи не смогли подняться и уйти на восток, потому что мужчины были призваны в Красную Армию. Жены и дети оставались на местах, не решаясь самостоятельно отправиться в дорогу. И нередко из-за одного человека не могла эвакуироваться вся семья.

Нина Моисеевна Гнесина работала на очковой фабрике в планово-экономическом отделе. 2 июля директор фабрики И. Г. Меерзон сообщил на совещании фабричных служб, что поступило распоряжение в ближайшие дни эвакуировать фабрику. Желающие могут уехать со своими семьями.

Вечерний разговор на эту тему в семье Гнесиных был коротким. «Ждать нечего, — сказал муж Нины Моисеевны, — бери детей и уезжай. Я с вами ехать не могу. Аптечные работники остаются в городе. Приедешь на место — сразу напиши». Так вопрос об отъезде был решен.

Нина Моисеевна с детьми пришла на вокзал задолго до назначенного времени. Там уже были другие работники фабрики. «Они сказали нам, — рассказывает дочь Н. М. Гнесиной, — что наш эшелон подадут не скоро. Мы решили не уходить.

Сели на перроне на свои вещи. Были там и другие семьи ожидавшие подачи состава. Над нами висел громкоговоритель. Сидим, слушаем передачи. Вдруг диктор говорит, что Англия и Америка будут нашими союзниками в войне против фашистской Германии. Сегодня я не могу дословно повторить сказанное диктором, но смысл помню очень хорошо. Помню как взрослые стали говорить, что, может быть, стоит вернуться. И многие, действительно, ушли домой. А мы пошли на перрон. Видим, поезд уже стоит. В какую-то теплушку (так тогда называли товарные вагоны, в которых перевозили людей. — Авт.) влезли и мы».

* * *

Стремительное наступление немецких войск затрудняло

эвакуацию. В первую неделю войны организованной эвакуации ни населения, ни предприятий из Витебска практически не было. Ситуация изменилась только после речи И. В. Сталина, с которой он выступил по радио 3 июля 1941 года: «...При вынужденном отходе частей Красной Армии нужно угонять весь подвижной состав, не оставлять врагу ни одного паровоза, ни одного вагона, не оставлять противнику ни килограмма хлеба ни литра горючего. Колхозники должны угонять весь скот, хлеб сдавать под сохранность государственным органам для вывоза его в тыловые районы. Все ценное имущество, в том числе цветные металлы, хлеб и горючее, которое не может быть вывезено, должно, безусловно, уничтожаться...».

В тот же день бюро Витебского обкома и горкома партии приняли постановление об эвакуации^[12] промышленного оборудования, сырья, других товаров и материальных ценностей в тыловые районы страны.

4 июля поезд с оборудованием швейной фабрики «Знамя Индустриализации» (директор Мочалов) и 350 рабочих с семьями — всего 850 человек — двинулись на Саратов. Каждые пятьдесят километров поезд останавливался. Вследствие бомбежек были повреждены рельсы. 5 июля выехали обувные фабрики — «Прогресс» в Уфу (директор Пушкин, 200 рабочих) и «Красный Октябрь» в Кунгур Молотовской области (директор Захватов, 125 рабочих), 7 июля — трикотажные фабрики им. Клара Цеткин в Меликес (директор Аверин, 300 рабочих) и фабрика им. «КИМ» в Ульяновск (300 рабочих), 6 июля — дрожжевой завод в Пензу (эвакуировал механик Филатов, директор Герцкин в это время был в отъезде). В эти же дни были отправлены льнопрядильная фабрика им. Кагановича в Кострому (директор Жуковский, 250 рабочих), кожзавод им. Евстигнеева в Горький (директор Кривицкий, 182 рабочих), станкостроительные заводы им. Кирова в Елец (главный инженер Медянцева), им. «Коминтерна» в Саратов (директор Лейкин), игольный завод в Подольск (директор Шапиро), махорочная фабрика на станцию Петровская Саратовской области (директор Школьник), молочный завод в Воронеж (директор Лившиц), облуправление связи в Мичуринск Тамбовской области (начальник Ранкевич), очковая фабрика — в поселок Суксун Молотовской области, в годы войны она была преобразована в завод № 17, производивший оптику для нужд фронта (директор Меерзон), щетинно-щеточный комбинат, железнодорожные предприятия. 5 июля были эвакуированы пединститут им. Кирова — в Челябинскую область (директор Коляда), мединститут — в Ярославль (директор Хазанов), зооветеринарный институт — в город Кинель Куйбышевской

области (директор Я. С. Белкин, в годы войны не работал), художественная галерея им. Ю. М. Пэна — в Саратов (старший научный сотрудник Сумник), другие предприятия и учреждения.

Это лишь перечень. А еще были люди, конкретные исполнители. И работа без усталости, и гражданская ответственность, и воля, и эмоции, и малодушие — тоже были.

* * *

Всеволод Федорович Филатов, бывший механик дрожжевого завода, которому довелось эвакуировать предприятие, вспоминал: «...Когда угроза захвата Витебска стала очевидной, начал активно действовать только что созданный штаб эвакуации. Каждый директор старался получить больше вагонов и быстрее вывезти оборудование, чтобы установить его на новом месте в тылу. Помню, как наш сосед, директор очковой фабрики Меерзон, угрожающе размахивал кулаками, требуя: «У меня очки для летчиков. Кроме нас, их никто в Союзе не выпускает, а вы мне даете один вагон, а соседу (дрожзаводу. — Авт.) два». А я свое: мои трубки из червонной меди — стратегическое сырье, очень нужное фронту...

...Мы начали эвакуацию завода 5 июля, а через сутки были готовы в путь... Нужно было отправить в тыл рабочих и их семьи. Остаться в городе никто не хотел... А мест в вагонах нет. Люди сами искали выход: сооружали из досок нары, выискивали места между станками...

...9 июля самолеты врага бомбили мост и вокзал. Усилился артиллерийский обстрел жилых кварталов. Город был охвачен дымом. Кругом неразбериха...

Появилась мысль взорвать завод, поскольку он был заминирован, но я не имел на это права. По мобилизационному плану взорвать любое предприятие в городе могла и должна была специальная команда»^[13].

* * *

Из «Докладной записки» от 4 августа 1941 года секретарей обкома и горкома партии В. Комиссарова и М. Левикова в ЦК КП(б)Б: «...в основном предприятия провели эвакуацию организованно. Одновременно с этим имели место проявления трусости и паникерства со стороны отдельных руководителей предприятий. Так, директор фабрики (...) вместо организации

отгрузки оборудования, погрузив в первый эшелон незначительное количество оборудования, пыталась сама уехать с крупной суммой денег, не произведя расчета с рабочими. (Она) была задержана и передана в органы военной прокуратуры. Директора заводов (...), погрузив в первый эшелон незначительное оборудование, этим же эшелоном уехали в тыловые районы. Паникерство проявил директор (...)). (В «Докладной записке» вместо проставленных нами в скобках многоточий названы предприятия и фамилии руководителей. — Авт.).

К тем, кто эвакуировался вместе с предприятиями, прибавлялись толпы охваченных паникой беженцев. Вокзал был переполнен. 9 июля движение поездов прекратилось. Люди спешили перебраться на лодках на левый берег Западной Двины. Многие пешком двинулись через Яновичи на Псков и Великие Луки, другие — по направлению к Смоленску. Однако 10 июля развернулось Смоленское сражение, и оба эти пути были перекрыты немецкими войсками.

* * *

Первой в семье Абрама Флейша эвакуировалась старшая дочь. Она училась на 4 курсе художественного училища, грузила его имущество и уехала вместе с ним. Потом на попутной машине уехали Абрам Флейш с женой и младшим сыном. Второй сын, Лев Флейш, не застав 9 июля никого дома, двинулся вместе с другими жителями в сторону Ярцева. Не доходя до Ярцева, они заночевали, а когда утром проснулись, увидели немцев, которые шли на восток. Убедились, что территория оккупирована, и решили вернуться обратно. В Витебск Лев Флейш пришел в начале августа.

* * *

Слово «эвакуация» знакомо сегодня многим, но только очень немногие из послевоенных поколений знают, что пришлось пережить людям, бежавшим из родных мест, чтобы спастись от фашистского нашествия, в каких условиях жили беженцы и эвакуированные.

Разумеется, разными были обстоятельства, в которых оказывались люди. Мы излагаем только факты. Без этой страницы история Великой Отечественной будет неполной, останется в тени многое из того, что несет мирным людям война.

«Мы с мамой, папой и сестренкой Юлей, — рассказывает Полина Матвеевна Кагно (по мужу Зильбер), — жили на Марковщине, по Ленинскому проспекту. Мама преподавала в ФЗУ (так тогда назывались фабрично-заводские училища. — Авт.) при заводе им. Кирова. Папа после окончания политехникума работал в конструкторском бюро фабрики им. «КИМ». Перед войной он сломал ногу и долго не работал.

В первые дни войны никакой паники дома не было. Родители не сомневались, что все это ненадолго. Но вскоре стали летать немецкие самолеты. Начались бомбежки, воздушные тревоги, бомбоубежища. Становилось страшно.

Помню день, когда мы пошли на вокзал. На меня надели новую шубку, в руку дали сумочку с продуктами. Мама несла зимнее одеяло. Папе привязали к груди Юлю, сам он еще опирался на костыль.

По маминым рассказам, уходили мы 6 июля. Квартиру замкнули, ключ папа положил в карман — мы собирались быстро вернуться.

На вокзале было очень много людей, они сидели на мешках, чемоданах. Стоял крик, шум. Все ждали эшелонов. Так мы просидели два дня. Спали прямо на земле. Подходили составы, давка была страшная. Крик и сейчас звенит в ушах.

Я не помню, как мы очутились в теплушке на нижних нарах. В вагоне было полно народу, сесть негде было, и некоторые стояли. Многие плакали. Ехали очень медленно. За городом поезд остановился, люди вышли из теплушек подышать свежим воздухом. Пока стояли, я нарвала букетик ромашек и воткнула его за скобу теплушки.

По дороге нас бомбили. Во время одной из бомбежек осколок попал мне в ногу, шрам от него и сейчас есть.

Под Бычихой (станция в 54 километрах от Витебска. — Авт.) налетели немецкие самолеты, поезд остановился. Все бросились из вагонов, кто ложился у насыпи, кто-то бежал к кустарнику. Мама все время говорила, чтобы мы были вместе, если убьет, так всех. А я убегала. Мне казалось, если я лягу с ними нас обязательно убьют. После одной бомбежки все поле было усеяно телами. Стоны, крики, женщина бегала среди тел и кричала: «Лева! Лева!». Так она и осталась на поле.

Слышу гудок. Поняла: поезд тронулся. Я успела подбежать к последней теплушке. Дверь была открыта. Молодой парень прыгнул, подхватил меня, вбросил в вагон и сам вскочил обратно. А там — полно людей, лежит мужчина с оторванной ногой, кровь, ужас.

На первой же остановке я побежала искать свой вагон. Узнала

его только по букетику, который так и торчал за скобой.

Наступила ночь, и поезд остановился. Трое мужчин откатали дверь теплушки, и кто-то тихо сказал, что немцы уже впереди и поезд дальше не пойдет. Наша семья и еще одна пошли вдоль железной дороги. Когда рассвело, спрятались в лесу. Было видно поле, железная дорога. Я видела, как шли немецкие танки.

У нас не было хлеба, воды. Особенно страдала Юлия. Я пила из болота, а она не могла.

Мы зашли в деревню, нам дали хлеба, попить и кусок сала. А в другой деревне нас не пустили в дом, хозяйка закричала: «Идите, идите отсюда, а то налетят немецкие самолеты и будут нас бомбить!».

Вдруг на дороге появилась полуторка с красноармейцами. Они нас взяли. Папа потом говорил, что мы проехали с ними километров сто. Военные посадили нас в товарный поезд, и мы доехали до Муром. Там на окнах домов не было белых полосок — значит, подумала я, здесь не бомбят.

Оттуда нас направили в Казахстан. Хозяйка дома, в котором мы остановились, жила одна, но нас пустила только в сени. Папа из досок и кирпичей соорудил тахту. На ней мы спали вчетвером. Из-за болезни легких отец был белобилетником — так называли тех, кого не брали в армию. Но вскоре его взяли в трудовую армию и отправили в Новосибирск.

Мама работала на кожзаводе, шила портупеи и седла для коней. Руки были в кровавых мозолях, а за месяц зарабатывала столько, сколько стоила буханка хлеба на базаре.

Мы голодали три года. Мама приносила домой свою пайку хлеба и суп, который ей давали, а мы с Юлей получали хлеба по 200 граммов. Юлия ходила в детский садик со своим кусочком хлеба, который лежал в мешочке. Мешочек висел у нее на шее. Она была такая истощенная и слабая, что у нее этот хлеб отбирали дети постарше. Помню ее огромную голову и тоненькие ножки. Мама начала опухать, уже не могла работать.

Я спасала маму и сестричку. Ночью разбирала частокол из прутьев и топила печь. Ходила по убранным огородам и собирала кочерыжки от срезанной капусты, оставшуюся мерзлую картошку, морковь. А еще я забиралась к хозяйке. У меня стоял большой сундук, в котором хранилась мука. Я набирала небольшую мисочку и быстрее обратно, чтобы никто не увидел. Но хозяйка заметила, что я беру муку, и все спрятала. А учительница Зоя Ивановна, очень красивая и нарядная, читала мне нотацию, что воровать нельзя. Я ее слушала и думал и что мы умираем от голода...

Мама часто говорила: «Давайте истопим печку и закроем

выюшку (задвижка в печной трубе для прекращения тяги воздуха. — Авт.), и кончатся наши мученья...». Но я забирала сестричку и убегала к соседям.

Однажды, когда я собиралась идти в магазин попросить хлеба на послезавтра, увидела в дверях отца. Позже узнала что в Новосибирске у него обострился туберкулез. Отец был хорошим конструктором, его отправили в Узбекистан на рудник Меликса строить канатно-подвесную дорогу. Он приехал за нами, привез продукты.

...Рудник находился в горах. Мы жили в ауле Брич-Мула, были там и другие эвакуированные семьи. Война шла к концу и мама стала говорить: «Поедем на Родину». К тому же, нас трясла малярия, а у отца стало плохо с сердцем...

День Победы мы встретили в Перово под Москвой».

* * *

Оказался на оккупированной территории и Захар Михайлович (Залман Менделевич) Бумагин. В июне 1941 года он окончил Витебский пединститут. «Сразу же нас, выпускников, вызвали в военкомат и переписали. Сказали, что временно выезд из города нам запрещен. Мы этому не удивились, потому что думали: в любое время нас могут вызвать.

Когда через неделю из города стали выезжать разные службы, я понял, что город вот-вот будет сдан, и решил поехать к родным в Яновичи, что-то предпринять на случай их эвакуации. Не считая пожилого отца, я был старшим в доме. Кроме меня было еще два брата. Мама умерла за два года до войны.

Мы с соседями стали думать, что делать дальше. Решили собирать повозки, лошадей и эвакуироваться. 10 июля двинулись в путь. Так началось наше путешествие, которое продолжалось целый месяц. Двигались в основном по ночам, а днем прятались от налетов авиации. Добрались до городка Белое. Вдруг на подходе к городу впереди стали кричать: «Немцы!». Оказывается, немцы опередили нас. Они преградили дорогу и стали кричать: «Цурюк! Нах хаузе!» («Обратно! Домой!»). Было очень много беженцев на дороге, и все стали поворачивать обратно».

Захар Михайлович вернулся домой в Яновичи. В первый же день был схвачен немцами. Вместе с другими яновичскими евреями работал на строительстве дороги. Через несколько дней бежал. Скрывался в семье Любы Жуковой, с которой учился в школе. Но отсиживаться там не собирался. С помощью Зины Кузьминой, двоюродной сестры Любы, в августе 1941 года

добрался до партизанского отряда Батьки Миная — Миная Филипповича Шмырева. Участвовал во многих боевых операциях. В конце ноября 1941 года группу партизан, в составе которой был З. М. Бумагин, отправили через линию фронта в действующую армию.

Воевал минометчиком сначала на Калининском, затем на Западном фронтах. Освобождал Закарпатье, Польшу, Чехословакию. Был дважды ранен. Демобилизовался в конце 1945 года. Вернулся в Витебск и до выхода на пенсию работал завучем, преподавал математику и астрономию в 20-й школе.

* * *

Семья Могильницких жила в Витебске по улице Городокской. Глава семьи Рувим Могильницкий умер еще до войны. Жена осталась с двумя детьми. Старшему Яше было тринадцать лет, девочке — семь.

«Когда началась эвакуация и пошли беженцы, — рассказывал Яков Рувимович Могильницкий, — мы тоже решили уйти из Витебска. Но куда? Наша соседка, у нее было трое маленьких детей, сказала: «Пошли к моей сестре в Шумилино. Денег у нас нет, золота — тоже. Немцы бедных евреев трогать не будут. Да кроме того, местечко — не город. Туда они могут и не прийти».

Я нашел бесхозную лошадь с телегой. Мы погрузили свои узлы и поехали в Шумилино. Только выехали, увидели немцев. Они шли на восток, а мы шли на запад, им в тыл. Когда рядом остановился немецкий солдат (мне он тогда показался пожилым) я спросил у него на идиш:

— Это правда, что немцы убивают всех евреев?

Он ответил мне:

— Да, правда, — и дал кусок хлеба.

Соседка, ее дети, моя мама заплакали. Потом соседка говорит:

— Нас не тронут. Мы простые люди.

Куда нам было деваться? И мы пошли в Шумилино.

Первые недели нас не трогали. Где-то через месяц немцы отвели домов десять, выгнали оттуда русских и стали в них сгонять евреев со всего городка. Так появилось гетто...».

Однажды, когда Яша возвращался из деревни, куда ходил добывать еду, его встретил незнакомый мужчина и сказал, что немцы всех евреев расстреляли.

Яша побежал в гетто. Его остановила женщина и сказала: «Не ходи туда. Ты им не поможешь». Это было 19 ноября 1941 года.

После нескольких недель скитаний Яша Могильницкий оказался в деревне Пятницкое. Его приютила семья Сергея Трофимовича Кутенко.

Весной 1942 года у Кутенко стали бывать партизаны. Яша Могильницкий просил взять его в отряд. И в конце концов партизаны забрали его с собой в лес.

Бывший партизанский разведчик В. Заболотнов на своей книге «Наш позывной «Аист», изданной в Москве в 1973 году, сделал дарственную надпись: «Боевому другу — отважному партизану Калининской партизанской бригады Якову Могильницкому на добрую память о наших тернистых тропах в тылу противника!»

Весной 1944 года Я. Р. Могильницкий попал в действующую армию. Выучился на минера. Дошел до Кенигсберга.

Закончил службу на Дальнем Востоке.

* * *

Большая семья Флейшеров жила на Песковатиках. 7 июля, поднимая столб пыли, на улицу Колхозную на полном ходу въехала полуторка и, заскрежетав тормозами, остановилась у соседского дома, где жили Гофманы. Из кабины выскочил Мотя Гофман, к тому времени старший офицер, имевший четыре кубика в петлицах. «Быстрей, быстрей, залезайте все в кузов, — поторапливал он своих. — Я еду на восток. Подвезу, сколько смогу. Дальше будете уходить пешком». Флейшеры, хорошо знавшие Мотю и дружившие с Гофманами, вышли из дома и попросили соседей: «Возьмите нас тоже с собой». Мотя в ответ только кричал: «Быстрей, быстрей». К ним прибавлялись другие соседи, хотевшие уехать из города. Но когда все оказались в кузове, груженная полуторка не смогла сдвинуться с места. Мотор, несколько раз злобно фыркнув, заглох. И тогда Мотя Гофман вышел из кабины и приказал: «Всем посторонним слезть с машины». Конечно же, свою собственную семью он не считал посторонней. Но кто вправе упрекнуть его в этом? Двенадцатилетний Боря Флейшер подошел к Гофману и попросил: «Дядя Мотя, возьмите меня с собой». И Борина мама Голда Флейшер, предчувствуя самое страшное, стала плакать и просить: «Мотя, возьми его. Пускай хоть он останется жить». Мотя поднял мальчишку на вытянутых руках и, как котенка, бросил в кузов.

В тот же день остальные Флейшеры попытались пешком уйти из Витебска. Они прошли километров пятьдесят и увидели

впереди себя немецкие танки. Надо было возвращаться обратно.

У Флейшеров была большая и дружная семья. Голда Менделевна вырастила пятеро детей. Ребята были умные, красивые, сильные. Родители гордились ими и считали своим главным богатством. Трагически сложилась судьба этой семьи.

Моисей был первенцем у родителей. За два месяца до войны он был призван в армию. Воевал храбро. Был несколько раз тяжело ранен. Умер в 38 лет — сказались фронтовые ранения.

Восемнадцатилетний Иосиф Флейшер решил во что бы то ни стало пробиться на восток, к своим. Он говорил, что обязан воевать с врагом в рядах Красной Армии. Иосиф ушел из дома, но так и не сумел осуществить своего замысла. Он пропал без вести в мясорубке первых военных дней.

Шестнадцатилетняя Гутя Флейшер отказалась идти в гетто. Немцы поймали ее в городе и повесили.

Бейнусу Флейшеру было всего пятнадцать лет. С первых же дней фашистской оккупации Витебска он стал говорить друзьям, одноклассникам: «Надо уходить в лес. Создавать партизанские отряды. Сражаться с врагами». Но где взять оружие? Решили добыть или, вернее, украсть его у немцев.

Одним из самых многолюдных мест в городе был Смоленский базар. Здесь можно было купить продовольствие или выменять его на одежду, обувь, ювелирные украшения. Зачастили сюда и немцы. По базару ходило много солдат и офицеров, которые иногда покупали, а порой просто отбирали понравившиеся им вещи. Бейнус Флейшер не представлял себе, что одной смелости мало, чтобы украсть пистолет у немецкого офицера. Надо еще иметь элементарные воровские навыки, чтобы вытащить оружие из кобуры, висящей на чужом поясе. Конечно же, Бейнус не умел этого делать. Его поймали, когда он пытался вытащить пистолет у первого же оккупанта. Немецкий офицер выхватил оружие и почти в упор расстрелял мальчишку. Три дня тело Бейнуса Флейшера лежало посреди Смоленского рынка. Родителям не разрешали похоронить сына. Фашисты говорили: «Пусть все видят, что будет с теми, кто посягнет на имущество немецкой армии».

В Витебском гетто погибли мать Бейнуса, Бориса, Моисея, Иосифа, Гути — Голда Менделевна Флейшер, их бабушка и дедушка — Лея и Мотл.

Другого деда убили соседи, жившие на той же Колхозной улице. Они пытались ограбить дом Флейшеров, искали золото. Пожилой человек стал взывать их к совести. Его били, пока он не упал замертво.

Сегодня о большой довоенной семье Флейшеров может

рассказать только Борис. Вместе с Гофманами он добрался до Саратова. Потом оказался в детском доме в Оренбургской области. Там его записали под новой фамилией — Михайлов.

* * *

Еще в начале войны в здании 27-й школы был оборудован эвакогоспиталь № 547. Начальником госпиталя назначили Л. А. Вязьменского, бывшего до войны главврачом Витебского тубдиспансера, комиссаром — М. Раппопорта.

В двадцатых числах июня из Москвы в Витебск прибыла группа военных врачей для работы на госпитальной базе Западного фронта, в составе которой был хирург Б. Петровский, будущий академик и Министр здравоохранения СССР.

«...Часам к шести вечера приехали в Витебск, — вспоминал Б. Петровский. — На вокзале и Привокзальной площади было очень шумно, часто редела сирена, по радио объявили воздушную тревогу, но ее быстро отменили. Мы с Ильей Семеновичем Липкиным стали спрашивать, как найти школу № 27. Прохожие с подозрением смотрели на Липкина, на его черноватые усики и кашне. Женщины несколько раз подводили к нему милиционеров и офицеров с требованием проверить наши документы. Наконец, мы пришли в школу...».

Утром работники госпиталя из клиник мединститута, который свернул свою работу, готовясь к эвакуации, забрали нужное оборудование, инструменты и материалы и привезли в госпиталь. Через три часа операционные блестели оборудованием.

«В три часа дня начали поступать раненые. Город горел, бомбежка продолжалась, начался артобстрел...

Раненых поступало много. Они нервничали и просили скорее их эвакуировать. Вывозили раненых без промедления. Врачи старались удобнее устроить их в теплушках санпоездов. То и дело взлетали столбы пламени от взрывов фугасов и авиабомб, неустанно работали бригады по ремонту путей...

Однажды вышел в город, на площади — толпа: поймали диверсанта в милицейской форме. Подошел начальник милиции. Вдруг сзади раздался выстрел — начальник был убит наповал. Все убежали, но двое рабочих, державших диверсанта, не растерялись, не выпустили его.

Воздушная тревога объявлялась чуть не каждые пять минут. Через две недели — приказ об эвакуации. Забрали оборудование, добытое в мединституте, погрузили раненых, имущество,

медперсонал, и ночью поезд тронулся по направлению к Москве»^[14].

В дни обороны Витебска действовало также несколько полевых передвижных госпиталей.

* * *

Люди военного поколения хорошо помнят лаконичные сообщения Совинформбюро^[15] о положении на фронтах и партизанском движении. Их ждали и верили им безоговорочно, даже когда в потоке новостей звучала горькая правда.

Однако населению, находившемуся непосредственно на пути движения вражеских войск, подобные сообщения не давали сколько-нибудь реального представления о смертельной опасности, нависшей над их жизнями, и тем самым еще больше дезинформировали, не оставляя времени для спасения.

27 июня в сообщении Совинформбюро впервые появилось упоминание о Минском направлении. В частности, говорилось о том, что «отбито наступление крупных танковых частей противника». А ведь уже утром 28 июня Минск был занят немцами.

Витебск на протяжении первых трех недель войны в сообщениях Совинформбюро не упоминался ни разу, впервые он был назван 12 июля 1941 года: «В течение 12 июля проходили упорные бои между нашими войсками и войсками противника на Витебском направлении, в результате боев каких-либо существенных изменений не произошло». Совсем никаких? И взятие немцами Витебска 11 июля тоже не явилось «существенным изменением» на этом направлении?

* * *

В июне 1941 года, незадолго до нападения гитлеровской Германии на Советский Союз, была образована ударная группа немецких армий «Центр», которая была нацелена на Москву. В ходе продвижения этой группировки в глубь советской территории Витебск оказался в зоне ее активных боевых действий.

В первых числах июля в районе Витебска сложилась тяжелая обстановка. Авангардные части из группы армий «Центр» стремительно продвигались к городу.

Вот хроника боев.

8 июля

Взвод 37-й стрелковой дивизии во главе с майором Рожковым (20-я армия генерала П. А. Курочкина), рота Осоавиахима и бойцы народного ополчения заняли оборону Старого моста (ныне мост им. Кирова).

Утром в Витебск прибыл командующий 19-й армией генерал И. С. Конев. После встречи с защитниками моста он оставил им группу своих пехотинцев, несколько танков «КВ» («Клим Ворошилов». — Авт.) и отправился на артиллерийскую батарею, расположившуюся недалеко от моста.

Первая рота Осоавиахима, занимавшая оборону на левом (восточном) берегу Западной Двины от Старого моста до летнего гарнизонного военного лагеря им. Воровского (ныне район парка «Мазурино»), отбила обе попытки неприятеля переправиться на левый берег реки.

Весь день вражеская авиация и артиллерия наносила удары по городу. Остановилось трамвайное движение, опустевшие вагоны так и оставались стоять в разных местах города.

Опасаясь переправы и выхода вражеских войск на Смоленское шоссе, по приказу командования был взорван Старый мост и подорваны береговые пролеты Нового моста (ныне мост им. Героя Советского Союза Ф. Т. Блохина). Для осуществления взрывов в группу подрывников был прислан крупный инженер, специалист по строительству мостов Борис Бенцианович Магергут.

9 июля

С рассвета вражеская авиация возобновила атаки на город. В бою погиб командир батареи. Генерал И. С. Конев принял на себя управление огнем.

Подразделения 20-й танковой дивизии 3-й танковой группы генерала Г. Гота прорвались в город и овладели его западной окраиной в районе железнодорожного моста.

Армейские части и прибывшие утром курсанты Лепельского военного училища удерживали территории, прилегавшие к Городокскому шоссе (ныне улица Ленинградская. — Авт.).

В 17.00 начальник штаба 23-го механизированного корпуса 19-й армии сообщил командиру 220-й мотострелковой дивизии, что Витебск пал...

Около полудня из Витебска ушел последний эшелон.

10 июля

К полудню полыхал весь город. Несмотря на яркое солнце, высокое пламя над горевшим городом было видно издалека. Никто не тушил пожары.

В течение дня подразделение 220-й мотострелковой дивизии 19-й армии вместе с ополченцами дважды выбивали гитлеровцев

из восточной части города.

В 3.00 ночи стрелковый полк 220-й дивизии переправился в центре города на западный берег реки и внезапным ударом разгромил штаб германского соединения, уничтожив шесть офицеров и одного генерала.

К исходу дня 20-я и 12-я танковые дивизии 3-й танковой группы Г. Гота заняли восточную часть Витебска.

В трехтомном военном дневнике бывший начальник Генерального штаба сухопутных войск немецко-фашистской армии генерал-полковник Ф. Гальдер писал:

«11 июля 1941 года, 20-й день войны

...б) командование противника действует энергично и умело. Противник сражается ожесточенно и фанатично;

в) танковые соединения понесли значительные потери в личном составе и материальной части. Войска устали...»^[16].

* * *

Все эти дни в городе полыхали пожары. Поток людей, несущих на себе домашний скarb, направился на Смоленск. Туда же двигались отступающие воинские части.

Беженцев со Смоленского шоссе стали сгонять потому, что они затрудняли отступление воинских частей, а толпа с разноцветными узлами на плечах могла привлечь внимание немецких самолетов.

На месте недавнего города торчали обгорелые кирпичные стены, печи, трубопроводы. Повсюду были разбросаны железные кровати. Среди этого пожарища кое-где виднелись редкие оазисы негоревших зданий: каланча и дома вокруг нее, здания горсовета и горкома партии, собор.

Городские улицы стали непроходимыми: обвалившиеся стены зданий, телефонные столбы, спутанная проволока — все это мешало передвижению даже пешеходов.

* * *

Вернувшиеся жители размещались по подвалам, строили себе шалаши, жили и готовили пищу на открытом воздухе и зачастую сами добровольно «уплотнялись» до последнего предела.

Полина Моисеевна Фрумсон тогда жила на Песковатиках,

северной деревянной окраине города. Когда начались пожары, этот район загорелся сразу. Кругом стоял плач, крики. Летали немецкие самолеты и разбрасывали листовки. В них говорилось, что немцы несут «новый порядок», что они культурные люди и их бояться не надо. Они принесут свободу всем, «кроме жидов и коммунистов», и таким образом спасут Россию.

Еврейские женщины, жившие на Песковатиках, прихватив с собой детей, побежали прятаться на кладбище. Там же оказалась Полина Фрумсон с братом и мамой. Народу на еврейском кладбище собралось много. Люди пытались спрятаться за могильными плитами, надгробными памятниками.

Сейчас трудно объяснить, почему люди пошли прятаться на кладбище. Может, сработал психологический фактор или возникла неосознанная надежда, что покойники заступятся за живых. В хасидских легендах и преданиях часто упоминается о чудодейственной силе могил цадиков (праведников), могил умерших родителей. А может, просто, когда нам очень плохо, мы вспоминаем, кто мы, и пытаемся найти в этом какое-то спасение.

На кладбище люди пробыли целую ночь. К утру вернулись на пепелища, оставшиеся от домов, и увидели немцев, которые шли со стороны Барвин-перевоза.

* * *

11 июля 1941 года после тяжелых оборонительных боев армейские части и батальоны народного ополчения, теснимые превосходящими силами противника, оставили Витебск.

Стихийное бегство населения продолжалось даже тогда, когда немцы уже были в Витебске. Семен Борисович Левин, студент медицинского института, ушел из города 11 июля: «Жена моя, Раиса Абрамовна Богдановская, работала преподавателем медицинского института. Они уехали из Витебска раньше. А мы, студенты, оставались до последнего. Все ждали распоряжений — что делать дальше? А никаких распоряжений не было. Про нас забыли. Мы зашли в райком партии, к секретарю. Думали, нас привлекут в партизанский отряд. Но секретарь даже говорить с нами не стал, только махнул рукой. Бомбили район вокзала, Марковщины. И мы, студенты (нас было десять человек), решили уходить пешком на Велиж.

По дороге мы заходили во все военкоматы, просились в армию. А нам отвечали: «Идите дальше». Мы успели проскочить к своим. Были молодые, здоровые. Шли быстро. Резали дорогу через леса, поля, речушки. А кто был с семьями, тот не успел уйти

* * *

Вот кровавая хроника тех дней.

С первого дня оккупации город оказался в руках военных властей. Реально их представляли фельдкомендатура и ортскомендатура. Именно армейские части в первые три недели оккупации, еще до прибытия айнзацкоманды-9, нанесли первый удар по еврейскому населению Витебска.

На видных местах в городе были расклеены злобные предупреждения: «За малейшее преступление против немецких властей сжигается ближайший населенный пункт и расстреливается 20 мужчин-заложников».

* * *

«Хоть и выглядел я еще мальчишкой, — писал в своих воспоминаниях Иван Мандрик, — а все же страшно было заходить в город, только что захваченный врагами. По улицам его взад-вперед сновали немецкие патрули, грохотала военная техника, время от времени слышались автоматные очереди. Кое-где полыхали пожары, но их никто не тушил — местному населению не до того было, а оккупантов одолевала другая забота... Справа от покоренного здания городской ратуши, у сожженного дома с белыми полуколоннами, лежали убитые женщины, дети и старики. Скорее всего, это были евреи. Смерть настигла кого на ступеньках, кого на тротуаре. На это жутко было смотреть... С одной и другой стороны пустыми глазницами окон смотрели сгоревшие здания. Везде царил дух страха, скорби и злобы...»

* * *

Публично казнена молодая еврейская девушка Доба Гоз. По свидетельству очевидцев, немцы повесили ее около бывшего здания обкома партии, недалеко от моста через Витьбу. Рассказывали, что она заложила тол у входа в дом, и когда фашисты попытались войти, раздался взрыв. Этот факт позднее упоминался в сообщении айнзацкоманды-9^[17], переданном в Берлин 29 августа 1941 года: «Еврейка коварно попросила немецкого солдата открыть дверь. Когда он это сделал, рука

солдата была оторвана взрывом. Еврейка была арестована и судима айнзацкомандой, а потом публично повешена»^[18].

* * *

На Больничной улице (ныне улица им. А. Горовца) была психиатрическая клиника. Врачи и обслуживающий персонал покинули ее, а больные, оставшись без присмотра, разбежались. Это было дикое зрелище. Сумасшедшие ходили по улице, ели траву, вдруг начинали истерично смеяться, а один топором бил по стене дома, вероятно, пытаясь его разрушить. Немцы стали прямо на улице расстреливать несчастных больных.

* * *

В городе появилось немало недовольных советской властью. Выпустили всех заключенных из тюрьмы. С первого же дня они стали грабить квартиры. Тем, кто оказывал сопротивление, грозила смерть.

«В первую неделю оккупации города, — свидетельствовала Виктория Даниловна Орлова 27 сентября 1944 года следователю УМГБ (Управление Министерства Государственной Безопасности. — Авт.), — фашисты организовывали облавы на евреев в левобережной части города, в районе Песковатика. На протяжении трех дней они производили расстрелы на Старо-Улановичском кладбище».

С. Я. Сарак, пережившая ужасы гетто, рассказывала: «Еще до гетто многих евреев убивали прямо на улицах. Идешь по улице и смотришь — вот здесь убили и здесь убили. Соседа, Кисельгофа, убили...».

В охоте за жертвами гитлеровцы прочесывали улицы, даже отдаленные и глухие, обыскивали каждый дом, каждую надворную постройку. На улице 4-я Свердлова немцы забрали из восьми соседних домов сорок восемь евреев, погрузили в машины, вывезли за город в овраг и расстреляли; с улицы 3-я Свердлова — около двадцати пяти человек; с улицы 1-я Войкова были расстреляны на месте три женщины, отвезено за город и расстреляно около двадцати человек; с улицы 3-й Войкова было взято и расстреляно также за городом около пятнадцати человек.

* * *

Зверству фашистов не было предела: «В Витебске немецкие варвары, — читаем в записках партизанки Клавдии И., — расстреляли семью служащего В. Абрамского. В этой семье, помимо отца и матери, было двое детей. Ворвавшись ночью в дом, гитлеровцы застрелили мужа и жену Абрамских, а мальчикам Моисею 8-ми лет и Арону 7-ми лет отрубили руки. Заперли их в квартире и ушли. Дети умерли».

* * *

В эти же дни гитлеровцы согнали из ближайших к Смоленскому рынку улиц женщин и детей и заперли в двухэтажном здании бывшей 28-й школы (оно и сегодня стоит у памятника героям витебского подполья). Некоторые успели захватить с собой кое-какие вещи. Когда их стали выгонять на улицу, полицией попытался отнять у одной старухи подушку, а она вцепилась в нее и ни за что не хотела отдавать. Наблюдавший за этой сценой офицер вытащил пистолет и застрелил старуху. Потом всех вывели во двор дома и расстреляли.

* * *

По военно-административному делению Белоруссии, введенному оккупационными властями, Витебская область была включена в состав зоны армейского тыла группы армий «Центр». В насаждении оккупационного режима военная администрация опиралась на местных коллаборационистов и созданную ею профашистскую периодическую печать.

Еще 11 апреля 1941 года рейхсфюрер СС Г. Гиммлер издал указ, по которому все дивизии безопасности становились одновременно и органами административного управления на оккупированных территориях и должны были строго придерживаться распоряжений Верховного командующего тылом войск группы армий «Центр» пехотного генерала Макса фон Шенкендорффа. По существу он получил право претворять в жизнь политику «окончательного решения еврейского вопроса» в оккупированных районах Восточной Белоруссии. В распоряжениях, изданных М. Шенкендорффом 7 и 13 июля 1941 года, излагались основные детали немецкой модели первого этапа — геттоизации — на пути к тотальному уничтожению евреев Восточной Белоруссии. Той самой модели, которая была тщательно разработана нацистами и апробирована, «обкатана»

ими на евреях оккупированной Польши: создание юденратов (еврейских советов), проведение всеобщей регистрации евреев, обозначение их опознавательными знаками из желтой ткани в форме шестиконечной звезды или круга, переселение в специальный жилой район, введение принудительного бесплатного труда и многое другое. Распоряжения М. Шенкендорфа были обязательны к исполнению. Может быть, потому специального приказа о создании гетто в Витебске, как и в некоторых других городах, не было.

* * *

В еврейский совет (юденрат) немецкая администрация назначала лиц наиболее авторитетных, самых уважаемых среди еврейского населения. И обязательно коренных горожан, а не беженцев. Для оккупантов они, кроме всего прочего, были заложниками. И председатель, и члены юденрата, конечно же, были назначены с подачи Л. Брандта, отлично знавшего витебскую интеллигенцию. Об одиозной личности Л. Брандта мы еще расскажем читателям.

В юденрат Витебского гетто входили Д. С. Блен (директор Дома художественного воспитания детей), Каган (учительница немецкого языка средней школы № 7), Лейтман (бухгалтер артели, химик), Бейзерман (учительница средней школы № 7), В. Т. Цадикман, И. О. Глезерман, Д. Х. Гинзбург^[19].

«Староста, его заместитель и все прочие, принадлежащие к еврейскому совету, лично отвечают за все случившееся внутри еврейского поселения в том случае, когда их действия направлены против немецких властей, немецкой полиции и их распоряжений...».

Никаких прав, а уж тем более возможностей, у юденрата не было. Говорить о каком-либо еврейском самоуправлении не столько смешно, сколько кощунственно. Отказ от участия в юденрате означал подписание себе смертного приговора. Конечно же, хотелось жить.

* * *

17 июля по приказу военного командования на стенах домов было расклеено объявление, в котором говорилось о том, что все евреи, а также евреи наполовину и на одну четверть, то есть

такие, которые происходили от смешанных браков во втором или даже третьем поколении, все «сожительствующие» с евреями или еврейками должны зарегистрироваться до 18 часов 20 июля. Кто не регистрируется — будет расстрелян^[20].

Люди, приученные подчиняться приказам, внесли свои фамилии в регистрационные списки. Безусловно, они ни сном, ни духом не ведали, чем это им грозит. И даже те, у кого только бабушка или дедушка, которых внуки не застали в живых, были евреями, приходили регистрироваться и называли свои русские, белорусские, польские фамилии. Перепись еврейского населения проводили члены юденрата.

Каждый еврей должен был пришить к своей одежде на груди с правой стороны и сзади на спине круг из желтой ткани диаметром 10 сантиметров.

* * *

Чтобы избежать репрессий по отношению к евреям, юденрат принялся за работу очень добросовестно. Вскоре списки из 16 тысяч фамилий были тщательно составлены и переданы в комендатуру.

О том, как проходила регистрация, рассказывает Г. В. Шантырь: «...это был двор недостроенного дома, стояла толпа, я увидел там знакомых. Мы не боялись тогда немцев. Ощущение было, что это ненадолго. Немного перетерпеть, и скоро нас освободят. Никакой охраны при регистрации не было. Вопросы задавали самые простые, даже адрес не спрашивали. Приходить надо было с советским паспортом, по нему записывали национальность. Регистрация шла много дней...»^[21]

В июле 1941 года оккупанты доносили в Берлин: «Во всех городах Белоруссии назначены уполномоченные представители еврейского совета, которым было поручено создание еврейского совета (от 3 до 10 человек). Этот еврейский совет полностью несет ответственность за поведение еврейского населения и выполнение им всех распоряжений немецких властей. Кроме того, он немедленно должен провести регистрацию всех евреев, проживающих в данном местечке, городе. Наряду с этим, он подбирает группы евреев в возрасте от 15 до 35 лет для работы по заданию вермахта...».

* * *

После окончания фабрично-заводского училища швейников Евдокия Степановна Спиридонова (Пирожкова) работала на фабрике имени «КИМ». Когда началась война, 18-летнюю Дусю Спиридонову назначили командиром санитарного взвода МПВО. 9 июля, после вступления немцев в Витебск, Е. С. Спиридонова вместе с родителями уехала в деревню Трехнивку под Суражем. Там и началась ее подпольная работа под руководством А. П. Максименко, возглавлявшего спецгруппу МГБ.

Вскоре после начала оккупации Витебска знакомая Е. С. Спиридоновой попросила ее вывести евреев из города. Во время следующей встречи Евдокия Степановна сообщила знакомой, что есть возможность евреям спастись, и сказала, чтобы они собрались по дороге к Барвин-перевозу. «И когда я пришла к условленному месту и времени, — писала в своих воспоминаниях Е. С. Спиридонова, адресованных на имя секретаря Витебского обкома партии Н. И. Пахомова, — их оказалось 25 семей. С помощью подруг я перевела их к своим подпольщикам на торфзавод «20 лет Октября», в полутора километрах от деревни Красный Двор, а оттуда они были переправлены за линию фронта в советский тыл»^[22].

Е. С. Спиридонова одна из первых в июле-августе 1941 года создала подпольную патриотическую группу, которая активно действовала на протяжении всего времени борьбы против оккупантов. О мужестве этой девушки знали не только товарищи по подполью. Она была связной и разведчицей штаба Калининского и 1-го Прибалтийского фронта. Дважды была тяжело контужена и всякий раз после выздоровления снова возвращалась в строй. После войны Е. С. Спиридонова (Пирожкова) жила в Витебске. Потом с мужем Н. И. Пирожковым, бывшим партизаном отряда (позже — партизанской бригады) М. Ф. Бирюлина и детьми переехала на Украину.

К сожалению, наша попытка выяснить подробности уникальной операции по спасению витебских евреев, установить имена спасителей и спасенных оказалась безуспешной. Но главное — сам факт спасения десятков человеческих жизней. Подвиг, оставшийся в памяти Витебска.

* * *

Уже с первых дней оккупации в городе стал ощущаться голод. Купить продовольствие было нелегко, и каждый добывал еду, где мог. Как вспоминает И. И. Левина (Вейлер), многие ходили за едой на железнодорожную станцию. С фронта шли составы с

ранеными немцами. Горожане выпрашивали у них остатки еды, и те бросали ее на перрон.

Однажды на улицу, где жили Вейлеры, приехали на машине немцы. Они предложили подросткам поехать копать картошку. Желающих было очень много. Голод гнал людей к кузовам машин. 12-летний Вейлер тоже пытался залезть в машину но те, кто был постарше, отталкивали его, и когда машина тронулась с места, он остался стоять на земле.

Никто из тех, кто поехал копать картошку, обратно не вернулся. «Сельскохозяйственный рейс» был всего лишь поводом для очередного уничтожения людей. Фашисты вывезли подростков за город и расстреляли.

18 июля фашисты пригнали евреев, которых поймали в городе во время очередной облавы, на берег Западной Двины. Среди них совершенно случайно оказался и Василий Иванович Бутримович. Он был брюнетом и, может, потому показался фашистам похожим на еврея. Сразу же после войны В. И. Бутримович свидетельствовал, как человек 40 евреев-мужчин загнали в воду, избивали и, в конце концов, утопили. Он спасся только благодаря тому, что в городе его многие знали. И стоявшие на берегу местные жители в один голос кричали немцам, что Бутримович — не еврей.

* * *

«...Евреи до сих пор ведут себя сдержанно, — сообщала служба безопасности и СД от 19 июля 1941 года. — Жестокие меры против евреев, в особенности экзекуции, значительно способствовали росту антинемецких настроений среди населения, росту вражды и клеветы..., они становились все более опасными».

И здесь же: «...направить белорусов на еврейские погромы не представляется возможным».

Информация о попытке расправиться с евреями руками местного населения содержится также в сообщениях от 22 и 26 июля 1941 года.

* * *

В привокзальной части города, где до войны проживала значительная часть еврейского населения, была установлена так называемая «черта оседлости»^[23], между полосой железной дороги и правым берегом Западной Двины, на совершенно

разрушенной военными действиями территории. Было приказано всем евреям переселиться сюда в течение двух или трех дней. Вначале таких мест было несколько: овощехранилище — между улицами Революционная (бывшая Малая Ильинская) и А. Мовзона (бывшая Яновская Набережная), дрожжевой завод — на углу улиц А. Ильинского (бывшая Нижне-Набережная) и Жореса (бывший Леорков переулок), клуб летчиков — улица Революционная (бывшая Большая Ильинская), табачная фабрика — улица Покровская (с 1927 по 1992 год — улица Дзержинского), дом № 30 по ул. Комсомольской и другие.

Тех, кто не являлся к местам сбора добровольно, гитлеровцы выгоняли из их домов и квартир силой. П. М. Фрумсон была одной из тех, кто оказался в овощехранилище. При встрече с нами она говорила: «Я давно хотела рассказать об этом. Пятьдесят лет носила в себе. В первые дни войны двух моих братьев, Залмана и Бориса, забрали в армию. Моисея по болезни не взяли. Отец умер еще в 1921 году. Мать не хотела эвакуироваться. Было жалко дома, нажитого добра. Я как раз в 1941 году закончила 7 классов.

После того, как немцы издали приказ всем евреям переправиться на правый берег Западной Двины, мы с мамой тоже направились туда. По дороге нас догнал Моисей (Мотл), и мы пошли вместе. Люди собрались у того места, где стоит здание станкоинструментального техникума. Столпотворение было дикое. К нам подошел немец, рыжий верзила, приставил к животу брата кинжал и на едва понятным ломаном русском языке сказал: «Чего стоишь? Сбивай бревна и плыви!» Когда он отошел, Моисей сказал маме: «Пошли, нам тут делать нечего». И ушел. А мы растерялись и остались в толпе. Больше мы Моисея не видели. Уже после войны я узнала, что он ушел к своей теще в деревню Огородники, которая находится недалеко от Витебска. Там в это время была его жена с сыном. Позже ему помогли уйти к партизанам.

Мы остались на берегу. Немцы и те из местных, кто им помогал, ходили среди толпы, выбирали молодых красивых девушек и уводили куда-то. Пошел слух, что девушек уводят, чтобы изнасиловать. С немцами ходили русские девушки. Эти подойдут, покажут немцам, какая вещь у еврейки им понравилась, и немцы тут же отбирали эту вещь. У меня забрали теплую леопардовую куртку. Мы взяли из дому самые лучшие вещи. Думали, пригодятся. Да и жалко было оставлять, понимали, что разграбят наши дома.

Ко мне подошел парень и спросил:

— Жить хочешь? Тогда пошли.

Мне было четырнадцать лет. Мама сказала:

— Иди, останешься хоть ты жива.

Он вел меня, чтобы изнасиловать. Я плакала и кричала. Мой крик слышала наша учительница географии Г. Золотова. Она жила в доме на берегу.

— Ты чего плачешь? — спросила она. — Иди сюда.

Парень, который меня вел, еще, наверное, не до конца потерял совесть, и, когда увидел постороннего человека, убежал. Мама вслед за мной тоже ушла с берега реки. Мы зашли в дом к учительнице, она предложила у нее переночевать. Утром ее дети сказали: «Мы не сможем вас оставить у себя. Из-за вас убьют и нас тоже».

Мы пошли к Леле, жене моего брата Бориса. Оба наши дома по улице Куйбышева, где мы жили, сгорели. Леля (Элеонора Гузиковская) с двумя маленькими детьми, Мишей и Толей, жила в другом доме, у Смоленского рынка. Она была полькой, после замужества взяла фамилию Фрумсон. Леля боялась за детей, боялась, что узнают про ее мужа-еврея, который воюет в армии. Она сказала: «Спрячьтесь где-нибудь, а завтра я сама перевезу вас на тот берег». Рано утром Леля отправилась к реке, наняла лодочника. Когда мы подошли, он посмотрел на маму и сказал: «Эту не повезу. Жидовка». С большим трудом мы переправились на тот берег.

Всех собрали в овощехранилище. Туалетов не было. Жара стояла страшная. От духоты и запахов люди теряли сознание. Бункеров для хранения овощей было три. Крыша на уровне земли, и ступеньки вниз. Мать водили на работы: ее запрягали в оглобли, и она тягала бревна. На работы водили не всех, а выборочно. Немцы и полицаи издевались, как могли, просто так, ради развлечения. И еще, чтобы показать, кто в городе хозяин, кого надо слушать, чьи приказы выполнять.

Полицаи нашептывали немцам, что еврейские девочки очень красивые, и они сами не прочь бы заняться ими, но в первую очередь — все для господ офицеров. Немцы смеялись, принимали после трудного дня шнапс и, прихватив с собой полицая, шли к овощным складам: «Пошли, и тебе хватит». И тот бежал показывать местных красавиц.

Это были самые страшные минуты и для девушек, и для их матерей. Тех, кого забирали для развлечения, обратно не возвращались. Чтобы не пригласиться фашистам и полицаям, девушки расцарапывали лица речным песком. В царапины попадала грязь, и вся кожа воспалялась.... Но были и такие немцы, которые приходили по ночам, приносили нам хлеб и говорили: «Мы не виноваты. Мы солдаты».

Однажды к нам пришла моя сестра Надя (Эстер). Она жила с мужем и двумя детьми в городе Августово под Белостоком. Ее муж был кадровым офицером и погиб в первые дни войны. Когда Надя добралась до Витебска, в городе уже были немцы. Она стала нас разыскивать. Наши бывшие соседи сказали, что мы в овощехранилище. Там она и нашла нас. Надя приказала выбросить одежду с желтыми латами и все наши документы. Мы решили уйти из города, туда, где нас никто не знает. Пошли на запад, в сторону Бегомля. Почему на запад, а не на восток? Почему не попытались перейти линию фронта и прорваться к своим? Во-первых, мы не знали, где линия фронта проходит, а немцы уверяли всех, что их войска уже подошли к Москве. К тому же, люди говорили, что тех, кто идет на восток, немцы очень тщательно проверяют. Во-вторых, под Бегомлем, в деревне Горожанка Мстижского сельсовета, жили Тарасевичи, родители Надиного мужа. Они оказались очень хорошими людьми, и мы у них остановились.

Когда в Мстиже появились полицаи, они стали разъезжать по деревням. Пришли и к нам, но Надина свекровь успела спрятать маму в бане. Мама выглядела, как типичная еврейка. Она боялась, что из-за нее нас всех расстреляют, и решила уйти в Витебск. Я ее проводила до Бегомля. До сих пор не могу себе простить, что мы ее отпустили.

В Витебске мама пришла жить к Леле. Ее прятали под кроватью. Но однажды, во время обыска, немцы нашли маму. Вывели во двор, тут же расстреляли, а тело бросили за уборную.

Надя крестила своих детей и сказала мне, что если я хочу выжить — надо креститься. Меня повели в церковь и крестили. А соседям объяснили, что я была католичка, а теперь решила перейти в православие. Я стала Полиной Михайловной. Меня записали русской по фамилии Жданова.

У нас в доме бывали партизаны. Надя со свекровью пекли им хлеб. Я работала по хозяйству, пасла коров, делала все, что нужно было. Однажды к нам пришел полицай Сеульский и начальник местной полиции Николай Омелькин (говорили, что он работал на партизан). Полицай говорит: «Где тут жида?». Начальник ему отвечает: «Какие тебе жида?». Сеульский посмотрел на него, трижды выстрелил в пол, выругался матом и ушел.

После этого Полина уже боялась оставаться в деревне и попросила сестру, чтобы она переправила ее к партизанам. Это было летом 1942 года. Так 16-летняя Полина Жданова (Фрумсон) оказалась в отряде имени Чапаева бригады Дяди Коли. Она приняла партизанскую присягу и была зачислена в отряд. Полина ходила в аптеку в Мстиж за лекарствами для партизан, стирала,

готоввила, участвовала в охране лагеря. В ноябре 1942 года командование бригады отправило группу женщин и детей за линию фронта. «Шли пешком, очень долго, — вспоминает Полина Моисеевна, — главным образом ночами. В начале января 1943 года добрались до линии фронта. Нас встретили наши солдаты, посадили на машины и отправили в Москву, в штаб партизанского движения. Оттуда я попала в Уфу, там окончила ремесленное училище. Весной 1945 года я переехала к сестре Наде в Витебск». Здесь Полина Моисеевна окончила школу медсестер, работала в роддоме, вышла замуж, воспитала дочь и внука.

Брат Полины Моисеевны Залман погиб на фронте в 1941 году, брат Борис после демобилизации вернулся в Витебск, брат Мотл после лечения в госпитале остался в Омске. Все они отмечены боевыми наградами.

* * *

20 июля немцы приказали всем мужчинам-евреям от 15 до 90 лет собраться в саду, который до войны носил имя Ленина. Здесь их стали избивать, потом выбрали из каждого ряда по тридцать человек и расстреляли за то, что не все исполнили приказ прийти с нашитыми на одежде желтыми знаками^[24].

Гитлеровцы гоняли евреев на работу. «В настоящее время, — сообщалось в донесении в Берлин от 26 июля 1941 года, — их используют на очистке завалов. Для устрашения 27 евреев, которые не пришли на работу, были публично расстреляны на улицах». А чтобы начальству не показалось, что сделано мало, здесь же — коротко и многозначительно: «Массовые экзекуции евреев последуют потом».

* * *

Не только на расчистке завалов использовался труд евреев. Сотрудник НКВД майор В. А. Машканов, прибывший по спецзаданию в оккупированный Витебск, писал в рапорте в ЦК КП(б)Б: «Витебские фабрики не работают, и вообще никто ничего не делает... На всех тяжелых работах работают евреи, за что им не платят. Русским, которые работают, дают хлеб по 200 граммов».

* * *

Еще до 1917 года Исаак Кабищер был хозяином магазина, где торговали посудой, роскошными сервизами, столовым серебром. Как рассказывает Ревекка Шадхина (жена Исаака и ее мама были родными сестрами), большевики забрали магазин, но вскоре наступил НЭП. Исаак Кабищер снова оказался при деле — открыл мастерскую по ремонту примусов, кастрюль и прочей домашней утвари. И тоже, как говорят, жил безбедно. У Исаака и его жены Ханы-Гиты было двое детей — Цилия и Ефим (Хаим). В 1934 году, во время родов, Хана-Гита умерла.

Цилия окончила школу, поступила в мединститут. Там она познакомилась с Аркадием (Абрамом) Гольдиным, тоже студентом мединститута. Жили Гольдины и Кабищер одной семьей в его доме на Падло. Так называли витебляне район на правом берегу реки Витьбы.

За год до войны у Гольдиных родилась дочь Аня. В первые дни войны Аркадий Гольдин, едва успевший сдать выпускные экзамены, был призван в армию и отправлен на фронт.

Когда к городу подошли немцы, Исаак Кабищер, несмотря на уговоры родственников, эвакуироваться отказался. То ли жалко было оставить свою мастерскую, то ли надеялся, что его, как пострадавшего от Советской власти, немцы не тронут, и он сможет заниматься своим делом. Цилия не знала, как поступить, потому что не хотела оставлять отца одного. Уступила лишь просьбам свекрови и сестер мужа, согласившись уехать с ними. Но вдруг перед самым отъездом у дочери Анечки поднялась температура, и Цилия не решилась пуститься в дорогу с больным ребенком. Так она осталась в оккупированном немцами Витебске.

Цилия была высокая, круглолицая, голубоглазая шатенка с длинной косой, уложенной вокруг головы. И те, кто ее не знал, не мог и подумать, что эта молодая женщина — еврейка. Вскоре после оккупации Витебска она устроилась уборщицей в немецкий госпиталь, который находился в здании бывшего обкома партии на площади Свободы. Сегодня мы можем только предположить, что произошло в дальнейшем. Возможно, Цилия установила контакт с одной из подпольных групп и ей поручили взорвать госпиталь. Известно только, что однажды, придя на работу, она по неосторожности выронила из сумочки взрывчатку. Цилия не была ни опытным конспиратором, ни подрывником. Гораздо привычнее ей было выписывать рецепты для больных или измерять давление. Может, поэтому взрывчатка выпала в самый неподходящий момент, когда рядом стояли немецкие офицеры. Цилию схватили, пытали, допрашивали и вскоре повесили на дереве у старого обкомовского здания. Тело несколько дней не разрешали снимать. Так погибла дочь Исаака Кабищера. А его

самого, как многих других евреев, гитлеровцы загнали в гетто. Знакомые Исаака Кабищера, пережившие оккупацию, рассказывали после войны его родственникам, как он и еще несколько евреев тащили в гору телегу, уставленную бочками с водой...

Старшего сына И. Кабищера Ефима еще весной 1941 года призывали на срочную службу в Красную Армию. Всю войну он пробыл на фронте, был награжден. После войны вернулся в Витебск и узнал страшную правду о своей семье.

* * *

Семья Ароновых жила на улице Верхне-Набережной. 4-летняя Ада вышла из дома и, буквально в десяти шагах от порога девочку увидели немцы. Ребенка взяли за ручку и повели к овощехранилищу. То ли черные как смоль выющиеся волосы выдали ее, то ли кто-то из фашистских прихвостней шепнул, что отец Ады — еврей.

Прасковья Николаевна Аронова — белорусская женщина, узнав, что дочку забрали фашисты, прибежала к овощехранилищу, умоляла, упрасивала отпустить Аду. Но ее никто не слушал. И тогда она собрала женщин, соседей по улице и вместе с ними пошла к немецкому начальству. Соседи, конечно же, знали, кто отец девочки, но сумели убедить гитлеровцев, что произошла ошибка и вместе с евреями сидит белорусская девочка. Аду Аронову отдали маме Прасковье Николаевне.

* * *

24 июля оккупанты собрали около 300 юношей и молодых мужчин. Якобы, для расчистки территории города от завалов. Их погнали в сторону еврейского кладбища на Улановичскую гору. Ничего не подозревавшие люди с лопатами, кирками и метлами, охраняемые небольшой группой солдат, подчинились приказу. На Улановичской горе им приказали рыть ямы. И снова никому в голову не приходило, что эти ямы станут их собственными могилами. И только когда застрочили пулеметы, люди поняли, что обречены на смерть.

* * *

На следующий день, 25 июля, по городу были расклеены объявления немецкого командования. В них сообщалось, что 300 евреев расстреляны за поджоги, учиненные ими в городе во время вступления в него немцев^[25].

Немцы хорошо знали, что евреи не имели к этому никакого отношения, но им нужно было провести массовую карательную акцию и заодно показать населению, кто его враг.

Старая истина: чем наглее ложь, тем она кажется правдоподобнее. В городе были люди, которые поверили, что казнены поджигатели, в том числе и их домов. Люди не знали, что немцы действовали по строго разработанным в Берлине предписаниям, которые гласили, что вначале необходимо уничтожить ту часть еврейского населения, которая способна оказать сопротивление: юношей и мужчин.

* * *

25 июля генерал для особых поручений Мюллер при Главном штабе сухопутных сил направил всем командующим тыловых армейских областей «Обращение с неприятельскими и гражданскими лицами и русскими военнопленными». В этом документе штаб предупреждал о недопустимости «снисходительности и мягкости» по отношению к деятельности «представителей еврейско-большевистской системы» и указывал на то, что «всякого рода нападения (на немецких солдат. — Авт.) ... нанесения материального ущерба и даже попытки такого рода следует беспощадно пресекать при помощи оружия, вплоть до полного уничтожения врага».

В этот же день, 25 июля, полевой комендант Витебска издал приказ, по которому все евреи должны были переселиться на правый берег Западной Двины в район бывшего Клуба металлистов^[26]. С собой было разрешено брать ручную кладь, по одному узелку. Переселиться необходимо было до 27 июля. Тех, кто находился в пунктах сбора на правобережье Западной Двины, под охраной отправили в район Клуба металлистов. Проживавших на левом берегу заставили переправляться через Западную Двину. Довоенные мосты были разрушены советскими войсками при отступлении. Немцы навели узкий понтонный мост, который соединил улицу Толстого и набережную в районе Клуба металлистов. Часть людей успела переправиться по нему. Большой поток перекрыл движение транспорта по этому мосту, и немцы закрыли его для евреев. Некоторая часть людей сумела перебраться через Западную Двину вброд. Лето 1941 года было особенно жарким и засушливым. Река обмелела настолько, что человек среднего роста мог перейти ее в нескольких местах. Об этом нам рассказывал А. А. Ромашевский, дом которого находился буквально в двух десятках метров от берега на улице Бакунина (бывшая Успенская набережная). Он видел, как еврейские семьи, отыскивая обмелевшие места, переходили на правый берег к Клубу металлистов. Маленьких детей и свои пожитки они несли на поднятых руках.

Пожалуй, никогда раньше берег Западной Двины в районе Успенской горки не видел такого скопления людей. Немцы ходили среди собравшихся, выбирали молодых девушек, уводили их и насиловали. Солдаты отнимали у людей понравившиеся им вещи. Одну пожилую женщину фашисты привязали к лодке и таскали по воде до тех пор, пока она не захлебнулась.

Страшные, жуткие истории рассказывали очевидцы тех событий. Вот свидетельские показания, которые были даны следователям НКВД для ЧГК^[27] сразу же после освобождения Витебска.

В. Д. Орлова: «Когда лодки с людьми отъезжали от берега, немцы, которые командовали переправой, начинали лодки раскачивать, и лодки переворачивались вверх дном. Сидящее в

лодках еврейское население разных возрастов бросалось в воду. Физически более выносливые выплывали, а слабосильные, особенно старики, женщины с грудными детьми погибали. Выплывающих евреев немцы били веслами по голове с целью их потопления. Я сама видела, как немцы в момент переправы еврейского населения через реку связали несколько евреев веревкой во весь рост и связанных бросили в реку. Они утонули. Подобное повторялось несколько раз».

Потехи ради гитлеровцы заставляли беззащитных людей переправляться на бревнах.

Петр Кузьмич Бабочкин: «Я являюсь свидетелем того, как еврейское население переправляли через Двину от Куйбышева переулкa к Клубу металлистов. На сколоченных двух бревнах плыли люди. Посреди реки немцы, ехавшие рядом на лодках, топили бревна, и люди падали в реку и тонули. Кто пытался выплыть, того в реке добивали веслами. Я сам в то время стоял на берегу и наблюдал происходящее».

«Таким способом, — рассказывал Гавриил Петрович Оберенко, — немцы уничтожили около 2000 евреев — детей, стариков, женщин. Остальная часть еврейского населения, примерно 13000 человек, были помещены в лагерь, построенный на берегу реки у здания бывшего Клуба металлистов».

* * *

Немало людей погибло в те дни, переправляясь через Западную Двину, но многие сумели выбраться на правый берег. Здесь уместно привести отрывок из письма Матвея Железняка: «Вся река от нас до самого моста была полна трупами. Вода была красной от крови, был такой крик и плач, что волосы становились дыбом. Эта картина не забудется никогда... Многие переплывали реку, однако на берегу их перехватывали и убивали»^[28].

Гитлеровцы, стоявшие на противоположном берегу — на Успенской горке, смотрели в бинокли на эту трагедию, кричали: «Juden kaputt! Alle kaputt!» «Евреям конец! Всем конец!» и хлопали в ладоши. Другие солдаты развлекались тем, что стреляли по лодкам.

* * *

О кровавом побоище, устроенном гитлеровцами при переправе евреев через Западную Двину, докладывал в

упомянутом рапорте А. В. Машканов: «Всех евреев стали собирать в Клуб металлистов. Население рассказывает, что насадят полную лодку евреев и заставляют ехать по реке, а сами купаются. Когда лодка доезжает до середины реки, ее опрокидывают и топят всех...».

Известны фамилии нескольких лодочников, которых немцы использовали для «переправы» евреев. Это Сергей Тихонов, до войны сотрудник пединститута, и некто Богданов, живший около бывшего здания НКВД. Перевозили они евреев не бесплатно, а за одну принудительную поездку брали с каждого от 3 до 5 рублей.

С. Я. Сарак вспоминала, что евреев, которые добровольно не приходили в гетто, немцы и полицаи ловили и приводили туда. «Например, Шапиро с нашей улицы. Жена его на юг уехала и детей ему оставила, двойня у него была. Их нашли где-то в трущобе и привезли в гетто. Их привезли, и Шапиро пришел сам».

Вначале евреи еще могли выходить из гетто в город в поисках продовольствия. Они рисковали быть схваченными во время облавы, но голод гнал их в дорогу. В городе было все-таки несколько лучше: работающие получали 300 граммов хлеба пополам со свеклой.

* * *

Моисей Ефимович и Анна Вениаминовна Зарецкие со своими сыновьями — девятиклассником Зеликом и пятиклассником Юрой — ушли из Витебска 9 июля 1941 года. Пошли на Смоленск, надеясь оттуда эвакуироваться в тыл, но около города Демидова попали в окружение. Пришлось вернуться обратно.

В Витебск они пришли 18 июля, пошли в свой дом в Кропоткинском переулке, но там стояли лишь обгорелые стены. Несколько дней Зарецкие ютились где придется. 24 июля во время облавы немцы схватили Зелика и расстреляли вместе с теми тремястами евреями, которых потом обвинили в поджоге города.

«Поскольку дом наш сгорел и жить нам негде было, — вспоминает Юрий Моисеевич Зарецкий, — как только вывесили приказ о сборе всех евреев в районе Клуба металлистов, мы в тот же день перешли мост. (Он еще был открыт для прохода, это на следующий день людей заставили переправляться на лодках. — Авт.) и поселились недалеко от гетто в подполье сгоревшего дома.

На Марковщине (юго-западный район Витебска. — Авт.) была маслобойня. Во дворе маслобойни лежала большая куча старой

подгоревшей сои. Я пошел с мальчишками и собрал полмешка. Таких, как мы, было много, и за несколько дней от старой сои и следа не осталось.

Я был похож на русского мальчика, или, вернее сказать, на лице у меня не было «написано», что я еврей. А значит, первый попавшийся немец не схватит и не расстреляет меня или не потащит в гетто. Я решил воспользоваться этим. Выбирался из подвалов и уходил в город, чтобы где-нибудь что-нибудь обменять или выпросить. Тем мы и жили. Родители из подвала не выходили. Все время шли облавы. Полиции обшаривали все развалины, пустующие дома и сараи, даже канализационные люки — искали евреев. Кого находили, избивали до полусмерти. Однажды я видел, как в гетто вели бухгалтера Либермана, он был уже пожилой человек. Его избили так, что вместо лица было кровавое месиво.

Во время одной из облав полиция зашли в подвал, обнаружили нас и дубинками погнали в гетто.

...Нижние этажи коробок сгоревших домов, выходивших на улицу, были затянuty ключей проволокой. Вдоль ограды ходили полиция и стреляли по всем, кто пытался выбраться из гетто.

Основная масса людей располагалась под открытым небом. Вся территория гетто была занята сидевшими и лежавшими людьми. И если для стариков и детей еще находились места на узлах и узелках, что смогли принести с собой люди, то для всех остальных и креслом, и кроватью была голая земля. У большинства изможденных людей был голодный понос, и они испражнялись там же, где лежали...

Из гетто я выбирался практически каждый день — выпрыгивал из окон второго этажа, когда полиция были подальше или полицай делал вид, что не видит детей, бегущих в город за едой. Этого полицая потом расстреляли якобы за взятки и сотрудничество с евреями. Вечером я возвращался обратно. Первые дни в гетто пускали через ворота. Позже мне приходилось пролезать под проволокой.

Когда мы попали в гетто, нас даже не зарегистрировали в юденрате. «А зачем? — спросили они. — Мы все равно вам помочь не сможем».

А когда начались расстрелы, юденрат вообще не мог вмешаться и спасти хоть кого-то. К воротам подходила крытая машина, полиция хватали тех, кто был рядом, нагружали полный кузов и увозили. Немцы при этом даже не присутствовали».

Бывший бургомистр Витебска В. Родько во время допроса в августе 1945 года показал: «В подборе места для гетто и выселении еврейского населения из квартир принимал активное участие Л. Брандт, а в расстреле — местная полиция, во главе которой стояли В. Шостак и А. Туровский»^[29].

На месте, отведенном для гетто, были сплошные каменные развалины. Оно занимало территорию в пределах улиц А. Ильинского (бывшая Нижне-Набережная) — Ф. Энгельса (бывшая Богоявленская) — Комсомольская (бывшая Верхне-Набережная) — Кирова (бывшая Вокзальная) до А. Ильинского. По периметру территория гетто была обнесена деревянным забором и опоясана колючей проволокой. С двух сторон набережной были установлены шлагбаумы. Со стороны улицы Энгельса, недалеко от шлагбаума, на небольшом возвышении находилась будка дежурного, примерно напротив нее был устроен узкий лестничный спуск, по которому узники спускались к воде. С двух сторон, напротив шлагбаумов, вниз по склону берега от набережной до самой воды были установлены заграждения из колючей проволоки. Ворота из гетто выходили на улицу Энгельса. Сюда подъезжали машины, увозившие на расстрел.

Узникам, согнанным в гетто, приходилось жить на развалинах под открытым небом, на берегу реки, во дворах разрушенных зданий, под навесами, в конурах из кирпичей, жести и обгоревших кроватей. Тысячи несчастных ютились в здании бывшего Клуба металлистов. Люди размещались на лестничных клетках и под лестницами, сотни набились на балконы и лоджии, был занят каждый сантиметр на полу в зале.

Даже трудно представить, что всего несколько месяцев назад этот клуб был одним из любимейших мест отдыха витеблян. Сюда в будни и праздники приходили на концерты, вечера отдыха, выставки, занимались в театральных и музыкальных студиях.

* * *

В оперативной сводке № 42, посланной в Берлин 9 августа 1941 года, гитлеровцы отчитывались: «Основной упор в карательной деятельности на первых порах делался на уничтожение еврейской интеллигенции. Белорусы уничтожаются только в том случае, если безупречно было доказано, что они являются убежденными большевистскими активистами или агентами...

Где было необходимо и возможно, по договоренности с соответствующими местными и полевыми комендатурами были

созданы гетто, еврейские советы старейшин, проведена внешняя маркировка евреев, сформированы еврейские трудовые группы».

* * *

Рассказывает Лев Абрамович Флейш: «В первых числах августа я после неудачной попытки эвакуироваться вернулся в Витебск. Пришел на улицу Замковую к своему дому и увидел на его месте одни развалины. Повсюду были расклеены листовки с приказом, чтобы евреи шли в Клуб металлистов. Деваться мне было некуда, и я пошел туда...

Дома по теперешней улице Энгельса были разрушены. В клубе были теснота и грязь. Людей, как селедок в бочке. Кушать нечего. Дети плачут. Картина жуткая. Молодых гоняли на работу. Днем я обычно уходил на берег Западной Двины и отсиживался там в кустах, потому что по городу ходить было опасно.

Одна женщина, находившаяся в гетто, предложила мне сходить на Юрьеву горку к ее знакомым. Дала записку. Я должен был принести ей еду. Сказала, что поделится. Я сходил, принес. И это спасло меня от голодной смерти.

Иногда я уходил в город поменять что-нибудь из вещей на продукты. Вещи мне давали люди и, если я что-нибудь обменивал, они делились со мной едой».

* * *

Главным палачом Витебского гетто стал руководитель айнцацкоманды-9 доктор Альфред Фильберт, фигура одиозная даже для фашизма. Он появился в Витебске в первых числах августа 1941 года. На судебном процессе над группой военных преступников его же сослуживцы показывали: «Усердие в этой деятельности Фильберт проявлял не только по приказу, а также по своим убеждениям. Он заботился о том, чтобы каждый еврей, которого схватили, был расстрелян. Он не ограничивался тем, что расстреливал евреев в рамках возможного в городах, а даже посылал офицеров и сам ездил прочесывать маленькие деревни и убивал все еврейское население...»^[30]

На его вести тысячи евреев — женщин, детей, стариков, расстрелянных, повешенных, заживо закопанных в ямы в Витебске и Полоцке, Невеле и Сураже, Яновичах и Городке, других городах и местечках.

В своей автобиографии А. Фильберт писал: «Я родился 8

сентября 1905 года в Дармштадте в семье телеграфного инспектора Петера Фильберта и его жены Кристианы Кюннер. После перевода моего отца в Вормс на Рейне я посещал верхнюю ступень реальной школы. На Пасху 1922 года я покинул школу в Вормсе с аттестатом об ее окончании. 1 апреля 1922 года я поступил учеником в филиал частного коммерческого банка в Манхейме... Для завершения учебы работал год в торговле. С ноября 1925 года я готовился к сдаче экзаменов на аттестат зрелости, которые сдал экстерном на Пасху 1927 года в реальной школе Майнца».

А. Фильберт не забывает в своей автобиографии о Пасхе. Кстати, в персональном опросном листе, который он заполнил, когда решался вопрос о присвоении ему звания штурмбанфюрера СС, А. Фильберт напишет: «Конфессия — верующий». Но ведь, наверняка, не мать и не церковь научила его садизму, не ученые книги лишили жалости к детям и старухам А. Фильберт в Гиссене и Гейдельберге изучал государство и право. В университете Гиссена он сдал референтный экзамен по юриспруденции, а потом в этом же университете сдал экзамены на степень доктора юридических наук.

Высокообразованный палач и садист — гораздо страшнее, чем садист, не умеющий читать и писать. Причем, он не собирался ни перед кем оправдываться за содеянное. Был убежден в своей правоте.

С 1 марта 1935 года А. Фильберт начинает работать сотрудником службы безопасности Главного управления рейхсфюрера СС. За десять лет этот садист и палач сделал неплохую карьеру. Он понимал: чем больше крови и трупов оставит на своем пути, тем выше будет должность и звание, чем меньше жалости останется в нем, тем легче будет ему жить.

Как руководитель айнзацкоманды А. Фильберт знал, что предстоит делать его подручным на территории Советского Союза. Остальным офицерам было в общих словах сказано, что «они будут действовать в особо трудных условиях, прежде никогда не пережитых ими». Но можно не сомневаться в том, что и они догадывались о характере будущей работы. И не только не стеснялись своей профессии — палача, но и гордились ею. До них уже донеслись слова, записанные Геббельсом в своем дневнике 16 июня 1941 года после длительной беседы с Гитлером: «Фюрер говорит: правы мы или не правы, мы должны победить. Это единственный путь. И он правильный, нравственный и необходимый. И если мы победим, то кто спросит нас о методах». Эти слова звучали как разрешение на убийства, пытки, насилия. И не надо ни о чем думать, ни в чем не надо сомневаться.

Раздумья и сомнения не достойны сильных людей.

На судебном процессе, который состоялся в Западном Берлине в мае 1962 года над шестью офицерами айнзацкоманды-9 группы «Б», принимавшими активное участие в уничтожении еврейского населения, в том числе и Витебска, было установлено: «В последние дни июля, самое позднее 2-го августа 1941 года, айнзацкоманда-9 достигла сильно разрушенного Витебска. Она расквартировалась в достаточно хорошо сохранившемся здании политехникума. Отсюда было видно находившееся у Западной Двины гетто, огражденное забором... Айнзацкоманда-9 занялась тотчас тем, что стала вылавливать евреев, живших в окрестностях Витебска, доставлять их в и без того переполненное гетто. Этими акциями были затронуты евреи, жившие в деревнях. Их хозяйство, в том числе и скот, оставались без присмотра. Доктор Альфред Фильберт распорядился соорудить хлев, куда загоняли коров, лошадей, овец, отобранных у евреев».

На том же судебном процессе свидетель Вольтере показал: «Подвал дома, где была расквартирована айнзацкоманда-9, был постоянно переполнен арестованными евреями, которых пытали, а потом расстреливали».

Видимо, душераздирающие крики матерей, на глазах у которых насиловали их детей, предсмертные стоны и рыдания были настолько приятны и ласкали слух эсэсовцам, что они были готовы их слушать и днем и ночью. А в перерывах между вечерним кофе и сигаретой, между рассуждениями о музыке Вагнера и философии Ницше можно было спуститься в подвал и снять кожу с живого человека, или выколоть ему глаза, или просто расстрелять, если на другое не хватало садистской фантазии.

А. Фильберт любил демонстрировать подчиненным свою эрудицию. А в «еврейском вопросе» доктор юридических наук считал себя специалистом первой величины.

— Многие думают, что «гетто» — это итальянское слово. Мол, рядом с еврейским кварталом в средневековой Венеции был то ли пушечный, то ли литейный заводик. По-итальянски этот заводик назывался «ghetta» Но это не так, — повышал голос Фильберт. — Нас пытаются отодвинуть на вторые роли. Не получится. Мы, немцы, всегда были первыми в решении этого проклятого вопроса. И слово «гетто» происходит от немецкого «gitter» — решетка. Но наши предки были слишком сентиментальны с этим ползучим племенем. Они создавали гетто, чтобы евреи могли там жить. Это глупо. Мы создаем гетто, чтобы евреи могли там умирать.

На высоком берегу Западной Двины на Верхне-Набережной улице был установлен столб с табличкой «гетто».

Гетто днем и ночью охранялось полицейскими. Выйти можно было лишь с ведома старосты юденрата, который подавал письменное прошение об этом в городскую управу. Разрешение выдавалось только при наличии на прошении письменной резолюции начальника уголовного отдела горуправы. Затем прошение вместе с резолюцией поступало в общий отдел управы, после чего выписывался пропуск на право выхода из гетто. Один из таких документов обнаружен нами в витебском архиве: «В Витебскую Городскую Управу. По предложению Немецкой Полиции просим выдать члену Еврейского комитета Цодикману Евсею Шмуйловичу, 1884 г. рождения, пропуск на право хождения вне черты гетто по делам службы. Староста Евр. к-та (подпись неразборчива) 6/X-41 г.» В левом верхнем углу на этом прошении стоит верноподданническая резолюция начальника уголовной полиции А. Туровского: «Распоряжения немецкой полиции никем не могут быть отменены, а поэтому пропуск Цодикману необходимо выдать. 6/X-41 г. (подпись)». Мол, я бы не выдал, но...

Получить пропуск могли, как правило, лишь те, кого требовали к себе немецкие власти. В случае невозвращения получившего пропуск староста юденрата мог ответить за это собственной жизнью. В других случаях выйти из гетто имели право те, кого гоняли под конвоем на черновые работы. Правда, подростки умудрялись по ночам убегать из гетто, чтобы обменять что-нибудь из вещей на продукты и вернуться обратно к своим родным.

Узенькая ветхая лесенка вела к реке. Люди пытались чаще спускаться к воде. Они старались много пить и тем самым заглушить чувство голода. Иногда полицаи не обращали внимания на тех, кто шел к реке, а бывали случаи, когда стреляли. Немало людей полегло на берегу.

Психика не выдерживала, в гетто появились сумасшедшие. Один из них, старый еврей, чью семью расстреляли во время переправы, все время кричал, когда видел людей, набирающих речную воду: «Не смейте пить, это кровь моего Янкеля». Фашист, который вначале, усмехаясь, смотрел на сумасшедшего, не

выдержал этих криков и застрелил старика.

* * *

Создавая многотысячное гетто, оккупационные власти понимали, что ликвидировать его придется по частям. А для этого понадобится подходящее место, куда можно будет систематически вывозить узников на расстрел. Таким местом стала противотанковая траншея, вырытая витеблянами вдоль левого склона Иловского оврага в первые дни войны.

Безусловно, место для массовых расстрелов фашисты выбрали неслучайно, учтено ими было все: район находится за городом, а значит, убивать можно скрытно, подальше от свидетелей; не нужно рыть могилы, к тому же траншея достаточно глубока, и можно будет уложить в нее не одну тысячу обреченных; расстояние от города до оврага лишь пару километров, поэтому доставка узников к месту казни не потребует много времени, наконец, расход топлива на их перевозку будет небольшим.

Первые расстрелы в противотанковом рву у деревни Иловка происходили в конце июля 1941 года, еще до прихода айнзацкоманды-9. Об этом свидетельствует Мария Игнатьевна Прохорова:

«Вместе с Павлиной Константиновной Болейшиц шла в совхоз Журжево. В двух километрах от совхоза Тулово мы виде ли раздетых донага людей, поставленных на краю ямы по 10 человек в ряд. Мы были свидетелями, как этих людей расстреливали немцы из пулеметов. Мы проходили от места расстрела в 500 метрах. На наших глазах одна раненая женщина убегала от ямы в поле. Она была совершенно нагая. Немец нагнал ее на поле и на месте убил. В тот же день гражданин Болейшиц Константин Константинович ходил в город за солью. По дороге его задержали и заставили зарывать расстрелянных. Расстрелы продолжались при нем. Когда мы были в доме Болейшиц Казимира, он, вернувшись к 11 часам ночи, под секретом сообщил нам, что в этот день было расстреляно 300 человек. Расстрелянные были зарыты в две большие ямы, заранее приготовленные. По его словам, детей бросали в ямы живыми. Некоторых детей немцы брали вдвоем за ноги и разрывали на части. Многие расстрелянные падали в

ямы ранеными, и были зарыты. Над ямами стоял вопль и стоны истекающих кровью еще живых людей. Когда их засыпали землей, земля превращалась в кровавое месиво, так как сотни людей в страшных муках ворочались в ямах. После того, как ямы зарыли, земля долго вздрагивала. Через несколько дней я сама видела торчащие из ямы руки, ноги, земля была потрескавшаяся. Видно было, что люди умирали мучительной смертью, сиюсь вырваться из-под тяжести насыпанной на них земли».

* * *

Попытка оккупантов натравить местное население на евреев снова провалилась: «Инспирировать погромы против евреев, — сообщалось в Берлин 3 августа 1941 года, — все же до сих пор... оказалось невозможным».

3 августа молодежь из гетто отправили на работу. Хотя немцам уже не верили, но люди хотели иметь хоть какую-нибудь надежду. Это единственное, на что они могли рассчитывать.

Через пару дней в гетто стало известно: всех расстреляли в районе известкового завода в поселке Верховье.

* * *

Вскоре после своего прибытия в Витебск А. Фильберт начал отдавать приказы о проведении еврейских расстрелов. В первые 10 дней было проведено не менее двух акций, в каждой из которых было расстреляно более 100 человек. Служащие полицейского взвода использовались в качестве команды заграждения (блокирования) места расстрела. В качестве стрелков использовались чиновники гестапо из полицейского реферата... На сборном пункте жертвы должны были снять с себя верхнюю одежду, и затем, группами по 10 человек, их доставляли к месту расстрела. Расстрел во время первой акции осуществлялся с применением карабинов, во второй акции — с применением автоматов выстрелами в затылок и беспорядочной стрельбой. Теперь отказались от завязывания глаз жертвам, также не обращалось больше внимание на то, чтобы место убийства было вне видимости жертв, находящихся на сборном пункте в ожидании расстрела. Обе акции проводились по прямому приказу А. Фильберта.

В начале августа 1941 года Христина Павловна Гавриленко жала рожь в поле у Иловского оврага. Ближе к полудню она увидела гитлеровцев, которые гнали колонну евреев. Палачи стали прогонять местных жителей, грозя им автоматом: «Не уйдете отсюда — убьем». Потом Христина Павловна слышала одиночные выстрелы и автоматные очереди, а после обеда, когда она вернулась обратно, увидела, что траншея, проходившая вдоль Иловского оврага, недавно была закопана. На земле валялись документы, одежда, фотокарточки расстрелянных.

В августе машины стали все чаще и чаще останавливаться около Иловского оврага. Во время одного из расстрелов палачи заставили раздетых догола людей танцевать.

«28 августа 1941 года, — свидетельствовал Мефодий Егорович Федосенко, — я охранял бывший колхозный огород и увидел, как стали на машинах возить советских граждан. Не довозили до Иловского рва 150–200 метров, высаживали и партиями водили по 10–15 человек через кусты к Иловскому рву. Были слышны выстрелы. Сначала я полагал, что немцы обучают молодежь стрелковому делу. После того, как прекратилась стрельба и уехали машины, я решил посмотреть, что они там делали. Подошел к Иловскому оврагу и увидел зарытый противотанковый ров. Тогда я стал копать и увидел трупы. Ров мною был обмерен: длина его была 43 шага, ширина 2 шага, глубина около 2 метров. Оглянувшись, я заметил в сторонке от рва дым. Когда подошел, увидел, что там догорала одежда и много валялось разных документов, часть из них были просмотрены, фамилии были все еврейские, большинство — интеллигенция: учителя, врачи, студенты и другие профессии».

Он же видел, как к Иловскому оврагу фашисты пригнали военнопленных. Большую часть из них составляли командиры Красной Армии. Всех было человек пятьсот. Их расстреляли там же, в яме.

Однажды к этой траншее привели трех русских людей. Один был хромым, двоих вели со связанными руками. Скорее всего, это были подпольщики. И снова прогремели выстрелы над Иловкой.

Евдокия Николаевна Бавтуто жила недалеко от оврага. В один из дней она услышала плач и решила выяснить, в чем дело. Когда она подошла, увидела трех женщин, которые переворачивали трупы. Они сказали, что ищут свою сестру, которую фашисты арестовали и расстреляли за то, что была партийной и орденосцем. Они хотели бы похоронить ее по-человечески. Наверху лежало 60–70 трупов, заброшенных навозом.

Это были женщины, мужчины, дети. После долгих поисков труп сестры был найден. Отвезти его в город и похоронить на кладбище не было никакой возможности. Это было очень опасно. Женщины в этом же овраге выкопали могилу и похоронили расстрелянную.

На одну землю пролилась кровь людей разных национальностей, людей, даже не знавших и не слышавших никогда друг о друге. Теперь эта земля стала общей памятью о них.

Существует несколько версий происхождения названий Иловка, Иловский овраг. Одна из этих версий имеет отношение к евреям. Здесь проходил Тадулинский тракт, который вел к церкви, стоящей на берегу озера недалеко от местечка Яновичи. Летом там собиралась большая ярмарка. Одним из самых приметных мест на этом тракте была лавка старого Гирши. Никто мимо лавки не проходил, обязательно заглядывали и делали покупки. Отсюда, как предполагают, и возникло название хутора. Достопримечательностями деревни были ярмарка И ЛАВКА.

* * *

Как ни жутко об этом писать, оккупантами учитывалось все. Звериное лицо фашизма, умноженное на немецкую педантичность и обстоятельность, дало дикое, варварское сочетание. Согласно разработанному гитлеровцами положению, верхняя одежда людей, идущих на расстрел, складывалась в одну стопку, нижняя — в другую, обувь — в третью. Как показывал на допросах в 1945-46 годах бывший бургомистр Витебска В. Родько, «имущество расстрелянных было изъято и перешло в собственность немецкой армии».

Все ценности и часть одежды лучшего качества были высланы айнзацкомандой в Берлин в адрес своего управления. Большую часть расхитили сотрудники СД и полицаи.

Об этом говорил на допросе 25 января 1946 года бывший сотрудник горуправы М. Рогулько: «Имущество еврейского населения, после его истребления, оккупанты считали собственностью немецкой армии. Небольшую часть одежды передали городскому управлению, и я отдал указание оценить ее и реализовать через комиссионный магазин».

Представители «нового порядка» не гнушались тем, чтобы извлечь как можно больше выгоды из трагедии народа. Они стремились прибрать к рукам все, до копейки, что было нажито людьми за долгие годы. Уже в сентябре 1941 года, сразу же после

создания гетто, горуправа составила списки домов, принадлежавших евреям. Затем последовал приказ по жилотделу о проведении до 1 января 1942 года инвентаризации всей принадлежавшей им жилплощади. В сводном «Отчете о продаже еврейских строений» читаем, что во второй половине 1941 года за продажу домов только лишь с 13 улиц было выручено 24214 рублей 20 копеек. За первые месяцы 1942 года строения, расположенные на 9 улицах, были проданы за 28092 рубля. В этом же документе читаем дальше: «За проданное бывшее жидовское имущество к 10.04.42 года составляет сумму 233 тысячи 891 рубль 23 копейки. В этой сумме имеется 52 тысячи 306 рублей 20 копеек от продажи домов, остальное от реализации разного рода имущества... Указанная сумма перечислена 21.03.42 на текущий счет ф.(ин)о.(тдела) № 27/11 в общей сумме»^[31]. То, что названо «разного рода имущество», это детские кровати, медные тазы, простыни и подушки, тарелки и кастрюли, пиджаки и шляпы. На продажу шло все, что могло принести властям даже копеечный доход, и подсчитывалась в жилотделе горуправы многотысячная сумма с точностью до копейки. В расчет не бралось только одно — человеческая жизнь.

Цинизму марионеточных «отцов города» не было предела. Деньги от продажи этой части одежды они распорядились передать отделу социального обеспечения городской управы с целью употребить их как пособие для инвалидов-беженцев». К тому же, этим хотели показать, что уничтожение евреев необходимо не только для того, чтобы очистить землю от неполноценной расы, но и приносит конкретную пользу. Как, например, в данном случае — помощь инвалидам. Правда, никто не видел тех беженцев, что получили помощь. Но зато многим слышали и про «честность» городской управы, и про ее «бескомпромиссность», и про ее «заботу» о местном населении.

* * *

В сентябре 1941 года из Берлина на «практику» в Витебское гетто, не без ведома А. Фильберта, прислали двух молодых эсэсовских офицеров. Эти выродки «специализировались» на убийстве детей. Во время расстрелов они вырывали малышей из рук обезумевших матерей, и как только ребенок начинал плакать, выстрелом в горло убивали его, а потом тело бросали в яму»^[32].

Те из узников гетто, у кого сохранилось хоть немного сил, пытались вырваться. Среди них была и Софья Иосифовна Гольдина (Голубовская). «Однажды, собравшись с духом и

силами, я решила бежать. Думала спасти себя и принести хоть какую-нибудь еду родителям. Понимала, если не решусь на этот шаг, погибнем все. Меня подтолкнули снизу, и я перескочила через проволочное ограждение. Внизу стоял охранник. Я выхватила у него винтовку, отбросила ее в сторону и стала убегать. Наверное, охранник, не ожидавший от меня такой прыти, не сразу опомнился. А может быть, у него были другие причины, но он не погнался за мной и не стал стрелять вслед. Я бежала куда глаза глядят. Вскоре оказалась в деревне Вымно. Одна женщина дала мне иголку с ниткой, чтобы я смогла привести в порядок разорванную одежду. Другая — стакан молока с куском хлеба. Я выпила молоко, а хлеб спрятала и пошла обратно в город, надеясь передать хлеб родителям. Мне это удалось. Я неоднократно совершала такие рейды по окрестным деревням. Помню, как однажды принесла своим родителям несколько картофельных оладий.

Если охранники видели, что узникам передают еду, они прогоняли дающих, а в тех, кто не выполнял их команду, стреляли».

Не только Голубовская пыталась бежать из гетто. Такие попытки предпринимали десятки узников. Не всем удавалось выжить даже выбравшись за колючую проволоку.

Сестры Бася, Хая и Соня Зельдины пытались уйти из гетто по туннелям городской канализационной системы. Однако гитлеровцы поймали несчастных и натравили на них свору овчарок. Тренированные псы разрывали женщин на куски...

* * *

8 сентября 1941 года заведующий жилотделом горуправы Голосовский писал начальнику отдела охраны Витебска: «По Нижне-Петровской улице (ныне Комсомольская. — Авт.) возле новой бани, на углу рядом со сгоревшим домом в подвале, находится пять жидовских трупов, а поэтому прошу сделать соответствующие распоряжения об уборке таковых». Возможно, речь идет о пяти узниках гетто, которым каким-то чудом удалось вырваться из-за колючей проволоки. Но обессиленные, измученные голодом и болезнями люди не смогли далеко уйти. На это просто не хватило сил. И они спрятались недалеко от гетто в подвале дома, который и стал их последним убежищем^[33].

Следователь уголовного отдела Витебской горуправы Романовский в эти же дни сообщает начальнику витебской тюрьмы:

«Направляется жидок Зингер Иохим для содержания под стражей до распоряжения».

* * *

Еще и сегодня не высказаны все слова благодарности тем мужественным и благородным людям, которые спасали евреев, рискуя собственной жизнью. Они делали это осознанно. Приведем документ, хранящийся в Витебском госархиве. В своем распоряжении от 24 октября 1941 года комендант полевой комендатуры (V)244 полковник фон Швайдниц объявлял: «Я наказываю Варвинского Михаила, арестованного 21.10.41 в Витебске, на 1 месяц тюрьмы, потому что он в письменной форме присягал перед горуправой, что эта еврейка — русская, хотя ему было известно ее еврейское происхождение. Этим фальшивым заявлением он хотел помочь еврейке при установлении ее личности».

* * *

В семье Мойши Берковича Гиндерова и его жены Сони жила домработница Ефросинья Силантьевна Тимошенко. Родилась она в селе Большая Ржавка Велижского района. Рано умерла мать, жених ушел с белогвардейцами, и, не поладив с мачехой, Фрося подалась в город. В это время Соня Гиндерова заболела туберкулезом, и семья решила взять домработницу. Впрочем, это слово совсем не подходит для Фрузы — она была членом семьи, а после смерти Сони полностью взяла на себя хозяйство.

3 июля 1941 года Мойшу Гиндерова призвали в ополчение. Хая по совету отца — ей шел тогда девятнадцатый год — уехала с соседской семьей Юркиных в местечко Колышки.

Там она пробыла почти до конца июля. Когда в местечке появились гитлеровцы, Юркины сказали Хае: «Иди в Витебск к Фрузе, там ты сойдешь за русскую». По дороге Хая встретила Фрузу, которая уже шла ее разыскивать, и они вместе вернулись в Витебск.

После того, как евреев загнали в Клуб металлистов, дом Гиндеровых занял полицай со своей семьей. Его жена хорошо относилась к Фрузе и иногда давала ей вещи Гиндеровых, которые Фруза передавала в гетто. Фруза приносила в гетто и еду, которую отработывала у знакомых крестьян в Иловке.

Иногда Хая сама надевала поверх одежды с желтыми латами

свитер и украдкой, чтобы никто не видел, уходила к Фрузе. Та давала еду, и Хая относила ее в гетто бабушке и тете.

Фруза видела, как в Иловку пригоняли евреев, приказывали копать ямы, а потом расстреливали. Она знала, что крестьян сгоняли засыпать ямы. За это им давали полотенца и мыло, которые гитлеровцы заставляли евреев брать с собой «на работу». Фруза предупредила Хаю, чтобы на работы она не ходила.

Каждое утро в гетто вывешивали списки людей, направляемых на работы. 2 сентября 1941 года Хая оказалась в этих списках. Она снова поверх одежды надела свитер и украдкой вышла из гетто. Бабушка и тетя остались там.

Идти Хае некуда было. И она пошла к Фрузе, которая спрятала ее за уборной в кустах крыжовника. Остаться на улице было опасно. Рано утром Фруза решила пойти к себе на родину, в деревню Большая Ржавка, и спрятать Хаю в доме своих родителей. Проходя мимо гетто, они увидели бабушку, которая сидела, закутавшись в одеяло. Но окликнуть ее побоялись. В деревне Фруза сказала отцу, что Хая — ее дочь. В Большой Ржавке было спокойно, немцы появились там лишь пару раз. Беда не приходит одна. Ослабленная Хая заболела тифом. Фруза не спала ночами, выхаживая ее.

2 февраля 1942 года Большую Ржавку освободила Красная Армия. Образовались знаменитые «Суражские ворота». Фруза с Хаей ушли на Большую Землю. Причем, Фруза взяла с собой и 17-летнюю Машу, дочь арестованного немцами деревенского старосты. Добрались до Вольска. Девочки учились в ФЗУ. Фруза подрабатывала. После окончания училища Хаю направили на работу в город Саратов. Там она вышла замуж, туда же переехала и Фруза.

Она жила вместе с Хаей (Анной) Гиндеровой (Качановой) до самой смерти. Умерла Фруза в Саратове в январе 1980 года.

* * *

Софье Яковлевне Сарак удалось бежать из гетто накануне его ликвидации. Она предполагала добраться до деревни Орехово, где жила ее знакомая, попросить у нее кое-какие продукты и отнести обратно в гетто умирающим от голода родственникам.

Когда она возвращалась, увидела свою бывшую соседку Клавдию Осиповну Белоусову. Как оказалось, Клавдия Осиповна специально ждала ее, чтобы предупредить — в гетто идти нельзя.

Почти девять месяцев Белоусова, Старовойтова, Ильины прятали С. Я. Сарак, делились с ней куском хлеба. Потом

Старовойтова и дочка Клавдии Осиповны Белоусовой Шура прошли с Софьей Яковлевной тридцать шесть километров через леса и болота, чтобы вывести ее за линию фронта.

* * *

Розу Брускину прятали в Витебске от фашистов ее одноклассники Тамара Ломоносенко и Василий Солодкин. Совсем недавно они ходили в одну школу, стоящую на высоком берегу Западной Двины. Гуляли, мечтали, сдавали выпускные экзамены. Ни в одном сне не могло им присниться, что буквально через несколько месяцев жизнь примет у них еще один самый трудный экзамен — на человечность, на порядочность. И они выдержат его с честью. Сначала Розу Брускину прятали в деревне Толкуны, потом в Витебске. А когда стало совсем опасно, достали документы на имя Лидии Голубевой, и с ними девушка ушла на восток.

Друзья-одноклассники прятали и Михаила Берлина, красноармейца, попавшего под Витебском в окружение. Они выхлопотали ему «русские» документы на фамилию Кольцов. Для этого нужно было подтверждение двух свидетелей. Ими стали Владимир Козловский и Владимир Морозов. Казалось бы, чудом уцелевший человек должен был переждать время, отсидеться. Но Миша Берлин рвался в бой. Он уходит в Яновичи и пытается там организовать партизанский отряд. По местечку пошел гулять слух «о недобитом еврее, который, вместо того, чтобы схорониться как мышь, поднимает людей на борьбу». Об этом узнали фашисты. Мишу арестовали и расстреляли.

* * *

Война для 13-летней Гали Быковской началась 9 июля 1941 года. В тот день, услышав незнакомые звуки, девочка выбежала во двор и, выглянув через приоткрытую калитку, замерла от неожиданности: мимо нее по родному проспекту Бебеля двигалась немецкая колонна мотоциклистов.

— Мама! Мама! Немцы пришли! Я их только что видела! — взволнованно сказала Галя, едва войдя в дом.

— Слышу, — как-то безучастно ответила мама.

Роза Мордуховна понимала: это пришло другое, страшное время.

Во второй половине дня немцы стали обстреливать

левобережный район Витебска. Оттуда открыли ответный огонь. Снаряды и пули летели над крышами домов. Рухнуло стоявшее рядом с домом Быковских кирпичное здание фабрики-кухни.

«Стрельба не прекращалась, — вспоминает Галина Николаевна. — Остаться в доме было страшно. Мы быстренько собрались и пошли на Юрьеву горку: там еще в начале войны были вырыты окопы. Во время налетов немецкой авиации многие убегали туда прятаться. Когда мы пришли, там уже было полно народу. Стало темнеть, но люди не уходили, мы тоже остались на ночь. Под утро стрельба утихла, все начали расходиться. Пошли домой и мы с мамой. Приходим, а на месте нашего дома одни обгоревшие бревна. Пришли и Измайловичи, с которыми мы жили в одном доме. У нас была общая кухня. Наши родители и мы, дети (у Измайловичей их было пятеро), жили дружно. Иван Фадеевич и Ольга Михайловна были людьми добрейшей души».

Деться Измайловичам и Быковским — было некуда, и они решили перебраться в деревню Хотиничи. Это километрах в десяти от Витебска, около станции Княжица. Говорили, что раньше там была трудколлония, в начале войны ее закрыли, и осталось несколько бесхозных бараков. Когда началась эвакуация, некоторые семьи с проспекта Бебеля — Рустиковы, Ивановы — переехали в Хотиничи. Ходили слухи, что там есть еще свободные комнаты.

В тот же день — это было 10 июля — Галя осталась с Измайловичами, а Роза Мордуховна пошла к старому приятелю отца попросить его отвезти всех в Хотиничи. У него была лошадь, он работал на взвозе — так витебляне называли пологий спуск к реке Западная Двина, по которому вывозили дрова с берега на набережную. Он приехал сразу, помог погрузить уцелевшие вещи, усадил детей на телегу и поехал.

Поселились обе семьи в одном бараке. Жители Хотинич между собой почти не общались. У всех были свои заботы. Может, потому Роза Мордуховна некоторое время оставалась незамеченной.

В последних числах августа Быковские неожиданно столкнулись возле своего дома с Марией Скробовой, бывшей витебской соседкой.

— Смотри, и вы здесь, — то ли утверждая, то ли удивляясь, произнесла она.

— А тебе что до этого? — ответила Роза Мордуховна и вошла в дом.

Утром следующего дня кто-то постучал к Быковским. Роза Мордуховна открыла дверь. В комнату вошли полицейские. Один подсел к столу, другой стал у двери.

— Собирайтесь, — бросил сидевший. — В горуправу вызывают, в Витебск.

— Хорошо, сходим.

— Нет, — повысил голос полицей, — пойдете со мной.

В горуправе на улице Толстого Роза Мордуховна встретила знакомого, который до войны работал фининспектором в их районе. Он тоже ее узнал, подошел и со злорадством протянул:

— А-а-а, Роза, здравствуй, наконец и ты попалась, — Роза Мордуховна побледнела. Ей стало страшно от мысли, какой участь ожидает ее Галю.

— Но ты ведь знаешь моего Николая, — сказала она, не скрывая своей тревоги за девочку, — знаешь, что это его дочка.

— Роза, — прошипел знакомый, — раз у нее есть хоть капля жидовской крови, она пойдет туда, куда и ты...

«Когда мы попали в гетто, — вспоминает Галина Николаевна, — мне шел четырнадцатый год. Но пока мы там находились, я повзрослела на несколько лет. Наверное, от страха и ужаса, от увиденного и пережитого...

Часто в гетто приходили немцы. Обычно они заходили со стороны набережной.

Как только мы видели, что они идут, все, кто мог, бежали в здание, стараясь подняться повыше, забирались даже на чердак, чтобы быть от них подальше.

Чаще приходили немцы в черных мундирах со свастикой. Обычно являлись после пяти часов. Ловили молодых парней, избивали дубинками, ногами. Били так, что человек умирал.

Мы с ребятами пробовали найти дыру, чтобы можно было выйти из гетто. Но все щели в разбитых вокруг домах были заколочены. Мы пробовали проскочить в ворота, когда вывозили покойников. Вывозили их по две, три подводы и больше, почти каждый день. В это время мы пытались выбежать, но нас били дубинками не давая выйти. Иногда молодые ребята как-то договаривались с охраной и выходили, чтобы принести родным поесть. А у нас с мамой никого не было.

У меня был папин вельветовый пиджак, длинный, мне до колен. В кармане лежала моя метрика. Мама мне дала ее спрятать. «Возьми, говорит, положи в карман. Пусть она у тебя будет». Эта метрика меня и спасла. Там написано: отец — Быковский Николай Иванович, мать — Быковская Роза Мордуховна, и стоит мой день и год рождения. Мамина фамилия до замужества была Ольшванг. Перед тем, как я попыталась выйти из гетто, мамино отчество чуть подтерла, чтобы трудно было сразу прочитать. Как-то мама говорит: «Галя, доченька, попробуй уйти. Когда люди пойдут к реке за водой, иди с ними.

Скажи, что ты приносила школьной подруге поесть, а тебя теперь не выпускают. Если спросят, где твои родители, скажи, что мама давно умерла, а папу в армию забрали».

В сентябре я решила уйти. Вижу, дверь в будке открывается. Я — туда, и на лесенку, а дежурный еврей кричит:

— Полицейский, идите сюда. Она вышла отсюда.

Подходит ко мне молодой полицей с бельмом на глазу и говорит:

— Ты что, девочка, точно отсюда?

Я повторила то, что говорила мне мама. И добавила:

— У меня есть документ, — и подала ему метрику.

Он посмотрел метрику и сказал:

— Иди и больше сюда не приходи, не выпущу.

Сначала Галя пошла к родственникам отца. Но девочка боялась, что ее могут выдать, и через несколько дней ушла в деревню Малая Выдря к тете Марусе.

Марию Матвеевну и Кирилла Ивановича Лобасенко в Малой Выдрее знали все. Они были потомственными крестьянами. Хозяйство имели небольшое, но бедными не были. Во время учебы в Витебске их дочь Оля часто бывала у Быковских.

«Когда Галя пришла и рассказала, что с ними случилось в Витебске, — вспоминает Ольга Кирилловна Лобасенко, — моя мама сказала: «Может, Бог даст, мама твоя жива, а ты оставайся у нас. Тебя здесь никто не тронет». Мы так и жили: три женщины и пятеро детей».

Первое время действительно было спокойно. Так продолжалось бы и дальше, если бы как-то вечером к Лобасенко не зашел знакомый старик, знавший Быковских по Витебску. Был он человеком безвредным, но язык держать за зубами не умел. По деревне пошли разговоры, что у Лобасенко вроде бы еврейка живет.

Решили перевезти Галю в деревню Речки к Анне Матвеевне Понкратенко, старшей сестре Марии Лобасенко. Так и сделали. Но вскоре оказалось, что и там есть любопытные. Чтобы не искушать судьбу, Галю отправили к Фене, дочке Марии Лобасенко, в деревню Зубаки.

В марте 1942 года Гале Быковской удалось перейти линию фронта в районе деревни Понизовье на Смоленщине. Потом она попала в Калининский детприемник, откуда ее отправили в ремесленное училище. После его окончания был завод, возвращение в родной Витебск. Работа санитаркой в военном госпитале, с которым выехала на фронт.

Бывшую узницу Витебского гетто Галину Николаевну Лапицкую и бывшую партизанку бригады П. И. Кириллова Ольгу

Кирилловну Лобасенко долгие десятилетия связывали крепкие узы дружбы.

16 сентября 1941 года уголовный отдел Витебской городской управы издал приказ: «Всем гражданам нежидовского происхождения категорически запрещается пребывание на территории «ГЭТТО». Одновременно всем жидам запрещается хождение по неуказанной им территории. Уголовный отдел города Витебска»^[34].

* * *

Жил до войны в Витебске красивый и высокий парень Вася Корсак. Было ему лет двадцать пять. Работал он землемером. И жил с мамой почти в центре города в маленьком чистом домике. Перед самой войной Вася познакомился с еврейской девушкой Идой. Она работала счетоводом. Ей было тогда около двадцати.

Нежная красота Иды приворожила Василия, и они поженились. Ида переехала жить к Васе, в маленькую комнатку за печкой. Они были самыми счастливыми людьми на Земле. А потом началась война, в город пришли фашисты. Ида оказалась в гетто. Вася просил ее: «Не иди туда. Я спрячу тебя. Никто не узнает, не найдет». «Не могу, — ответила Ида, — там мама, папа, сестры. Они подумают, что я их бросила». И она ушла. Через несколько дней к ней в гетто пришел Вася. Русский парень, который мог бы обходить гетто стороной и не думать, не вспоминать о нем. Но там была Ида — женщина, которую он любил. Василий Корсак остался в гетто. Фашисты расстреляли его вместе с тысячами других ни в чем не повинных людей.

* * *

Однажды фашисты проявили «заботу» об узниках — привезли мелкой гнилой картошки. Когда голодные люди, узнав о еде, кинулись к машине, конечно же, забыв о правилах хорошего тона, фашисты смеялись и фотографировали их. Потом они отправляли эти фотографии домой и писали, с каким диким народом им приходится иметь дело на Востоке.

* * *

От голода и холода ежедневно погибали десятки узников

гетто. Однажды на улице умирала девочка 6–7 лет. Она лежала на куче тряпья, из горла вырывались какие-то хриплые звуки. Мать металась рядом и, обезумевшая от горя, кричала: «Кто-нибудь, помогите». Привели доктора, такого же узника гетто. Он посмотрел девочку, развел руки и сказал: «Дайте ей спокойно умереть». Потом рядом с девочкой села на землю старушка и стали молиться. Она говорила на идиш: «Ты, безгрешная душа, сейчас окажешься перед Богом. Попроси у него за наших детей, за наших внуков... Пускай он облегчит их страдания».

* * *

Фрида Бенсман работала до войны врачом. Она не успела эвакуироваться. До самого прихода немцев, как могла, помогала больным. А когда решила уйти из города, было уже поздно. Фрида оказалась в гетто вместе с сыном Ромой. Другие брали с собой на черный день самое драгоценное, что было в доме: золотые украшения, деньги. Надеялись, а вдруг поможет. Фрида взяла с собой на черный день флакончик с ядом. И спрятала его также надежно, как другие прятали драгоценности. Она пыталась уйти из гетто. Но как это сделать, когда на руках ребенок? А оставить его одного? Об этом она не хотела даже думать. Когда Фрида поняла, что их ждет, она достала свою драгоценность — пузырек с ядом. Дала отпить сыну, а потом приняла яд сама.

* * *

2 сентября 1941 года немцы, решив развлечься, посадили в баржу около 150 человек и, когда она выплыла на середину реки, потопили ее. Обреченные пытались вплавь добраться до берега, но не тут-то было. Фашисты баграми добивали людей. Из 150 человек никто не спасся. В числе жертв оказались Лебентова, Каган, Лебенсон, Левенрад.

В конце лета немецким армейским службам стало известно, что в гражданских концлагерях, находящихся на территории Витебска, среди заключенных есть евреи. Гитлеровцы провели фильтрацию и обнаружили 397 евреев или людей, внешне похожих на евреев. Их передали «специалистам» из айзацкоманды. Ни в чем не повинных людей обвинили в актах саботажа и даже в том, что они атаковали немецкие войска. И расстреляли, о чем сообщалось в донесении в Берлин 4 сентября 1941 года.

Фашисты придумывали пытки, изощрялись, как могли, чтобы не только унижить людей и показать превосходство арийской расы над «недочеловеками». Они пытались сломить дух узников.

Однажды вечером эсэсовцы пришли в гетто. Приказали первым попавшимся им на глаза мужчине и женщине раздеться и продемонстрировать половой акт. Когда из этого ничего не вышло, они расстреляли мужчину и женщину и, смеясь, пошли дальше.

На улице Гоголевской несколько евреев, запряженных в телегу, тянули бочки с водой. Видно было, что тянуть ее им не под силу, тем более, что дорога шла в гору. Но немцы на это не обращали внимания, они подгоняли людей и били их палками. Не выдерживая такой работы, люди падали на мостовую. Вместо того, чтобы дать им передохнуть, палачи добили упавших. На улице осталось лежать несколько трупов.

В довоенном Витебске многие знали Софию Исидоровну Ратнер. До революции у ее мужа Исаака Григорьевича Ратнера был богатый двухэтажный особняк в центре города, который стоит и поныне на улице Суворова под тем же № 7/ 8^[35]. После революции семья Ратнеров оставила себе три смежные комнаты и коридор. Исаак Григорьевич умер в августе 1940 года, и София Исидоровна осталась жить в квартире с 6-летним внуком Витей Зархом и Надеждой Фоминичной Шидловской. В этом особняке разместилось также государственное учреждение, поселился учитель Лебедев с семьей и еще одна многодетная еврейская семья, а в годы войны некоторое время жил художник В. Хрусталеv, человек порядочный, державшийся в стороне от оккупационных властей.

София Исидоровна получила хорошее образование. В молодости она была своенравной девушкой, открыто поддерживала социал-демократов, за что ее отчислили из гимназии. Родители^[36] настояли, чтобы она продолжила образование в частном пансионе Ивановой-Заливкиной. София Исидоровна великолепно владела французским и английским языками, в совершенстве знала немецкий язык и литературу, историю Германии. Много лет она преподавала в художественном училище, вела уроки немецкого языка. К началу войны Софии Исидоровне было 72 года.

Надежда Фоминична Шидловская долгие годы вела хозяйство у Ратнеров. Ратнеры любили Надежду Фоминичну, как самого близкого человека, и называли ее Наденька.

За три дня до войны в гости к Софии Исидоровне из Ленинграда приехала внучка Атта Аскназий с мамой. Дедушкой Атты по отцовской линии был академик живописи Исаак Львович Аскназий. Жизнь этого художника в свое время тоже была тесно связана с Витебском. Он дружил с родителями Ратнеров.

6 июля Атта Аскназий с мамой ушли пешком в Ленинград, забрав с собой 6-летнего Витю. Они сумели добраться до дома. София Исидоровна отказалась идти с ними, потому что боялась стать обузой для дочери и внуков, понимала, что с больными ногами далеко не уйдет и не даст уйти от фашистов остальным. «Вы идите, а мы останемся здесь втроем — я, Надежда Фоминична и Фаня Григорьевна» (Фаня Григорьевна Яппу — сестра И. Г. Ратнера. — Авт.), — сказала она на прощание.

Через несколько дней после прихода немцев в Витебск в квартире Ратнеров появились первые непрощенные гости. Пришел немецкий офицер. Он спросил: «Кто здесь живет?».

И София Исидоровна ответила ему на отличном немецком языке. Они говорили целых полчаса. Офицер удивлялся, откуда у этой старой еврейки, никогда не жившей в Германии, такой прекрасный немецкий язык. Немец держался учтиво с Софией Исидоровной, показывал ей карту Советского Союза и сказал, что через две недели германские войска будут в Москве, а с евреями будет покончено навсегда.

После этого дня София Исидоровна не произнесла больше ни слова по-немецки. Она говорила: «После того, что я услышала, я забыла этот язык и не хочу его больше вспоминать. На нем говорят убийцы».

Потом в квартиру стали ломиться разные «темные» людишки. Одни норовили что-то стащить, другие требовали вернуть несуществующие долги, третьи угрожали и требовали отдать все добро по-хорошему. Надежда Фоминична каждый раз, не открывая двери, говорила, что евреев в квартире нет.

Вскоре на квартиру Ратнеров пришли погорельцы. Они сказали, что теперь будут тут жить. Это были заведующая городской библиотекой Нина Баранова и Фруза Удалая, которая до войны приходила в дом к Ратнерам.

Когда появился приказ всем евреям переселиться в гетто, мудрая София Исидоровна все поняла. Она послала Надежду Фоминичну к доктору И. Е. Ривашу, другу покойного мужа, и попросила, чтобы ей прислали яд. Доктор И. Е. Риваш отправил снотворное и успокаивающее. Не мог он, врач, всю жизнь

спасавший людей, убить кого-то своими руками.

Однажды в дом пришел немецкий офицер. Он потребовал отдать все дорогостоящие вещи Нине Барановой. Таких вещей оказалось немного. Немец был вне себя. Он вырвал из рук Софии Исидоровны сумочку, в которой были лекарства, и растоптал их ногами. Затем открыл сейф и стал доставать из него ценные вещи и раздавать их Н. Барановой и Ф. Удалой. София Исидоровна, обращаясь к нему, спокойно сказала: «Почему все одним?». Тогда немец сунул Надежде Шидловской посеребренные вилки и ложки. (После войны Надежда Фоминична передала их семье Аскназий).

Потом было гетто. Надя, как могла, помогала Софии Исидоровне и Фане Григорьевне. Приходила в гетто, приносила продукты. Где брала хлеб, свеклу, картошку? Недоедала сама. Относила то, что зарабатывала, и то, что выпрашивала у знакомых и незнакомых людей. Передавала продукты и Ф. Удалая. Она мыла полы, обстирывала немцев и часть заработка отдавала Ратнерам.

Сначала Надя свободно проходила в гетто. Потом ее предупредили, что будут убивать любого русского, которого поймут на территории гетто. Надя все равно приходила к своим друзьям. Однажды, когда она была в Клубе металлистов, вошел немец. Надю успели накрыть простыней, и немец ее не заметил. Зато все замечала Надина соседка Н. Баранова. Пытаясь выслужиться перед немцами, она донесла на Надежду Фоминичну. Надю трое суток продержали в камере смертников, но, ничего от нее не добившись, отпустили. За это время Н. Баранова распродала все вещи, оставшиеся от Ратнеров, и деньги, естественно, забрала себе. Позже она переселилась в дом № 1 по улице Толстого.

Н. Баранова при новом режиме сделала карьеру. Стала организатором и директором городской библиотеки. Борец за «настоящую культуру», она не брезговала доносами. Главное было — выбиться в люди, добиться благосклонности новых хозяев. Н. Баранова достигла таких «высот», что смогла подписывать некрологи на убитых фашистских прихвостней рядом с такими известными предателями, как В. Родько, М. Рагуля.

Наде Шидловской появляться в гетто стало совсем опасно. Но она не могла оставить в беде людей. И, приходя на берег Западной Двины, садилась и ждала. Иногда Фаня Григорьевна Яппу умудрялась подходить к Наде, а однажды передала ей два письма.

Вот их полный текст: «Дорогие детки! Марусенька, Аточка, Витенька, Ниночка, прощайте. Умираю. Что мы тут переживаем в

гетто, не поддается описанию: лучше умереть. Надя — единственный человек, который с наступлением катастрофы до конца заботилась о нас с большим риском для себя. Она чистый, кристально чистый человек. И сохранилась такой, не смотря на жуткое окружение, грабежи, насилие, издевательства, подлости и предательства. Не забудьте этого никогда. Сделайте все для нее, что можете, если она будет нуждаться в чем-нибудь. Она для нас самый, единственно близкий, единственно родной человек нам. Дорогие, любимые, бесконечно любимые, прощайте. Живы ли вы все, этого не знаю. Ничего мы не знаем, что кругом делается, отрезаны от всего мира. Мы здесь с тетей Фаней. Плюс, конечно, все оставшееся в Витебске еврейство. Прощайте же еще раз, дорогие. Как тяжело расставаться с вами навсегда. Бесконечно любящая.

6. IX.41 г. МАМА

Мы еще живы. Наше гетто обводят проволокой. Мы обречены на голодную смерть.

8. IX.41 г.».

В тот же день София Исидоровна обращается с письмом к Надежде Фоминичне Шидловской: «Дорогая Наденька! За все спасибо. За все, что Вы сделали для нас в последние, самые тяжелые дни нашей жизни. Не плачьте о нас. Смерть — самый лучший, единственный исход для нас. Будьте здоровы, дорогая моя Наденька. Если господь Бог есть на небе, пусть благословит Вас, Ваших сестер и близких, пусть даст Вам дожить до лучших дней. Если увидите моих и Фани Григорьевны детей, расскажите им о наших последних минутах.

Любящая Вас София Ратнер»^[37].

Сразу же после освобождения Беларуси Надежда Фоминична Шидловская каким-то чудом разыскала Атту Абрамовну Аскназий в Ленинграде. Первое письмо Надежда Фоминична написала 13 ноября 1944 года. Она писала (сохраняем стиль автора письма): «13/XI.44 г. Дорогая моя Атуничка, я очень обрадовалась, что узнала про вас, что вы живы и здоровы... Про бабушку и тетю Фаню я все знаю до последнего дня их жизни. Они трагически погибли из-за проклятых, а писать все это очень тяжело, но немножко я тебе напишу. К двадцать восьмому июля 1941 г. было объявлено всем евреям (перебраться) на западную сторону Двины к 8 ч. утра. Поверь, моя дорогая, с каким чувством, со скорбью, я их провожала, а вернувшись домой, я без памяти сутки пролежала, им был отведен Дом металлистов, ну, там не было куда и палец всунуть, сели они около Двины на горке. Я им варила обед, носила, тетя Фаня меня встречала и брала у меня обед, и сама заходила к ним и все рассказывала, что дома делали

новые хозяйины. Это продолжалось так более месяца, а потом обнесли забором и колючей проволокой, и мне это угрожало тюрьмой и расстрелом, но я прокрадалась тихо, договаривалась с Фаней, она меня встречала и провожала, и ко мне приходила за продуктами, я ее провожала. Бабушку я видела за две недели до ихней смерти, крепко расцеловались, распрощались, и она просила меня не плакать, а помолиться Богу, так как я верующая. Чтоб им была смерть, а не мученье, расцеловались навсегда, вид ее был ужасный, с лестницы она не могла спуститься, а мне уже нельзя было к ней зайти, сразу там русских убивали, они очень за меня беспокоились, чтоб я не зашла к ним, а то меня убьют, всегда смотрели в окно и махали, чтоб я не подходила. Это продолжалось около 3-х недель, Фаня приходила ко мне за продуктами, последний раз была и обещала, у моей сестры Врублевской. Это было 7-го сентября 1941 г. Вид у ней был ужасный, плакали вместе, сердечно было все, и она говорила, что живет на свете только из-за бабушки. Я ее просила не оставлять.

И вот, моя дорогая, их начали вывозить 8–9 сентября 1941 г. и убивали, но слабых, таких, как бабушка, на месте расправлялись, проклятые фашисты. Много есть что писать, тяжело напомнить, больше не могу.

Дорогая моя Агунька, когда тетя Фаня последний раз была у меня, принесла письмеца для меня от бабушки и для вас, письма эти прощальные, очень трогательные и благодарственные за мою услугу в тяжелое время и рискованность моей жизни, и я их сохранила, три года носила у себя на шее, прислать я его не могу, боюсь, чтоб не затерялись, только в руки отдам, весной, если буду жива, приеду к вам в Ленинград, повидаемся, много чего есть поговорить, все не напишешь.

Дорогая, любимая, про себя и описать не могу, как я осталась жива, стала стара и слаба, и всех растеряла, ни одной сестры не имею, одна осталась... В Витебск ехать незачем, все разрушено, сгоревши...

Крепко целую вас всех, пишите, жду ваших писем. Надя Шидловская».

На самодельном конвертике — штампы военной цензуры и почтовые штемпели с датами.

Надежда Фоминична с риском для себя хранила эти письма четыре военных года, не предав память близких людей — слишком драгоценными они были. Только в августе 1945 года, когда Агта Абрамовна Аскназий приехала в деревню Кривино под Бешенковичами, Н. Шидловская отдала ей письма из гетто. Даже трудно представить себе, какие чувства испытывали обе женщины...

В начале войны евреи из крупных городов искали прибежище у родственников в местечках. Когда начались массовые расстрелы, евреи из местечек стали убегать в крупные города. Они думали, что там, где живет много евреев, им удастся затеряться.

Блюма Тумаринсон пришла из Добромысли в Витебск, где жили ее дети. Почему пошла на запад, а не на восток? В эти страшные дни не могла оставить детей одних, направление движения подсказывала ей не логика, а материнское сердце. Да и, кроме того, надеялась, что всех евреев не убьют. «Евреев в Витебске много. Что будет со всеми, то будет со мной», — так или приблизительно так говорила она своим довоенным соседям. Наивная вера в лучшее стоила ей жизни.

23 сентября. В городе задержаны трое евреев, живших вне гетто. Все трое были расстреляны на месте.

1 октября. Айнзацкоманда-9 подвергла «особому лечению» 52 еврея, которые перебрались из Городка в Витебск, где они «беспокоили население, распространяя слухи...»^[38].

Какая трогательная забота о людях! Оказывается, их, чудом спасшихся от смерти, расстреляли в Витебске за то, что они тревожили людей, рассказывая им про ужасы нового гитлеровского порядка. Эти рассказы названы «распространением слухов», а расстрел — «особым лечением».

Конечно, сейчас можно говорить о том, что 52 городокских еврея, искавших спасения в Витебске, были наивными людьми и не понимали, что всюду, где хозяйничают фашисты, евреев ждет смерть. Но тогда, осенью 1941 года, куда им было пойти, где спрятаться? Конечно, и в Городке, и в Витебске были мужественные русские, белорусы, которые прятали евреев. Но их было немного. Большинство боялось за своих детей, их можно понять. В лучшем случае они давали кусок хлеба и просили уйти, чтобы не навлекать гнев фашистов. А в худшем случае, и таких примеров было немало, за два килограмма соли, а то и просто за благожелательное похлопывание по плечу, сдавали фашистам своих довоенных соседей.

Были евреи, которые уходили в леса и пытались оказать вооруженное сопротивление фашистам. Вот строки из отчета № 73 айнзацкоманды-9, отправленного в Берлин 4 сентября 1941

года: «После того, как 3 немецких солдата были убиты вблизи Витебска, была проведена умирительная акция немецкой армией. По этому случаю мы нашли 19 евреев и евреек, бродивших в лесу, где было совершено убийство. Они были наказаны по явному подозрению в участии в нападении на солдат и совершении поджога в Витебске»^[39].

Вооруженные до зубов фашистские вояки боялись безоружных евреев, людей самых мирных профессий. Командующий 6-й армией генерал-фельдмаршал Вальтер фон Рейхенау 10 октября 1941 года издал секретный приказ «О поведении войск на Востоке». Этот приказ был оценен Гитлером как образцовый и впоследствии принят многими командующими. Вот строки из этого приказа: «...солдат должен сознавать необходимость жестокого, но справедливого наказания еврейских недочеловеков. Другая задача — задушить в зародыше восстания в тылу вермахта, зачинщиками которых, как показывает опыт, всегда являются евреи...».

Не верьте тем, кто говорит, что в гетто все жили в ожидании смерти, были подавлены. Мол, поэтому не оказывали сопротивления. Да, с оружием в руках в Витебском гетто никто не выступал против ненавистных оккупантов. Оружия не было. Прямо скажем, из женщин, стариков и детей солдаты плохие, а мужчины были расстреляны в первые же дни. Но чувство собственного достоинства оставалось у людей. И было их единственным оружием. Подчас фашисты не понимали, откуда оно берется.

Жил до войны в Витебске извозчик Эля-Хаим Либенштейн. Любил своего коня, любил на праздник выпить сто граммов и еще любил, когда после работы его встречали внуки, усаживались на колени и просили: «Дед, расскажи сказку». Он рассказывал им сказки, которые слышал еще от своей бабушки, и гладил шершавой ладонью их головы.

Незаметно подросли внуки. И дед ждал их свадьбы, ждал, когда прибегут к нему правнуки и попросят рассказать сказку. А потом началась война. И 72-летнего Эли-Хаима Либенштейна, никого не обидевшего за свою жизнь, отправили в гетто.

Однажды, в конце сентября, когда уже выпал первый снег, в гетто пришел офицер СС. Ему, видимо, было скучно. Он хотел зрелища. Он хотел веселиться.

— Эй ты, старый жид, танцуй босиком на снегу, — сказал он Эли-Хаиму Либенштейну.

— Можно и босиком, можно и на снегу, — ответил старый извозчик. — Только перед тобой танцевать не буду. Много чести для тебя.

К несчастью для Э.-Х. Либенштейна, они хорошо понимали друг друга. Идиш и немецкий — схожие языки. Но даже если бы они говорили на совершенно разных языках, они бы все равно поняли, что между ними может быть только ненависть.

— Что ты сказал, юда? — фашист вытащил из голенища сапога металлическую трость, с которой ходил по гетто, и ударил старика по голове.

Э.-Х. Либенштейн сделал шаг навстречу фашисту и плюнул ему в лицо. В ответ из пистолета была выпущена вся обойма. Фашист продолжал стрелять, когда Эли-Хаим уже лежал на красном от крови снегу.

А через три года в Польше в бою под Кельцами смертью храбрых погиб внук Эли-Хаима Либенштейна 21-летний Иосиф, тот самый, который больше других любил слушать дедушкины сказки. Он отомстил за деда, за всю свою родню. И ради этого не пожалел даже собственной жизни.

* * *

Осенью на открытой машине несколько высоких немецких чинов объезжали гетто. Когда они проезжали мимо разрушенного кирпичного дома, его единственная стена обрушилась и накрыла обломками пассажиров автомобиля. Сегодня никто не может ответить: это произошло случайно или была продуманная операция. Фашисты ответили массовыми расстрелами, целой волной насилия и крови^[40].

* * *

В 1941 году в составе отдельной санитарной роты немецкой армии в Витебске проходил службу солдат Карл Шрадер. Свидетель тех страшных событий, он запоминал и записывал все увиденное. Карл Шрадер понимал: когда-нибудь фашизму придет конец, и он, как немец, обязан будет рассказать миру всю правду о зверствах, творимых гитлеровцами.

После окончания войны журналист, писатель Карл Шрадер (псевдоним Пауль Кернер) написал ряд пьес, поставленных немецкими театрами, издал несколько книг. В них рассказана правда о фашизме. Одним из наиболее заметных литературных трудов Карла Шрадера стал «Дневник немецкого солдата». Память о Витебском гетто, как незаживающая рана, не давала ему, свидетелю этой трагедии, спокойно жить.

«28 сентября. Время от времени эсэсовцы наносят удары винтовками. Толпа рассыпается, шарахается со слезами на глазах из стороны в сторону по свободной территории. Выкрикивают чьи-то фамилии, имена. Слышны слова молитвы. Кто-то обматывает тряпкой голову человека. На берегу моются. Около акации сидят четверо или пятеро человек и что-то едят. Проезжая мимо, вижу совершенно голого человека, которого избивают двое или трое эсэсовцев в форме.

30 сентября. Мужчины, женщины, дети сидят у костра. Доедают какие-то крохотные остатки пищи. У кого совершенно нет еды, кушают листья. Идет холодный со снегом дождь.

4 октября. Акация дает все: листву она отдает для питания, древесину — для костра. Уставшим, искалеченным людям ее ствол служит опорой. Насколько позволяет рост человека, кора на деревьях ободрана. Видно, как люди становятся один на одного, чтобы дотянуться до коры, которая осталась выше. Внизу стоят в отчаянии с протянутыми руками голодные люди. Худые, белые руки хватают последние кусочки коры. К дереву подходит солдат с черепом на фуражке и начинает бить женщину. Она не отворачивается от ударов, не защищается. Словно вкопанная стоит, принимая на себя удар за ударом. Дубинка ломается. Кусок ее летит в воздух, за ним другой. Палач сжимает кулаки и безжалостно наносит удары в грудь, лицо. Он бьет ее тяжелым кованым сапогом. Теперь она падает и больше уже не встает. Солдат в черной униформе продолжает наносить ей удары»^[41].

8 октября. Немцы приказали узникам гетто грузиться на машины. Причем, сказано было брать с собой все вещи. Мало того, вещи должны быть аккуратно подписаны. Говорили, что всех перевезут в другое место, где подготовлено жилье, но фашистам уже почти никто не верил. За невыполнение приказа — смерть. За выполнением приказа следовало то же продолжение — смерть. Так что выбора не оставалось^[42].

У узкого понтонного моста через Западную Двину, где двум машинам или телегам негде было разъехаться, можно было в те дни наблюдать такую картину. Среди машин и подвод выделялся грузовик. Рядом с шофером на переднем сидении сидел немец с винтовкой. В кузове по углам места заняли полицейai в уставной форме с красно-белой повязкой на рукаве: начищенные сапоги, синие галифе, гимнастерка. У их ног сидят, скрючившись, люди. Хотя людьми их трудно назвать. Это, скорее, тени. В основном, женщины и дети. Некоторые, время от времени, начинают плакать. Таких полицейai бьют палкой, ногами. У края кузова, взявшись за борт машины, стоит белокурая девочка в плюшевом пальтишке. Она машет свободной ручкой всем прохожим и радостно улыбается, не обращая внимания, что кого-то рядом бьют. К этому она уже привыкла. Избиения и убийства для нее не новость. Это она видела каждый день. Девочка радуется, что едет на машине, что тут река, много людей, подвод — весело, не то, что было в гетто. Проходящие люди стараются не смотреть на эту машину: им уже известно, что пассажиров везут на расстрел. Только при виде радостной, улыбающейся девочки некоторые смахивают невольно набежавшую слезу.

Проехав мост, грузовик нигде уже больше не останавливается. Он мчится мимо казарм, трамвайного парка, пересекая широкое поле, к Иловскому оврагу.

Люди понимали, что их везут на расстрел. Они хотели проститься с городом, со своими знакомыми, передать весточку родным, чтобы их не ждали^[43].

В один из этих дней Наталья Семенчукова проходила по улице и видела, как вышла из гетто машина. На ней среди прочих евреев была и одна ее знакомая. Она узнала Н. Семенчукову, высунула голову, стала что-то говорить, но полицейai начал ее бить по голове, по лицу резиновой палкой. Женщина закричала и упала на дно машины^[44].

Узников гетто вывозили на расстрел на машинах. Три машины, использовавшиеся для этой цели, принадлежали городской управе, остальные грузовики были из СД. Известны некоторые имена шоферов из горуправы, принимавших участие в вывозе евреев на расстрел: Вишневский, проживавший по улице Гоголя, Мелехов Петр, проживавший на 2-й Стадионной улице, Жасперовский Александр, проживавший в районе второго отделения милиции.

Каждая смерть — это страх и ужас. Но, наверное, самые черные дни Иловский овраг видел осенью 1941 года, когда казалось, что на земле не хватает места от криков и стонов и они поднимаются к небу.

В первую декаду со 2 по 12 октября ежедневно работал смертоносный конвейер. Конкретных распоряжений, в какой день и в какой час следует расстреливать евреев, высшее начальство не отдавало. Это было доверено руководителям айнзацкоманд. И надо признаться, они с отменным садизмом подходили к возложенному на них делу. Самые массовые, самые страшные и жестокие расстрелы проводились в канун праздников, так сказать, для «поднятия общего настроения».

22 сентября 1941 года на землю пришел еврейский Новый год — Рош-Гашана, 5701-й год по иудейскому летоисчислению. В этот день надо было трубить в шофар — ритуальный музыкальный духовой инструмент. В гетто не было шофара, не было и белых одежд, в которые следует одеваться. А вот миньян собрался. И было не десять человек, необходимых для молитвы, а гораздо больше. Даже те, кто никогда не ходил в синагогу, собрались под лестницей Клуба металлистов. Всем очень хотелось верить, что кто-то за них заступится, что у них появится какая-то надежда... В этот день обычно желают сладкого и хорошего Нового года. Никто из тех, кто собрался под лестницей, не загадывал на год вперед. Они желали друг другу дожить до Йом-Кипура, который будет через десять дней.

Когда молитва закончилась, старый Эли Коган, дед и прадед которого были раввинами, достал из кармана маленькое яблоко и отдал своему внуку Роману.

— Сегодня положено есть яблоки с медом. Меда нет. Его не достанешь. А яблоко ты съешь, — он сказал и заплакал, потому что понимал: это яблоко последнее в жизни его пятилетнего внука.

— Дед, откуда оно у тебя? — может, в первый раз за последние месяцы Рома улыбнулся.

— Сегодня праздник, — уклончиво ответил дед. Он не хотел рассказывать внуку, что за это яблоко отдал полицаяу свое золотое обручальное кольцо, которое прятал на самый черный день. Он не хотел говорить внуку, что эти черные дни уже наступили.

8 октября.

Началась очередная массовая акция по ликвидации Витебского гетто «из-за грозящей опасности эпидемии». Евреев, которые прошли «особое лечение»^[45], было около трех тысяч человек.

Опасность возникновения эпидемии в гетто, конечно, была. Но она сознательно провоцировалась всем режимом содержания узников. Кроме того, это был, вероятно, единственный факт в истории медицины, когда методом борьбы с болезнями становилось поголовное уничтожение людей.

Впрочем, «борьба с эпидемией» была только поводом. Фашистские изверги пытались на всякий случай прикрыться «медицинской терминологией». Причем, на примере уничтожения других гетто в Беларуси можно утверждать, что подобный маневр был неоднократно апробирован. И, вероятнее всего, был разработан и утвержден в Берлине.

В первый день октябрьской акции А. Фильберт лично руководил расстрелом. В этот день было убито 750 евреев.

Неделей позже, по приказу А. Фильберта, расстрелом руководил Х. Штрук. Число жертв было больше — около 800 человек. Среди них были женщины с грудными детьми. Детей сбрасывали в могилу, когда матери были уже расстреляны. Х. Штрук бегал, раздавал приказы членам команды стрелков и оцепления, всем своим видом показывая служебное рвение.

Вначале Х. Штрук служил в штабе группы «В» под руководством А. Нэбэ. Он очень хотел остаться в штабе, даже однажды заявил, что не способен к деятельности в айнзацкоманде, то есть не может своими руками убивать, душить, вешать. Такие признания не помогали офицерам СС делать карьеру. А. Нэбэ отклонил просьбу Х. Штрука и послал его в айнзацкоманду. При этом он заявил: «Каждый должен хоть раз побывать там». То есть каждый должен был запятнать себя невинной кровью.

Со временем Х. Штрук не только привык к виду крови, к предсмертным агониям, к пыткам и издевательствам. Он понял, что на массовых расстрелах беззащитного населения можно быстрее сделать карьеру, чем сидя в штабе. И показал отменное рвение в этом садистском деле.

Об этих расстрелах рассказывал их очевидец Мефодий Егорович Федосенко: «В октябре, не помню какого числа, немецкие карательные органы семь дней подряд проводили расстрелы советских граждан. Первые четыре дня проводили расстрелы с утра и примерно до 14 часов дня, а остальные три дня проводили расстрелы с утра до темной ночи. Людей возили

из Витебска на машинах. Машины часто ходили. Одна придет, людей ссадят и через 5 минут приходила вторая, в общем, одна за другой шли машины. Машины не доходили до Иловского рва примерно двести метров. Людей ссаживали, после чего водили партиями в Иловский ров, где проводили расстрелы. Были хорошо слышны крики людей и плач маленьких детей, я лично видел, как одна женщина несла ребенка на руках. Не донесла до противотанкового рва и положила, а немец схватил его и бросил в ров».

Показания многих свидетелей даны полвека спустя.

Казалось бы, время сглаживает остроту ощущений. И ко многому относишься как к жуткой, кошмарной, но уже свершившейся истории. Но есть показания, от которых и сегодня становится не по себе. Среди тех, кого привезли на расстрел, была работница витебской больницы Шубик вместе с двумя детьми. Один из них был грудной, второй — мальчик 3–4 лет. Когда Шубик и других высадили из автомашины на землю, к ней подошел фашист и дернул за одеяло, в которое был завернут младенец. Из одеяла выпал ребенок, фашист наступил ногой на него и раздавил. Грудных детей в большинстве случаев закапывали живыми.

Были случаи, когда привозили полные машины с детьми. Однажды привезли сразу 2 машины — человек 50. Когда детей высадили, они разбежались по полю. Их собрали, раздели и стали расстреливать прямо в яме. Некоторых закопали живыми в противотанковый ров.

Когда проходили расстрелы, территория оцеплялась немецкой охраной и полицией примерно в радиусе 1 километра. Патрули стояли метрах в 30 друг от друга и никого близко не подпускали, а в тех, кто все же осмеливался подходить, стреляли без предупреждения. С огородов и полей, прилегающих ко рву, местных жителей прогоняли. Немцы смотрели в бинокли, чтобы никто из окон домов не подглядывал.

Чего боялись садисты в черной униформе? От кого скрывали свои преступления? Ведь все равно весь город знал о гетто, о расстрелах. Думаем, что это было естественное поведение бандитов, которые, совершая преступления, обязательно оглядываются по сторонам: нет ли свидетелей. И если свидетели есть, в них надо стрелять, убрать их. Без свидетелей бандитам легче жить.

Рассказывает Евдокия Николаевна Бавтута: «...Когда велись расстрелы с утра и до вечера, близко подойти к тому месту невозможно было, потому что немцы выставили оцепление. И не только на левом берегу Витьбы, где евреев стреляли, но и на

правом берегу. Сейчас рельеф на правом берегу реки изменился. Раньше здесь была горка (со стороны деревни Себяхи), и на горке немцы стояли вдоль берега. По правой стороне Витьбы немцы ходили с псами, а расстрелы велись на левой стороне. Немцы, которые были на правом берегу, приходили к нам в Себяхи. Они были пьяные, едва держались на ногах, просили шнапс. Отсюда было довольно большое расстояние до места расстрела, и видеть люди не могли, как гитлеровцы людей гнали к траншее. Близко к Туловской дороге немцы людей не подпускали. А как стреляли, я слышала.

На левом берегу лес был не сплошной стеной, а редколесье. Здесь раздевали людей, складывали их одежду кучей, а после ее сортировали. Я это знаю, потому что был один житель Себяхов, который тогда работал сторожем. Его звали Мефодий, фамилию не помню. Этот сторож однажды спрятался в кустах и видел, как проходил расстрел.

Убивали не на краю траншеи: раздетых людей заставляли бежать цепочкой друг за другом к этой траншее, а потом прыгать в нее. Человек по шесть-семь бежали друг за другом. В траншею прыгали живыми, и по ним немцы стреляли из автоматов очередями.

На левом берегу Витьбы жил Павел Михайлов, которого немцы выселили в Себяхи. Осталась их усадьба. Когда раздевали людей, немцы там находились. С той стороны и проходили основные расстрелы».

После очередной акции А. Фильберт объявил выговор одному из своих подчиненных за то, что тот приказал евреям, идущим на смерть, складывать свою одежду на видном месте. Это бросалось в глаза местному населению, которое стало, как выразился А. Фильберт, «очень внимательным».

* * *

Даже в своих сообщениях начальству в Берлин, которое отлично знало о массовых расстрелах, убийцы избегали называть вещи своими именами, обозначая массовые расстрелы словами «особое лечение».

* * *

В середине октября смертоносный конвейер на неделю сбавил обороты, а потом вновь закрутился с бешеной скоростью.

В «Акте о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков на территории Витебского района», составленном Чрезвычайной Государственной Комиссией 24 марта 1945 года, записано: «... детей, стариков бросали в ров и закапывали живыми, а потом по этим могилам проходила немецкая грузовая автомашина по несколько раз. В октябре 1941 года, с 20 по 25 число подряд, немцы привозили людей на автомашинах. Не доезжая метров сто до рва, группами в десять-пятнадцать человек подводили ко рву и расстреливали, а также бросали в яму живых людей, раздетых догола...»^[46]

* * *

Во время одного из этих расстрелов погибла большая семья витебского портного Шифрина. Только чудо помогло уцелеть ему самому. Эту историю мы узнали от Эльфриды Михайловны Красс (Столяренко).

В одну из октябрьских ночей ее отец Михаил Яковлевич Красс услышал во дворе чьи-то шаги. Он с трудом приподнялся — уже который день его мучила стенокардия — и сел на кровать. Раздался слабый стук в дверь, сквозь сон его, пожалуй, бы и не услышать. Михаил Яковлевич вышел в коридор.

— Пустите, — услышал он голос своего соседа Шифрина.

— Заходи, — сказал Михаил Яковлевич, открывая дверь.

Войдя, Шифрин замер у порога. Он плакал. Нет, не плакал, а буквально рыдал.

— Эля, — позвал Михаил Яковлевич дочку, — нагрей воды и дай помыться.

До войны все на этой улице знали большую семью Шифрина: стариков и их дочерей Фаню, Шифру, Зелду, ее мужа и дочку. Старик был первоклассным портным. Почти все артисты, приезжавшие в театр Тихановского, шили свои наряды у него. Соседские ребяташки заглядывали в окна, когда к Шифрину приходили на примерку лилипуты. Портной ставил их на табуретку, долго снимал мерку, а потом садился рядом с заказчиками и о чем-то беседовал.

Вскоре после прихода немцев всех евреев с улицы Парковой (ныне 3-я Бебеля) загнали в гетто. Его узниками стали Шифрины, Шапиро, Левины, Сапир, Пальмины. Несколько раз Михаил Яковлевич и Эльфрида Михайловна приходили к ним на берег Западной Двины.

Во время расстрела в октябре 1941 года в Иловском овраге Шифрин вместе с убитыми и ранеными упал в яму. Пролежал

там, пока не стемнело. Вдруг рядом кто-то зашевелился, и он увидел, как молоденькая девушка, с трудом выбираясь из-под трупов, выползает наверх. Шифрин тоже вслед за девушкой выполз из ямы и стал звать жену, детей. Никто не отзывался. Девушка побежала в сторону Витьбы и скрылась в кустарнике. Шифрин решил пойти на свою улицу, к соседям. Он верил, что эти люди его не выдадут. Но в первые два дома портного не пустили. И только Крассы открыли соседу двери. У них он прожил несколько дней. Как вспоминает Эльфрида Михайловна, Шифрин все время рыдал, он не мог прийти в себя от горя. Однажды он сказал, что пойдет к знакомым в деревню, там есть хорошая швейная машинка, может, чтонибудь заработает. Он уходил на несколько дней, возвращался и снова уходил. Приносил Крассам кусок сала, хлеба, картошки. Но однажды Шифрин ушел и больше не вернулся.

* * *

Как-то вечером у одного молодого руководителя акции начались конвульсии с криками — звал свою мать. Он впервые участвовал в уничтожении, впервые убивал детей.

К нему сначала подошел Вильгельм Грайфенбергер, успокаивал и утешал его. Потом подошел А. Фильберт и заметил: «И вот этот еще хочет быть руководителем СС. Его надо с соответствующей характеристикой сразу отправить домой».

27 декабря 1945 года в Хоссбурге Андреас фон Амбургер, который в годы войны служил переводчиком при штабе группы «В», показывал следователям: «Люди, которые участвовали в расстрелах, потом страдали душевно. Один, к примеру, вставал ночью и начинал копать ямы. Другой кричал, третий рубил мебель, обливал бензином и пробовал поджечь. При расстреле один так потерял голову, что чуть не застрелил своего сослуживца»^[47]. Этот факт не был единственным.

В одной из подобных акций на оккупированной территории СССР принимал участие рейхсфюрер СС Г. Гиммлер. После этой акции он начал проявлять заботу об участниках расстрелов, полагая, что душевная нагрузка на тех, кто расстреливает, очень велика. И для них были организованы Дома отдыха. Одна из таких «здравниц» была устроена в Витебске на восточной окраине города, в Задвинье. За 14 дней палачи здесь должны были отвлечься и забыть о своих впечатлениях. Какой гуманизм, какая трогательная забота о людях!

А. Фильберт считал нужным демонстрировать свою ненависть к евреям. Он понимал, что это полезно для его будущей карьеры, делал все так, чтобы это видели, об этом знали. Например, он запретил членам айнзацкоманды-9 общаться с еврейскими рабочими. Страшное возмущение вызвало у него то, что евреям дали попить воды из кружки, из которой должны пить немцы.

На судебном процессе всплыл такой факт: А. Фильберт приказал русским женщинам расстреливать еврейских женщин, работавших на уборке помещений, сразу после того, как они заканчивали свою смену^[48].

20 октября 1941 года А. Фильберта возвращают на службу в Берлин. Это было наградой за успешную работу в айнзацкоманде, наградой за расстрелы, виселицы, рвы, в которых закапывали живых людей. К осени 1943 года А. Фильберт работал в V управлении службы безопасности Рейха, где он до конца войны возглавлял отдел по хозяйственно-уголовным преступлениям^[49].

На смену ему руководителем айнзацкоманды-9 был назначен палач — штурмбанфюрер Освальд Шефер.

Время от времени берлинское руководство обновляло и состав айнзацкоманд. Трудно сказать, чем это было обусловлено: стратегической необходимостью или какими-то другими причинами. В конце августа вторая рота резервного полицейского батальона под руководством Нойберта из айнзацкоманды-9 была отозвана и передана айнзацкоманде-8 (под руководством штурмбанфюрера СС Бадфиша). Вместо нее прибыла вторая рота первого батальона 14 армии СС под руководством Шрайбера.

Из членов айнзацкоманды от 12 до 15 человек имели звание офицера СС или СД, от 30 до 40 были сотрудниками гестапо или криминальной полиции в звании унтерофицеров, в команде было 15–20 шоферов и обозного персонала, взвод так называемого резерва — 30 эсэсовцев и взвод полицейских по поддержанию порядка такой же численностью. Распределение функций в айнзацкоманде-9 было скопировано у службы безопасности Рейха: персональный референт, руководитель администрации, референт СД и референт полиции, в чьей компетенции было выполнение заданий гестапо и некоторых заданий криминальной полиции.

У каждого были свои обязанности. Например, полицейский референт должен был вести книгу расстрелов евреев и регулярно сообщать о количестве расстрелянных руководителю команды. Данные, полученные от айнзацкоманд, собирались в штабе айнзацгруппы и отправлялись в службу безопасности Рейха, которая использовала их для «Сообщения о событиях в СССР».

Сообщения были доступны только узкому кругу лиц, имеющих отношение к высшему управлению государством.

* * *

Под руководством В. Грайфенбергера было расстреляно примерно 250 человек — мужчин, женщин, детей. Сам В. Грайфенбергер утверждал, что это была первая плановая акция по уничтожению гетто. Жертвы вывезли около 9.00 утра на грузовых автомобилях за пределы города в район, поросший деревьями и кустарником. Их расстреливали 5 эсэсовцев выстрелами в затылок на краю могилы глубиной 2–3 метра и длиной 6–7 метров. В. Грайфенбергер дал необходимые для проведения акции указания, но все равно стоял у могилы.

Однажды он услышал, что из кучи трупов слышны стоны, которые доносились из глубины могилы. Он обратил внимание одного из стрелков и сказал, что ему кажется невозможным прострелить из пистолета трупы и убить стонущего. Эсэсовец несколько раз выстрелил из карабина в могилу. Стоны прекратились. Сменявшаяся во время акции команда стрелков имела возможность у одного из грузовиков выпить шнапс.

Двое молодых людей из айнзацкоманды-9 после ухода Генриха Тунната (заместителя руководителя айнзацкоманды-9) расстреляли семь еврейских детей. Личности этих двоих установить не представляется возможным. Они брали детей за руку, подводили к краю могилы и убивали выстрелом в затылок из пистолета. Тела потом бросали в могилу. К окончанию акции, которая длилась до 16.00, тела наполнили могилу на 30–40 сантиметров ниже ее верхнего края^[50].

Об октябрьской акции фашистов подробно рассказывал советским следственным органам в 1950 году А. В. Цыпкевич, бывший полицейский местной службы охраны порядка, представший перед военным трибуналом в Краснодаре. Он — свидетель и соучастник преступления, и его показания раскрывают весь ужас происходившего: «В. Шостак сказал: «Мы должны быть в гетто. Будем участвовать в перевозке евреев в лагерь». В 9 часов мы строем прибыли в гетто..., а вскоре прибыло 15 грузовых машин. Затем подкатила легковая, из которой вылез начальник СД, наверное, Вибенс.

В. Шостак, переговорив с ним, от имени последнего предупредил, чтобы мы, полицейские, никому ничего не говорили о перевозке евреев в лагерь... Нам стало ясно, что будет расстрел, а не этапирование в лагерь.

Узникам уже объявили, что они перемещаются в другой лагерь. Большинство обреченных, доверившись, захватило с собой вещички.

Погрузив на машины по 20–25 человек детей, стариков, женщин, мужчин, мы выехали. За городом, в пяти километрах на юго-восток, есть большой овраг. Название его не помню. К этому оврагу и прибыли машины. Когда мы подъехали к оврагу, я увидел, что он оцеплен немецкими солдатами...

Когда немцы стали отбирать у евреев вещи и ценности, последние окончательно убедились, что их привезли на расстрел. Поднялся страшный шум, крик, плач детей и женщин. Что произошло дальше, я не видел... До двух часов я трижды выезжал к месту расстрела, а затем был отпущен на пост.

Массовые расстрелы продолжались и в последующие три или четыре дня... В гетто проживало, как я слышал, около 10 тысяч евреев, в том числе были старики, женщины и дети, и все они расстреляны. Со слов других полицейских знаю, что расстреливали из пулеметов^[51].

* * *

Свидетели расстрелов в один голос утверждают, что полицаи натворили кровавых дел не меньше, чем фашисты. А порой, пытаясь выслужиться, получить лишние рейхсмарки, лишнюю бутылку шнапса, первыми добраться до чужого добра, демонстрировали откровенный садизм. Немцы плохо ориентировались в чужой для них стране и не всегда понимали, какие фамилии еврейские, какие нет. И уж тем более они не могли знать, у кого мама, у кого бабушка или дедушка были евреями. И тогда им на помощь приходили местные «знатоки». Они знали и помнили все и, дождавшись момента, выложили свои знания.

* * *

Одним из таких «знатоков», патологически ненавидевший евреев, был небезызвестный Юрка Витьбич, он же Юрий Стукалич. Его настоящие имя и фамилия Георгий (по другим сведениям Серафим) Щербаков. Перед войной работал в газете «Віцебскі рабочы». В одной из статей, опубликованной незадолго до войны, он сокрушался, почему в Витебске нет улицы Энгельса. Вскоре после прихода фашистов Ю. Витьбич предложил им свои

услуги — стал штатным сотрудником ряда профашистских газет и все годы оккупации верой и правдой служил нацистской идее[52].

* * *

Фашистские прихвостни были не только отпетыми антисемитами. Они также люто ненавидели и свой собственный народ. Ведь в случае победы фашистской Германии разговор с уцелевшим населением Беларуси был бы коротким. По планам Главного имперского управления безопасности 75 % белорусов предполагалось выселить с занимаемой ими территории, оставшиеся 25 % подлежали онемечиванию. В Витебске намечалось поселить 20 тысяч немцев и оставить для использования в качестве рабочей силы 40 тысяч местных жителей[53].

* * *

Годы оккупации оставили кровавый след в судьбах всего населения Витебска. Бесконечные облавы на улицах и базарах в поисках «врагов рейха». Комендантский час, запрещающий жителям под угрозой смерти появляться на улицах с 8 часов вечера до 5 часов утра. Аресты и расстрелы ни в чем не повинных людей. Виселицы для публичных казней в самых людных местах для устрашения жителей города. Многочисленные специальные места принудительного содержания граждан, организованные в разных частях города: лагерь для военнопленных и гражданского населения на территории 5-го железнодорожного полка; трудовые лагеря на территории фабрик: очковой, «Знамя Индустриализации» и «КИМ», кирпичного и игольного заводов; при немецких 4-ой авиаполевой дивизии 53-го армейского корпуса, 206-ой и 246-й пехотных дивизиях; арестантское помещение Управления СД в здании политехникума; гражданская тюрьма по Суражскому шоссе; пересыльный лагерь на территории зеркальной фабрики, откуда с сентября 1943 по июнь 1944 года витеблян отправляли на принудительные работы в Германию. Все это места унижения человеческого достоинства и гибели десятков тысяч витеблян.

26 июня 1944 года, когда советские войска вошли в Витебск, в городе оставалось немногим более 100 человек.

Эти факты хотя бы изредка следует вспоминать всем, и

прежде всего тем, кто сегодня готов увековечить память о фашистских пособниках, кто не прочь натянуть на себя черные эсэсовские мундиры, кто любит рассуждать о том, как бы им хорошо жилось, если бы победил фюрер.

* * *

Летом 1945 года органами безопасности в Белостоке был арестован некий молодой человек, имевший при себе паспорт на имя польского гражданина Яна Ермоловича. На деле под этим фальшивым именем скрывался опытный агент немецкой разведки, завербованный Абвером весной 1941 года в Варшаве, работавший под псевдонимом Рак, бывший гитлеровский бургомистр Витебска, член президиума Белорусской центральной рады в годы оккупации, майор войск СС Всеволод Филаретович Родько.

В. Ф. Родько родился в 1920 году в Пинской области в семье учителя. В 1939 года, сражаясь против немцев в рядах польской армии в районе Новогрудка, В. Родько был взят в плен и отправлен в лагерь военнопленных. После освобождения отправился в Киев к украинским националистам, в работе их организации принимал самое активное участие. Там же В. Родько установил контакт с немецкой разведкой. «Я согласился на это (сотрудничество. — Авт.) и дал подписку, после чего получил кличку Рак». Вскоре он переехал в Варшаву.

В начале июля 1941 года из Варшавы в Минск прибыла спецгруппа СС в составе 30 белорусских националистов, отобранных по заданию Абвера (немецкая разведка и контрразведка. — Авт.) председателем Белорусского Центрального Комитета в Варшаве Н. Щорсом для работы в учреждениях, создаваемых оккупантами на советских территориях. В этой группе был и хорошо знакомый немцам В. Родько. 14 июля он по предложению Н. Щорса выехал в сопровождении немецкого офицера в только что захваченный Витебск.

Во время одного из допросов В. Родько рассказывал: «Я являлся немецким агентом, поэтому и доверили мне организацию городского управления в таком важном стратегическом пункте, каким являлся Витебск..., где был представлен военному коменданту генералу фон Швайдницу, от которого получил указание связаться с СД и местной комендатурой и организовать в Витебске городское управление».

Однако должность бургомистра он получил не сразу:

комендант города, как признавался в ходе следствия В. Родько, принял его как «совсем ненужного...». Но «когда с политической точки зрения им понадобился белорус в городском управлении, во главе которого стоял всеми любимый немец Брандт», снова вернулись к В. Родько.

Л. Брандт, несомненно, был у немцев «своим» человеком. Но гитлеровцам позарез нужны были белорусы, чтобы показать населению, что немцы вовсе не оккупанты, а истинные радетели белорусского народа. В. Родько отлично знал, что на первые роли гитлеровцам нужны были не новички и самоучки в заплочных делах, а обученные профессионалы, в совершенстве владеющие приемами борьбы с неугодными нацистскому режиму. А сказанная им фраза — «Всеми любимый немец Брандт» — была всего лишь всплеском обиды за неназначение с первого захода его, абверовского агента, бургомистром.

В августе окружной комиссар Фишер назначил В. Родько бургомистром Витебска. Теперь можно было с готовностью доносить начальству в Берлин. «...Белорусы, предназначенные для создания городского управления, — читаем в одном из донесений, — по согласованию с комендантом города приступили к созданию горуправления».

Во время одного из допросов В. Родько признался: «Как бургомистр города я оказывал всяческое содействие в проведении карательных и других мероприятий на оккупированной ими территории».

Вместе с Л. Г. Брандтом он создавал в Витебске гетто и принимал непосредственное участие в уничтожении его узников. Во время следствия он показывал: «Я дал полицейских, с помощью которых было расстреляно 5000 евреев». Кроме того, по приказу В. Родько за время его правления «на каторжные работы в Германию было вывезено около 10000 человек»^[54].

В уголовном деле В. Родько имеется несколько таких подписанных им распоряжений: «Начальнику Витебской тюрьмы. Посадить под стражу Клару Кетлинскую в возрасте 6 лет как жидовку», «Начальнику Витебской тюрьмы. Направить в германскую полицию арестованную жидовку Рябухину А. А.»^[55].

Витебская городская управа, как и везде на захваченной немцами территории, играла лишь вспомогательную роль и полностью подчинялась оккупационным военным властям, распоряжения которых выполнялись беспрекословно.

При горуправе была создана своя полиция порядка (орднунгсдинст), во главе которой стол В. Шостак. Она состояла из местных жителей, добровольно служивших немцам: антисемитов, крайних националистов и предателей, отпетых

уголовников и просто авантюристов. С первого и до последнего дня своей деятельности она находилась в подчинении у офицеров СС. Подручные В. Родько освобождали жилые дома для немцев, выбрасывая людей на улицу, обеспечивали оккупантов продовольствием, собирали с жителей налоги, проводили различного рода реквизиции, охотились за всеми, кто казался им подозрительным, бросали в тюрьмы ни в чем не повинных людей. Вместе с оккупантами полиция горуправы создавала гетто, загоняла туда евреев, грабила их имущество, участвовала в расстрелах.

Была создана при горуправе и уголовная полиция во главе с А. А. Туровским.

В уже упоминавшейся статье «Витебское гетто»^[56] Ив. Иванов писал: «Витебскую полицию пришлось вновь вспомнить осенью 1945 года... В той французской газете, которую я читал, была небольшая заметка, озаглавленная «Гуманность Советского суда». В ней описывается судебный процесс по делу начальника Витебской полиции (А. Туровского. — Авт.) во время немецкой оккупации. Преступления этого начальника не конкретизировались — просто судили за коллаборационизм с немцами. Суд присудил его к семи годам лишения свободы... Почему так снисходительно? Я вспомнил его «гуманность» (А. Туровского. — Авт.) при «похоронах» еврейских детишек. О «подвигах» полиции кричал весь Витебск, эту полицию ненавидели больше, чем немцев. Зачем же Советской власти понадобился такой снисходительный суд и приговор, когда в то же время рядовых полицейских вешали даже не спрашивая?

Объясняли это тем, что начальник Витебской полиции был послан на эту должность не немцами, а НКВД, как и многие члены Управы. Возможно, что он лишь перестарался и превысил «данные ему полномочия».

* * *

Верой и правдой служила новым властям семья Брандтов. Заместителем бургомистра Витебска и руководителем юридического отдела городской управы был Лев Георгиевич Брандт.

Лев Георгиевич родился в Петербурге в семье русского посла. Мать была дочерью известного финансового деятеля царского правительства Н. Н. Кутеера. Л. Г. Брандт получил хорошее образование и был преуспевающим юристом. В 1936 году он вместе со своей семьей был выслан из Ленинграда как «классово

чуждый элемент». Местом его нового жительства стал Витебск. До июля 1941 года Л. Г. Брандт преподавал в музыкальном училище. Его публичные лекции по истории музыки пользовались неизменным успехом^[57].

Неприязнь к Советской власти, личные обиды вылились в то, что в первые же дни оккупации Л. Г. Брандт пришел на службу к фашистам.

Новым властям нужны были подручные. И совсем не важно, что Л. Г. Брандт в самом начале войны писал в газете «Віцебскі рабочы» в статье «Бить фашистов без жалости»: «...Мы все, работники науки и искусства, горим огнем гнева и уверены, что этот народный гнев испепелит фашистских мерзавцев во главе с обер-палачем Гитлером»^[58].

Но когда пришли немцы, Л. Г. Брандт не замедлил предложить им свои услуги.

Бывшая студентка музучилища Нина Власовна Ковалева рассказывала, что когда он встречал своих бывших студентов, то всем своим видом показывал, что их не знает и никакого отношения к ним не имел и не имеет. Работники управы его побаивались, хорошо зная его вспыльчивый характер. Он ценил больше всего беспрекословное подчинение, исполнительность, требуя соблюдать не только букву, но и дух распоряжений по управе.

Однако верная служба была недолгой. 30 января 1942 года глубокой ночью в своей квартире по улице Смоленской, д.13 он был убит вместе с женой Александрой Николаевной. Л. Г. Брандту было 52 года.

В некрологе в фашистской газете «Новый путь» его друзья-сподвижники написали: «...покойный поражал всех своей исключительной работоспособностью и бурной энергией. Если к тому же принять во внимание его всестороннюю эрудицию и организаторские способности, то не случайно Л. Г. Брандт считался одним из самых крупнейших работников по строительству новой жизни в городе Витебске. От Льва Георгиевича нам неоднократно приходилось слышать, что он считает себя солдатом германского командования. Своим поведением он на каждом шагу подчеркивал, как должен вести себя любой работник, чтобы иметь право именоваться солдатом армии, несущей нашей стране освобождение... Погиб он, служа общему знамени А Гитлера...»^[59]

До сих пор остается неизвестным, кто убил Л. Г. Брандта. Чаще говорят о том, что смертный приговор ему вынесли партизаны, как и многим другим предателям. Прошло более шести десяти лет, но об исполнителях этого акта возмездия до сих

пор не известно.

Существует еще одна версия, рассказанная теми, кто жил тогда в оккупированном Витебске: фашистского подручного Л. Г. Брандта в его квартире застрелили евреи, скрывавшиеся где-то в городе. Это было актом возмездия за уничтоженное гетто. Вполне возможно, что этот акт был совершен одиночками, которые потом, видимо, погибли. И мы уже никогда не узнаем их имен.

В подтверждение этой версии можно привести сообщение в Берлин № 178 от 9 марта 1942 года: «...Ситуация и настроение в Витебском районе значительно ухудшилось... Заместитель бургомистра Витебска был убит в ночь с 29 на 30 января. Этот инцидент, естественно, вызвал чувство беспокойства и ненадежности среди населения. С одной стороны, население рассматривает это убийство как акт мести евреев, с другой — как работу партизан»^[60].

Спустя 10 месяцев, неподалеку от своего дома на Пролетарском бульваре (ныне улица Богдана Хмельницкого), был расстрелян сын Льва Георгиевича — Александр Брандт. Он также верой и правдой служил фашистам.

Александр Львович Брандт, преуспевающий учитель, хорошо знал русскую литературу, до войны блестяще ее преподавал. Организовал в школе драмкружок и работал с ребятами увлеченно. Ученики любили своего учителя и тем болезненнее переносили его предательство.

Но теперь все, что было до войны, осталось для А. Брандта далеко позади. Он настолько вжился в новую роль, что ему самому казалось, что он другим и не был. Его взгляд исподлобья стал особенно неприятен. Рассказывали, что А. Брандт стал груб и бесцеремонен, давая всякий раз понять, что он выше своих новых сослуживцев не только по должности. В этом он был похож на своего отца.

Акт возмездия совершили подпольщики.

Уже в начале августа 1941 года молодой А. Брандт возглавил в Витебске профашистскую газету «Витебские ведомости», переименованную в начале декабря того же года в «Новый путь». Работал главным редактором и директором издательства. Вот что писали о нем в некрологе, опубликованном в газете «Новый путь»: «С приходом немецкой армии он совместно со своим отцом Л. Г. Брандтом, бургомистром В. Ф. Родько и другими полностью отдался организации нового порядка на освобожденной земле»^[61]. За свое усердие он был премирован месячной поездкой в Германию.

На страницах возглавляемой им газеты процветал яркий

антисемитизм, было опубликовано немало материалов, которые утверждали в сознании местного населения ненависть к евреям. Достаточно привести заголовки хотя бы некоторых статей, опубликованных на страницах газеты в 1941–1942 годах: «Добрые души и воинствующее жидовство», «Жид правит в Москве», «Тревога жидовского кагала», «Жида в Витебске», «Отечественная война советских жидов»^[62]. Впрочем, дело не только в евреях: эта газетенка из всех сил пыталась столкнуть витеблян на «новый» путь, уготованный им фашистами.

Более половины каждого газетного номера занимала информация о событиях на фронтах войны с непременным подчеркиванием «освободительной миссии» вермахта и «захватнических» целей антигитлеровской коалиции. Потом шли директивы оккупационных властей и рядом — откровения местных писак, замешанные на юдофобии и русофобии, на идеях крайнего белорусского национализма, подброшенных фашистскими хозяевами. Все это бережно сохранял главный редактор газеты.

Ранним утром 26 ноября 1942 года А. Л. Брандт вышел из дома и привычным маршрутом направился в редакцию «Нового пути». В нескольких сотнях метров от дома его настигло возмездие. Гитлеровцы подняли на ноги все службы, был прочесан каждый дом на Пролетарском бульваре и прилегающих к нему улицах, а стрелявший как в воду канул. В отместку каратели схватили 50 человек и в качестве заложников заключили в концлагерь на территории бывшего 5-го железнодорожного полка.

Военный комендант Витебска издал обращение, в котором говорилось: «26 ноября 1942 года на Сенной площади неизвестными лицами был убит немец Брандт. В связи с проведением карательных мер арестовано 50 человек, которые 28 ноября 1942 года в 10 часов утра будут расстреляны, если к этому времени со стороны русского населения не будут даны показания для выявления виновных.

Показания должны быть сделаны в СД г. Витебска (политехникум). Показания останутся под строгим секретом. Награждение будет дано продуктами».

Матери и жены арестованных упросили жену А. Брандта Г. Степанову сделать все, чтобы их мужья и сыновья были отпущены. То ли опасаясь за своих малолетних детей, то ли из-за желания искупить вину мужа, она упросила отпустить заложников, и, благодаря ее заступничеству, они через две недели были освобождены.

Уже после войны стало известно, что операцию по

ликвидации А. Брандта провели витебские подпольщики Михаил Стасенко и Иван Наудюнас при участии Евгения Филимонова и Владимира Кононова. Они были награждены боевыми орденами.

И. Наудюнас в феврале 1943 года был тяжело ранен и отправлен на Большую землю. После войны работал в Латвии. М. Стасенко и Е. Филимонов погибли 19 мая 1943 года в схватке с карателями. В. Кононов прошел войну, окончил военно-политическую академию им. В. И. Ленина.

* * *

На 3-й Загорянской улице в районе Юрьевой горки жила семья Александра Фомича и Ксаверии Ивановны Халиво, их дети и внуки. Жили тихо, ничем особенным не выделялись среди соседей и не думали, не гадали, что наступят черные дни и судьба поставит их перед выбором: закрыть глаза на чужое горе и спокойно дожидаться лучших времен или ежедневно, рискуя собственной жизнью, оказывать помощь тем, кто нуждался в ней. Ксаверия Ивановна и Александр Фомич хорошо знали семью Соснеров. Их дочь Виктория училась вместе с Борисом Соснером в ветеринарном институте, а другая дочь Ядвига — в одной школе с Хеной Соснер. Когда ее сестра Соня, не успев эвакуироваться, попала в гетто, довоенные знакомые приходили к ней. Приносили хлеб, лепешки из картошки в мундирах. Иногда часовой не обращал на это внимания, и удавалось передать немудреную еду. Но часто охранники передергивали затвор винтовки и грозили убить и тех, кто помогал, и тех, для кого несли еду. Где-то в конце августа Соня Соснер убежала из гетто. Где пряталась почти месяц, никто сейчас сказать не может. Но в конце сентября, когда стало подмораживать, она пришла на 3-ю Загорянскую в дом № 8:

— Ксаверия Ивановна, пусти переночевать. Утром я уйду.

Хозяйка дома в ответ спросила:

— Тебя никто не видел? — и, не дождавшись ответа, открыла дверь.

Дом Халиво стоял на высоком месте, и подходы к нему хорошо просматривались со всех сторон. И хотя внизу, на Инженерной улице жили люди, которых Ксаверия Ивановна знала много лет, она боялась, а вдруг увидят, расскажут. Дойдет слух до немцев или полицаев. Расстреляют всех: и детей, и внуков. От этих мыслей она не могла уснуть. Но ни разу не отказала Соне ни в еде, ни в ночлеге. Только по утрам неистово молилась Богу, чтобы тот помог и ее семье, и еврейке, которую она прятала. Ближе к зиме в дом к Халиво стали наведываться немцы. Придут,

сядут пить чай, греются в тепле. Однажды Соня Соснер столкнулась с ними лицом к лицу. Ксаверия Ивановна не растерялась и сказала:

— Это моя дочь.

Временами Соня уходила и пряталась у других людей. Потом возвращалась, но никогда не рассказывала, кто ее прятал в эти дни. Говорила только, что есть еще хорошие люди. Зимой 42-го года она пришла в дом и сказала:

— Мне сделали «русские» документы. Обещали провести к партизанам. Надоело жить в страхе. Пройду в лес — так пройду.

Ей повезло...

После войны она встречалась с Ксаверией Ивановной и Александром Фомичем Халиво. Рассказывала, что в партизанском отряде ей сначала не поверили. Говорили, что все евреи в Витебске погибли. Месяца два проверяли. В конце концов удостоверились, что говорит правду. Некоторое время она была в партизанах, а потом ее переправили на Большую землю.

* * *

Среди тех, кому довелось испить горькую чашу фашистской оккупации, была и семья Захара (Залмана) Хононовича Рубина. Сам он в первые дни войны записался в ополчение и вскоре был переведен в одну из воинских частей. Вместе с другими бойцами его маршем отправили в Велиж. Часть шла без оружия. Когда она прибыла в Велиж, поступил приказ срочно вернуться в Витебск. В городе он не задержался. Забежал домой, чтобы повидаться с родными, но жены дома не оказалось. Попрощался с детьми, оставил жене записку.

Его жена, русская женщина Юзефа Антоновна Ефимова, работала медсестрой в городской (еврейской) больнице, потом в роддоме. Она хотела эвакуироваться, но когда пришла на службу за расчетом и документами, ей сказали, что роддом уже функционирует как военный госпиталь и весь медперсонал должен оставаться на рабочих местах до особого распоряжения. Фашистские войска заняли город, а «особого распоряжения» так и не поступило. Так Юзефа Антоновна Ефимова с тремя детьми осталась в оккупированном гитлеровцами городе.

После приказа немедленно зарегистрироваться всем, кто имеет отношение к евреям, Юзефа Антоновна поняла, что их ждут страшные дни, и уничтожила метрики детей, где была записана национальность отца. Но без документов жить нельзя. И они пошли в отдел здоровья горуправы, который тогда возглавлял

М. Л. Мурашко. По довоенным временам он знал семью Рубина-Ефимовой, но когда Юзефа Антоновна с детьми вошла в кабинет, спросил, глядя на старшую дочь: «А это кто такая?». Юзефе Антоновне пришлось долго его уговаривать выдать новые метрики.

Бедой в том, что их дом сгорел и жить было негде. Вскоре по совету знакомых семья перебралась в поселок Верховье, находящийся недалеко от Витебска. Там Юзефа Антоновна с тремя детьми стала жить в одной маленькой комнатке в деревянном бараке.

Когда начал создаваться партизанский отряд М. Ф. Бирюлина, старший сын Александр ушел в лес.

В Верховье ни Рубина, ни Ефимову никто не знал. Юзефа Антоновна надеялась, что национальность ее мужа останется в тайне. И детей никто не тронет. Она думала, что в это страшное время у каждой семьи полным-полно своих забот и до многодетной беженки никому дела не будет. Она, всю жизнь делавшая людям только добро, была уверена, что если кто-то и узнает правду о ее семье, то придет на помощь. Но на деле оказалось не так. Через некоторое время соседка Ефимовой стала поговаривать, что «в их доме завелись евреи и от них нужно избавиться». Юзефа Антоновна сообщила об этом сыну. Однажды вечером Александр вместе с другом, переодевшись в немецкую форму, пришли к соседке и стали расспрашивать, есть ли здесь евреи. И услышали уже известные им слова. Поняв, что это может плохо кончиться, Александр помог родным перебраться в партизанский отряд, а затем на Большую землю. Это произошло весной 1942 года.

Будучи в эвакуации, Юзефа Антоновна после долгих розысков случайно узнала адрес полевой почты мужа. Первое ее письмо об ужасах фашистской оккупации Витебска читала вся рота, в которой служил Захар Рубин. 7 октября 1942 года оно было опубликовано в газете Западного фронта «Красноармейская правда». А потом стало известно широкому читателю по публикации Ильи Эренбурга в сборнике «Война».

Вот некоторые отрывки из недолгой переписки Захара Рубина с семьей: «Здравствуйте, мои дорогие Юленька с ребятами! Сегодня получил из Горького письмо с твоим адресом. Такого счастья я не ожидал, все равно, как если бы я с того света получил от вас письмо. Не представляю себе, как вам удалось вырваться из проклятых немецких когтей...».

В ответ Юзефа Антоновна писала: «Ты просишь рассказать об отце. Я с ним встречалась много раз, помочь ему я не могла, я сама жила не лучше. Жили они в гетто, в развалинах дома. Один

раз он пришел ко мне. Выглядел он ужасно, опухший, оборванный (у них все отобрали). Последнее свидание с ним не состоялось — мы должны были встретиться в воскресенье, а в субботу его расстреляли. Моя мама осталась в Витебске. Я была три раза у Степана, спасибо ему — он сшил Алику бурки. Где он теперь, не знаю. 16 февраля поселку дали два часа срока — освободить все дома. Потом немцы всех расстреляли. Многие наши друзья, которые остались, погибли: зубной врач Лукаревич, доктор Маркович, сестры, наши молодые акушерки, всех не перечтешь. Все они погибли после ужасной жизни, многие умерли от голода еще до расстрела... В садике перед каланчой виселица, там каждую неделю вешают по несколько человек. Страшная картина...

Вот, мой дорогой, сколько мы пережили ужасных дней. Алик тебя ни на день не забывает, он все понимает. Бывало, в дни безвыходного горя, он обнимет меня и говорит: «Мама, давай сцепимся и утопимся». А потом тут же спохватится и скажет: «Нет, мама, нельзя — вдруг папа придет, а нас нет?».

За голову нашего сына Шуры немцы обещали 12 тысяч рублей. Однажды его вели вместе с другими партизанами на расстрел, вели по морозу голых, босиком. Немцы сидели на лошадях, а рук им не связали. Довели до оврага, а они, сговорившись, рванули в лес».

«25. 08. 42 г. С нетерпением я ждал письма, сами понимаете, да и вообще такого счастья, как узнать о том, что вы все живы, и переписываться с вами я уж не ожидал. Трудности и горя пережил немало... Но в сравнении с тем, что вы пережили, — это, конечно, мало.

...О себе особенно писать нечего. В ноябре я был контужен и два месяца лежал в госпитале... Сейчас нахожусь на Западном фронте, работаю батсанинструктором. Нахожусь на передовой почти все время под пулеметно-минометным огнем. Мои товарищи почти все ранены, мне пробило каску, полы шинели все изрешечены. Вчера я ехал за ранеными. Миной убило лошадей и возчика. На мне порвало плащ-палатку и осколком пробило котелок, а сам я остался цел и невредим и не теряю надежды с вами еще увидеться... Алик, сынок мой, когда я приеду к тебе, куплю новый велосипедик, а Томочке — кино».

Родной брат Захара Рубина, военный инженер-полковник Абрам Рубин, возглавлял военно-строительное управление Западного фронта. Однажды он приехал в часть, где служил Захар. Абрам предложил брату подлечиться от контузий и язвы желудка. Сказал, что в тульском госпитале почти весь медперсонал из Витебска. Но Захар ответил, что никуда с

передовой не уйдет — он должен отомстить за смерть своих близких (тогда Захар Рубин еще не знал о том, что семья вырвалась из оккупированного Витебска).

Захар Хононович Рубин умер от ран 15 февраля 1943 года, похоронен в деревне Шатрищево Смоленской области.

Юзефа Антоновна связалась с Вязьменским, начальником военно-полевого госпиталя, и в октябре 1942 года прибыла с детьми во фронтовую Тулу. Она проработала всю войну медсестрой в хирургическом отделении, которым заведовал Б. В. Петровский. Ее труд отмечен медалью «За боевые заслуги».

В августе 1944 года Юзефа Антоновна с тремя детьми вернулась в Витебск. Послевоенные врачи областной больницы и сегодня помнят эту добрую и трудолюбивую медсестру.

* * *

Сара Кусиэльевна Манулькина сумела спасти себя и пятилетнюю дочь Любу. Вспоминая об этом, она рассказывала: «Выгоняют нас из Дома культуры (место гетто. — Авт.) на улицу. Беру дочку за руку, иду, а рядом стоят полицаи, совсем мальчишки молодые, и один, ну, года 23 ему, и он поднял на меня нагайку и хотел ударить. Я ему говорю: «Слушай, я ведь иду на смерть, зачем ты меня хочешь ударить? Разве тебе легче будет?». И он опустил руку, не ударил. Я увидела кочегарку во дворе, она была справа от выхода и примыкала к правой стене. Там было какое-то внутри отверстие. В это отверстие спрятались 15 человек...

Первый вечер мы отсидели... Переночевала опять в клубе, но утром мы пошли не во двор, а в кочегарку, спрятались в трубе. Это был последний день работы немцев. Я сидела последняя. Была в пальто. Насыпали угли прямо на себя. Сидим спокойно, никто не кричит. Уже ночь. Многих увезли. Заходят немцы. Светят фонариком в трубу, а на мне угли. Один смотрит и говорит другому: «Все расстреляны...»

Они ушли. Ночью и мы решили уйти...»^[63]

* * *

Сегодня даже трудно себе представить, как Берта Ароновна Вейлер сумела не только выжить, но и сберечь троих маленьких детей.

Когда фашисты стали сгонять евреев в гетто, они прятались в подвале 25 средней школы. Кто-то их выдал. В подвал ворвались

немцы и стали бить прикладами, подгоняя к выходу. Особенно лютовали они, когда увидели в руках у дочери Берты Ароновны Рони кулек с сахаром, который они захватили еще уходя из дому и берегли, как самую большую ценность.

В гетто оказался и старший брат Берты Ароновны. Он, инвалид первой мировой войны, бывший в те годы в немецком плену, успокаивал родных. Говорил, что немцы ничего плохого не сделают.

И только старший сын Ким, которому было тринадцать лет, настаивал:

— Или мы уходим все и я помогу нести маленького Яню, или я уйду один. Они убьют всех.

— А как же мой брат? — спросила Берта Ароновна. — Ты же знаешь, у него нет ноги. Он не сможет уйти.

— Он останется здесь, — ответил Ким. — А нам надо уходить.

В войну дети выросли очень быстро. Иногда день приравнялся к году. И очень рано начали понимать, что выживает каждый по одиночке, а гибнут, как правило, все вместе.

Берта Ароновна попрощалась с братом, и они ушли на север в сторону Ленинграда. Говорили, что там можно выйти к своим. Но чем дальше они шли, тем яснее понимали, что до линии фронта им так и не добраться. Они остановились в Городке. Просили милостыню. Те, что победнее, давали кусок хлеба, иногда оставляли ночевать у себя в доме. Те, кто был побогаче, спускали с цепи собак. Еду можно было обменять на одежду, обувь, и Берта Ароновна отправила старшего сына в Витебск, где у них были перед уходом из дома спрятаны вещи. Она, родившаяся в еврейском местечке на Украине, рассказывала, что украинка, благо с детства знала этот язык также хорошо, как и родной идиш, говорила, что дом сгорел и сейчас ищет родителей мужа, которые живут в Белоруссии.

Вернулся Ким, принес спрятанные вещи, и Берта зачастила на рынок, где обменивала их на продукты. Но однажды ее увидела женщина, которая знала Берту Ароновну еще по Витебску.

Она поздоровалась, сказала, что на нее можно рассчитывать — не выдаст, и тут же побежала к немцам сдавать жидовку и жиденят. Ведь за каждую голову была обещана отдельная премия. Берту Ароновну тут же схватили, привели к коменданту и стали допрашивать. Наверное, и сотой доли тех пыток, избиений, что перенесла она, не выдержать женщине. Но Берта Ароновна думала о детях и упорно повторяла придуманную легенду.

В конце концов комендант поверил ей и отпустил. Берта Ароновна поняла, что из Городка надо уходить. И она решает

идти на юг, на Украину. Думает, что в местах, где ее знали с детства, будет легче найти и кров, и пропитание.

Часто их подвозили на автобусах, машинах немецкие солдаты. Причем, делали это охотно. Объяснялось все просто. Фашисты боялись партизан и усаживали рядом с собой детей и женщин. По ним стрелять не будут. Под Гомелем Берта Ароновна остановилась в крестьянской избе. Она понимала, что надо где-то достать документы. Их можно было только украсть. И женщина, до этого не взявшая чужой копейки, решилась на это.

Так Вейлеры стали Маслюковыми. Ким — Ефимом Александровичем. Хотя Ким и не еврейское имя, но опасное, коммунистическое, и его тоже лучше поменять. Роне, дочери Берты Ароновны, пришлось привыкать к имени Ирина, а самого маленького Яню называли Иваном. Мама приказала детям, если кто-то спросит, как ее зовут, отвечать: «Мария Ефимовна».

Ни Ким, ни Роня не были похожи на евреев. Светловолосые, голубоглазые, они не вызывали никого подозрения ни у немцев, ни у всезнающих полицаев. Да и сама Берта Ароновна, чернявая, смуглая, чем-то напоминала украинских женщин. И только Яня, типично еврейский мальчик, мог выдать их всех. Ведь достаточно было развернуть одеяльце и увидеть, что мальчик обрезан. Его кутали, закрывали лицо. Говорили, что он больной. Но чем больше прятали Яню, тем больше вопросов возникало у случайных попутчиков, у патрулей. И однажды Ким сказал:

— Мама, мы должны избавиться от него. Из-за него расстреляют нас всех.

— Что ты предлагаешь? — спросила испуганная Берта Ароновна.

— Ничего, — ответил Ким. — Подумай сама. Или погибнет он один, или погибнем мы все вместе.

Несколько дней Берта Ароновна повторяла шепотом слова сына, смотрела на Яню и плакала. А когда увидела впереди немецкий патруль, испугалась. Подошла к колодцу, достала из одеяльца малыша, подняла на руках... Эти мгновенья она помнила до самой смерти. Разжать руки Берта Ароновна так и не смогла. Она завернула мальчика обратно в одеяльце и пошла навстречу патрулю.

К октябрю беженцы дошли до Киева, но убедившись, что в городе не прожить, пошли дальше в деревню Шапиевка Сквирского района. Здесь все были уверены, что пришла украинская семья. Им дали крышу над головой. Берта Ароновна или, вернее, Мария Ефимовна, стала работать в школе уборщицей. Ходила в церковь, голосила на похоронах. В общем, ничем не отличалась от местной женщины. Так и дождались

освобождения.

Ким сразу же уехал в Киев, окончил ремесленное училище, стал специалистом высокого класса по художественной облицовке мрамором и гранитом монументальных объектов.

Берта Ароновна с детьми в 1947 году вернулась в Витебск. Здесь она узнала, что ее муж Иссер Вейлер, всю войну провоевавший на фронте, в 1944 году пропал без вести.

Ян окончил школу, устроился на завод заточных станков и проработал там 44 года. Тот самый Яня, который в роковом 41-м младенцем едва не остался на дне колодца.

* * *

Наверное, с годами, с опытом пережитого, к людям приходят осмотрительность и страх. Во всяком случае, в критические минуты дети гетто были настроены куда решительнее своих родителей.

14-летний Гриша Темкин кричал, плакал, доказывал маме, дяде, что надо решаться на побег. Взрослые не хотели принимать эти слова всерьез. И все же он сумел их убедить. Семья Темкиных бежала из гетто. Проселочными дорогами, лесами, они, подчас обманывая судьбу, добрались до Подмосковья. И снова вел за собой взрослых Гриша Темкин.

* * *

До войны в Витебске работало много высококвалифицированных врачей, окончивших в свое время медицинские факультеты крупнейших университетов Европы. Витебляне хорошо знали имена профессора Владимира Марзона, Льва Гинзбурга, Доры Гурман, Гирша Хвата, Ионы Левина, Сергея Лиоренцевича, братьев Александра и Хрисанфа Митрошенко, Николая Наместникова, Исидора Ратнера, Иезекиеля Риваша, Иосифа Сосновика, Соломона Хейна, Людмилы Чернышковой и других.

По данным местного статуправления, в 1940 году в Витебске работало 336 врачей и более 600 человек среднего медперсонала. В первые недели оккупации, судя по сообщению полиции безопасности и СД от 20 июля 1941 года, в городе оставалось 40 врачей, в том числе евреев^[64]. Верные своему врачебному долгу, они работали до последней минуты в больницах и поликлиниках города. Многие из них оказались потом в гетто. И погибли.

Витебские женщины буквально боготворили опытнейшего врача-гинеколога Иезекиеля Евелевича Риваша. Он родился в 1872 году в городе Остров Псковской губернии. В 25 лет закончил Дерптский (Юрьевский) университет, свободно читал на немецком, английском. Он работал в городской (бывшей еврейской) больнице, а когда незадолго до войны построили новый роддом на Пролетарском бульваре (ныне улица Б. Хмельницкого), И. Риваша перевели работать туда. Доктор И. Риваш мог еще до войны уйти на пенсию, но это был врач не только по профессии, но и по призванию. Помогать людям было потребностью его души.

Бывшие сотрудники И. Риваша рассказывали нам, что однажды, после многочасовой тяжелой операции, уставший Иезекиель Евелевич, выйдя из операционной, поскользнулся, упал и сломал кость тазобедренного сустава. Был он человеком уже не молодым, кость срослась неправильно, образовался ложный сустав. После этого он хромал, с трудом ходил на костылях. Ему трудно было часами стоять у операционного стола и он оперировал сидя. Больница не могла остаться без опытнейшего гинеколога, и ему специально выделили лошадь, которая привозила его на работу и отвозила домой.

Доктор Иезекиель Риваш имел возможность эвакуироваться. Обстоятельства, по которым он остался в Витебске, нам неизвестны. Рассказывают, что когда за ним прислали грузовую машину, его не оказалось дома. Жил он в одной из квартир в доме № 1 по улице Крылова (бывшей Успенской), который до революции был собственностью семьи Ривашей.

Когда евреев стали сгонять в гетто, русские женщины ходили в горуправу и просили, чтобы И. Риваша оставили на работе. Они всерьез верили, что если этот опытный врач будет принимать роды, они пройдут успешно и потому хотели рожать только тогда, когда он дежурил.

Весь 1941 год и начало 1942 года И. Риваш действительно практиковал в центральной поликлинике и роддоме. Н. Шидловская рассказывала, что И. Риваш ходил на работу на Марковщину. На костылях! Работая в больнице, он худо-бедно мог прокормить себя и свою, к тому времени беспомощную, глухую жену Анну Ильиничну, с которой прожил всю жизнь [65].

Доктор И. Риваш знал или догадывался, что его ждет. Он был дружен с И. Еленевским — старым витеблянином, юристом, выходцем из дворянской семьи. Однажды Иезекиель Евелевич сказал своему другу:

— Самое ценное, что есть в доме — это моя библиотека. Там уникальные книги и ценнейшая литература по моей специальности. Забери библиотеку к себе. Пускай она останется у хороших людей.

И. Еленевский отказался. Сегодня никто не воспроизведет сказанные им слова, но смысл их был такой: «Чем смогу, тем помогу. Но брать ничего твоего не стану».

До войны доктор И. Риваш с женой любили отдыхать у знакомых крестьян в деревне Иловка. Они останавливались у Ивана и Елены Кривоносовых. А когда Елена Васильевна бывала в городе, она заходила к Ривашам.

С приходом немцев все изменилось. Но благородные и порядочные люди оставались верны своим жизненным принципам. Слухи о том, что немцы издеваются над евреями, доходили и до Кривоносовых. Их дочь Татьяна Ивановна рассказывала: «Однажды мама пошла в город, чтобы узнать, что с семьей Риваша. Дверь открыл доктор. Увидев маму, он очень удивился. «Елена, — говорит, — что ты за человек, люди нас боятся, а ты вот пришла и еще гостинцы принесла». И заплакал. Мама стала его успокаивать: «Вас, — говорила она, — в городе знают, немцы Вас не тронут». Риваш молчал, а из глаз лились слезы. Позже маме кто-то сказал, что ночью к ним пришли немцы и забрали его с женой в гетто. Когда они спускались по лестнице, Риваш что-то не по-русски сказал жене, а немец чуть не ударил его. После этого Риваша никто не видел».

«Когда над Ривашем нависла опасность, — рассказывает Нина Ивановна Дорофеевко, — командование партизанского отряда, понимая это, направило в город, якобы на лечение, партизанку Антонину Моисеевну Скобову, чтобы она переправила его в партизанский отряд. Антонина Моисеевна сказала об этом Ривашу, но он категорически отказался уходить. Никакие уговоры не помогли. «Пойду на смерть, — ответил ей Риваш, — но не поеду. Здесь остается моя жена». Он передал Антонине Моисеевне собранные медикаменты, дал нужную справку, но сам не поехал. По дороге в отряд А. М. Скобова попала в облаву, немцы направили ее в трудовой лагерь, устроенный на бывшей зеркальной фабрике. Выручила ее витебская подпольщица Мария Клементьевна Оскер».

Мария Борисовна Гинсбург, одна из старейших фармацевтов Витебска, до войны работала в аптекоуправлении. Она хорошо знала многих фармацевтов и врачей. В годы войны Мария Борисовна с сыном Ю. И. Новиковым была эвакуирована в Сызрань.

«Это было весной 1942 года, — вспоминает Юрий Исаевич

Новиков. — Маму каким-то чудом разыскала фармацевт из Витебска, кажется, Красовская. Мама очень обрадовалась этой встрече: после нашего отъезда в июле 1941 года она ни разу не встретилась ни с кем из витеблян. Красовская много рассказывала о городе. Мама расспрашивала о Витебске, особенно ее волновали судьбы знакомых. Помню, Красовская очень взволнованно заговорила о докторе Риваше. Мама попросила рассказать о нем все, что знает. И тут пошли подробности, которые, по-моему, не только мы, но и мало кто еще знал. Она даже пересказала разговор с каким-то человеком, после которого она сразу ушла из Витебска. Я, разумеется, не повторю все дословно, но услышанное было настолько необычным, что некоторые детали врезались мне в память.

Красовская рассказала, что Риваш был связан с их аптекой. Он выписывал рецепты на лекарства и перевязочный материал, якобы для больных, и передавал в аптеку, где работала Красовская. Риваш знал, что эти медикаменты работники аптеки передают партизанам и подпольщикам.

В один из дней в аптеку пришел молодой парень и спросил Красовскую. Она удивилась: этого человека видела впервые. Он сказал:

— Собирайся. Надо уходить.

— Почему? Куда?

— Потом узнаешь...

В сознании возникло, а если он — провокатор?

— Я никуда не пойду.

— Немцы арестовали Риваша.

— Тогда мне нужно зайти домой и предупредить маму.

— Нет. Уходим сейчас, прямо отсюда. Маме сегодня об этом сообщат.

И они ушли.

Красовская еще долго оставалась у нас и о чем-то разговаривала с мамой».

Врач Н. И. Мельников, живший в годы оккупации в Витебске, рассказывал: «Врача И. Риваша и врача И. Левина я знал лично. Они были оставлены немцами как специалисты уже после расстрела гетто. Было оставлено также 10 аптечных работников-евреев. В феврале 1942 года врач Бабицкая и врач Околович, работавшие в инфекционной больнице, организовали переправу группы людей через фронт. Фашистам стало об этом известно. Через три дня, в феврале 1942 года, опасаясь, чтобы Риваш не ушел, эсэсовцы ночью ворвались в квартиру, забрали наиболее ценные книги, вещи и увели его. Больше о нем ничего не было слышно».

С побегом за линию фронта четырех девушек-фармацевтов, которые были оставлены немцами вне гетто и работали вместе с Иезекиелем Евелевичем, связывают смерть супругов Ривашей и другие витебляне.

Так, например, из воспоминаний Н. Ф. Шидловской и Е. Б. Шпаковской известно, что в 1942 году этот безупречно честный и любимый в городе человек вместе с женой был повешен на площади, перед ратушей для устрашения, «в назидание населению».

В «Поименном списке уничтоженных жителей Витебска», составленном после освобождения города в 1944 году, в графе о смерти напротив почти всех фамилий написано: «расстрелян», «расстрелян», «расстрелян». Напротив же фамилий супругов Ривашей читаем: «убит», «убита»^[66]. Обстоятельства их гибели еще предстоит выяснить. Мы не знаем точной даты их убийства, но пропуск И. Риваша на право хождения по городу был закрыт 13 марта 1942 года^[67].

Кстати, этим же днем был закрыт пропуск детского зубного врача Доры Лазаревны Гурман.

Оставалась в оккупированном Витебске и медицинская сестра, работавшая вместе с И. Ривашем, Роза Мордуховна Гнесина. В начале июля 1941 года брат Розы Мордуховны Генех Мордухович Гнесин занимался эвакуацией Облпотребсоюза. В его распоряжении был целый вагон. Он просил сестру: «Надо эвакуироваться». Роза Мордуховна посадила в вагон, идущий на восток, мужа, двоих детей, а сама осталась в Витебске. Она говорила: «В больнице много рожениц. Женщинам не прикажешь, когда можно рожать, когда — нет. Риваш один не справится. Я должна ему помочь. Вы езжайте, я потом догоню вас». Она не сумела выбраться из Витебска и погибла в гетто.

В довоенные годы, как, впрочем, и сейчас, с особым уважением говорили о медиках «старой школы». Никто не знает, какие хронологические рамки у «старой школы». Эти слова, как почетное звание, присваивали тем, кто на протяжении многих лет честно выполнял свой профессиональный долг. О Циле Яковлевне Уринсон говорили — медик «старой школы». Более двадцати лет она отработала акушеркой в роддоме. Когда началась война, сутками не выходила из больничной палаты, из операционной. Молодые врачи и медсестры были мобилизованы и переведены на службу в военные госпитали. Те, кто оставался в роддоме, работали круглосуточно. Только однажды Цилия Яковлевна выбралась домой, чтобы отправить падчерицу, которую считала дочкой, в эвакуацию. Благодаря ей Лилия Исааковна Лившиц осталась жива. Когда она узнала, что мы пишем книгу о

Витебском гетто, прислала письмо, где рассказала о последних месяцах жизни Цили Яковлевны Уринсон.

«Еще в 1943 году я списалась с женщиной, сумевшей чудом выбраться из оккупированного Витебска. У нее была по мужу русская фамилия. Когда фашисты устроили регистрацию евреев, она не пришла на нее, никто ее не выдал и она не попала в гетто. Но там оказались ее родственники, друзья. И эта женщина не раз, рискуя жизнью, приходила на берег Западной Двины к Клубу металлистов. Приносила хлеб, картошку. Видела Цилю Яковлевну. Ее лицо, на котором оставались следы от перенесенной оспы, было легко запомнить. Однажды у ворот гетто она встретила высокую полную русскую женщину, которая принесла Циле Яковлевне еду. Но полицаи не разрешили ее передать. Женщина плакала, говорила, что в гетто ее лучшая подруга. Я поняла, что речь идет о нашей довоенной соседке Василисе Протасьевне Лещинской, тоже акушерке роддома.

После окончания войны я встретилась с Василисой Протасьевной. Она рассказала мне, что не раз приходила к Циле Яковлевне. Предлагала ей свой паспорт, чтобы та смогла выбраться из гетто. Обещала переправить в партизанский отряд, которым командовал племянник Василисы Протасьевны Дмитрий Евстафьевич Лещинский. Но Цили Яковлевна отказывалась. Говорила, что в гетто очень много больных и люди нуждаются в ее помощи. Она не может оставить их. И надеялась, что доктор Риваш возьмет ее к себе ассистентом. Но подневольный доктор Риваш не имел ни прав, ни возможности принимать людей на работу. Цили Яковлевна Уринсон погибла в Витебском гетто».

* * *

Даты последних массовых расстрелов, связанных с уничтожением гетто, в показаниях свидетелей упоминаются разные. Одни утверждают, что гетто было уничтожено в первой декаде октября, другие — что расстрелы продолжались до 25 октября. Видимо, некоторые узники гетто в дни массовых расстрелов смогли спрятаться среди пожарищ, в развалинах домов и подвалах, окружавших здание клуба. Однако долго они там оставаться не могли. Не было воды и продовольствия, и

нужно было искать другие пути к спасению. Люди, выходившие из убежищ, были замечены немцами, и гитлеровцы провели «зачистку территории». Они искали спрятавшихся евреев, обещали за каждого пойманного 1000 рублей премии. В одном из подвалов нашли 68 мужчин-евреев. Их в тот же день расстреляли.

Об одном из последних расстрелов узников Витебского гетто вспоминает С. И. Угорец: «Четвертого ноября молодой полицей — он жил до войны на нашей улице — сказал мне: «Семен, если ты не выйдешь из гетто, значит все — завтра вам конец». Я прибежал, сообщил родителям, сестре. Они не поверили мне, хотя надеяться уже было не на что. Все понимали, что со дня на день будут уничтожены последние узники. Сейчас я думаю, что родителям и сестре не то, что было тяжело решиться на побег. У них просто не было ни физических, ни моральных сил бороться за свою жизнь. А я решил бежать. Мать дала мне две тридцатирублевые довоенные купюры, которые она берегла на черный день, у всех собрали для меня вещи поцелее да потеплее, и подвалами домов я вышел из гетто. Куда идти дальше, не знаю... Подался к своему другу, однокласснику Николаю Удановскому. Мать Удановского сказала: «Чем я могу тебе помочь? У нас отец — коммунист, сами боимся. Можем дать тебе метрики Коли. А дальше сам выбирайся».

На следующий день я стоял около пекарни на Замковой улице и видел, как машины вывозили оставшихся евреев из гетто. Их везли расстреливать в сторону деревни Тулово. Мне показалось, что кто-то из машины махнул рукой...».

* * *

Фашисты были верны своим садистским традициям. Чтобы люди не забывали про праздники, в эти дни они устраивали массовые расстрелы. К годовщине Октябрьской революции гитлеровцы готовились особенно тщательно.

29 июля 1944 года свидетель Е. Н. Бавтуто давала показания следователям ЧГК: «...массовые расстрелы... немцы провели 6, 7 и 8 ноября 1941 года. Расстрелы проходили три дня без перерыва с 7 часов утра до 8 часов вечера. Расстреливали только евреев... Среди расстрелянных были дети, женщины, старики... Расстрелы проводились с садизмом, наблюдались массовые случаи сбрасывания в ямы живых людей».

Спустя три дня после проведения расстрелов я была на этом месте. Всюду валялись документы, вещи, облигации, деньги. Тогда же я нашла отрывок списка расстрелянных евреев на 4-х

страницах тетрадных листов. Список этот мною хранился, но в период эвакуации немцами он остался дома, и сейчас его я не нашла.

Закопали расстрелянных неглубоко, были видны отдельные части тела, которые растаскивались собаками».

«Расстрельные списки», найденные Е. И. Бавтуто, скорее всего, были составлены заранее. В день расстрела полицаи проверяли по ним, все ли узники прибыли к месту назначения.

Георгий Валерианович Шантырь рассказывал нам: «На восточной стороне города за евреями уже не охотились. Немцы считали, что их здесь не осталось, и мы более не менее спокойно жили у дяди. Как я попал к нему? Вначале мама взяла нас, меня и сестричку, с собой в гетто. Она почему-то думала, что это место будет самым безопасным. Мы жили в гараже табачной фабрики. Когда мама поняла, что нас ждет, она отправила меня к дяде, брату моего отца. Отец был белорус, так что это была белорусская семья. Я все время носил маме еду. Я не был похож на еврея и мог свободно ходить по городу. Кроме того, полицаи за пачку табака пропускали в гетто. Но было и такое. Иду, а полицай останавливает и спрашивает:

— Ты обрезанный?

— Нет, — отвечаю.

— Покажи, — говорит он.

Мама старалась, чтобы я реже приходил к ней. Она боялась за меня. Примерно в двадцатых числах сентября она сказала, чтобы я забрал с собой сестру, которая находилась вместе с мамой в гетто. Сестре было два года.

Однажды я подошел к гетто со стороны Западной Двины. Увидел маму. Она попрощалась со мной и сказала:

— Береги Инночку.

9 ноября я пошел в гетто, думал, сумею передать маме немного хлеба. По дороге мне встретился мой друг и сказал:

— Не ходи туда. Их всех расстреляли.

* * *

В Витебском архиве хранится регистрационный журнал лиц, арестованных СД в июле-декабре 1942 года. Здесь все достаточно просто: отметки о «прибытии-убытии» арестованных, номер, который присваивался каждому узнику тюрьмы, а также номер камеры, в которой он находился. Отметка «убыл» в большинстве случаев не поясняется, куда именно «убыл» — отправлен в какой-нибудь концлагерь или расстрелян. Неизвестно. Названы в

документе и имена исполнителей: кто доставил арестованного в тюрьму или забрал оттуда. Учет узников велся аккуратно, из дня в день на немецком языке. Несколько школьных тетрадей, исписанных канцелярским почерком. За ними судьбы тысяч людей, которые прошли через кровавую мясорубку СД. Для многих из них смертная казнь была избавлением от зверских побоев, издевательств, голода и жажды, от пребывания в каменных мешках тюрьмы.

Здесь под номером 2635 мы находим имя арестованной Надежды Фоминичны Шидловской, сидевшей в камере номер 13.

В списке узников немало еврейских фамилий. Значит, к 1942 году в Витебске еще оставались скрывавшиеся каким-то образом евреи: Буслович Шлема, Шустерман Евгений, Сультин Абрам, Вайнберг Израиль, Тонис Мордух, Габерман Абрам, Левин Меня, Рубинчик Аня, Гинзбург Рая, Файльман Юлиус, Кац Лева, Кабербаум Изя, Рубинчик Малка, Айзенкраф Мария, Эпштейн Павел, Куперман Хая, Церевман Лева, Голдберг Лиза, Сухман Лева, Кагилевич Ехая, Каплан Слава.

И таких фамилий в этом журнале насчитывается более ста двадцати — вряд ли кому-то удалось вырваться из тюремных застенков^[68].

* * *

Но и после этого в Витебске еще оставались евреи, числившиеся по документам белорусами, поляками, русскими.

Долгое время, начиная с двадцатых годов, в Витебском госбанке, что находился на улице Толстого, работала машинисткой Эвелина Борисовна Петрович. Печатала она быстро и грамотно, порой правила тексты, поданные начальством для печатания.

Аккуратная, всегда подтянутая, Эвелина Борисовна была хороша собой, одевалась с большим вкусом, хотя и неброско. Жгучая брюнетка с короткой стрижкой, как тогда было модно, она выглядела моложе своих лет. Несмотря на мизерную зарплату машинистки, всегда благоухала тонким ароматом дорогих духов. Жила она одиноко, снимала маленькую комнату. Все знали, что была она то ли полькой, то ли русской.

Перед самой войной Эвелина Борисовна вышла замуж за вдовца, у которого был свой домик, и продолжала работать в банке. Они остались в оккупированном городе, так как у ее мужа Андрея Васильевича незадолго до начала войны случился инсульт, и он стал при ходьбе тянуть ногу.

После создания гетто Эвелина Борисовна потеряла покой. Всеми способами она стремилась узнать, кто из ее знакомых оказался там и как им помочь. Кое-что ей выведать удалось. Она узнала, что люди погибают в гетто без пищи и воды. Собирать еду и передавать ее в гетто стало целью жизни. Где только могла, она покупала или выменивала вещи на продукты и готовила передачи в гетто. Любыми путями проникала к ограждению, уговаривала или обманывала охранников и передавала узникам еду, одежду — все, что могла достать. Попадала в облавы, но ей удавалось каждый раз возвращаться домой. Эти частые и настойчивые посещения гетто, хождения по городу привели к тому, что немцы стали ее подозревать, и однажды патруль задержал Эвелину Борисовну. «Du bist Jude!» («Ты еврейка!») — сказали ей и отвели в комендатуру. Даже паспорт, где записано, что она русская, не убедил немецкого коменданта. И только когда привели ее мужа — высокого, гладко выбритого, голубоглазого, представительного мужчину, опиравшегося на толстую палку с серебряным набалдашником в виде собачьей головы, и были представлены дополнительные документы, немецкий офицер отпустил их.

Пришлось Эвелине Борисовне с помощью перекиси изменить цвет волос. Теперь, благодаря светлым волосам, ее внешность не вызывала подозрений, и она продолжала, как и раньше, преодолевая различные трудности, проходить к гетто и приносить передачи. Делала она это до последнего дня существования гетто.

Окончилась война. Эвелина Борисовна осталась жива. Она похоронила своего Андрея Васильевича, не выдержавшего лишений оккупации. Эвелина Борисовна, постаревшая, совершенно седая, встретила немногих своих прежних друзей, вернувшихся в разрушенный и разоренный Витебск. Слезы душили ее, когда она рассказывала о годах немецкой оккупации, и тут открывалась история детских и юношеских лет Эвелины Борисовны.

Ее отцом был Хаим-Борух, матью — Ривка, державшая до революции маленькую лавку в полуподвале дома на Могилевском базаре. В лавке ничего особенного не было — дрожжи, горох, кое-что для крестьян, которые приезжали на базар. Хаим-Борух был благочестивым евреем, читал Тору в синагоге, которая была недалеко от дома на берегу Западной Двины, слыл большим талмудистом.

Ривка очень гордилась ученым мужем, сама сидела в лавке и вела все домашнее хозяйство, а по четвергам разносила дрожжи по домам своим постоянным покупателям. В семье строго соблюдались каноны ортодоксальной еврейской традиции.

Хава, Хавеле (так звали тогда Эвелину дома) была старшей и

любимой дочерью. Она была смышленной и красивой девочкой. Родители устроили ее на учебу в Мариинскую гимназию, где учились в основном дети из состоятельных семей. Хавеле хорошо училась, всегда была в окружении подруг. Ее звонкий смех радовал всех. Родители души не чаяли в старшей дочери, она была их гордостью и надеждой.

В выпускном классе в нее влюбился офицер Алексей Александрович Петрович — блестящий молодой человек, с тонкими усиками над верхней губой. Происходил он из дворян. Хавеле была без ума от него. После окончания гимназии она приняла православие и тайно обвенчалась со своим офицером.

Большого потрясения, чем отступничество любимой дочери, для отца и матери быть не могло. Они отреклись от нее. Не только они, но и вся семья, все родственники. Отец не перенес такого удара — он заболел. Хавеле стала Эвелиной и уехала с мужем в Самару. Вскоре началась первая мировая война. Алексей погиб на фронте. Эвелина осталась одна. Она вернулась на родину.

Умерла мама, вышла замуж младшая сестра, но Эвелина не могла подойти, чтобы попрощаться или поздравить. Семья ее так и не простила. В одиночестве текла ее жизнь. Только Бог да подушка знали о переживаниях и страданиях в бессонные ночи.

В первые же дни создания гетто туда заключили семью Каценельсона — мать, отца, детей 10 и 15 лет. Это была сестра Эвелины, ее муж и дети. Вот кого искала она, вот ради кого готова была пожертвовать жизнью, чтобы облегчить их участь.

В 1947 году Эвелина Борисовна все еще работала в банке и жила в маленькой комнатке, но стала часто болеть. К ней приехал племянник. Как мальчик спасся из гетто, мы не знаем. Это был офицер с набором орденских планок. Он забрал Эвелину Борисовну в свою семью в благодарность за то, что она, как могла, помогала его родителям в последние их дни на земле. В этой семье в мире и согласии, окруженная уважением и признательностью, прожила Эвелина Борисовна оставшиеся годы.

В детский дом, который находился недалеко от Смоленского рынка, в начале 1942 года привезли девочку. Она называла себя Верой Хорошкевич. Была тихим, испуганным ребенком. Сторонилась людей, боялась, когда к детскому дому подходили немецкие солдаты.

И только своей лучшей подруге Марии Синцовой доверила тайну. Настоящая фамилия Веры была Гильман. До войны она жила в местечке Кубличи. Ее родители погибли в Ушачском гетто, а сама она чудом выбралась оттуда перед самым расстрелом. Потом попала в Полоцкую тюрьму. Там придумала

легенду про Веру Леонтьевну Хорошкевич. И уже из тюрьмы была отправлена в Витебск.

В 1942 году кроме Веры, в детском доме были еще еврейские ребята. Она была свидетелем расстрела трех малышей, про которых кто-то из местных холуев нашептал гитлеровцам. Детей вывели во двор и расстреляли.

Вера Гильман спаслась благодаря мужественным и благородным людям: повару Марии Петровне Мецне, воспитательнице Галине Ивановне Померанцевой и ее мужу Владимиру Иосифовичу Загорскому, которые, рискуя собственной жизнью, спасли еврейскую девочку.

* * *

Но вернемся к событиям сентября 1943 года. Гитлеровцы начинают понимать, что когда-нибудь им придется отвечать за содеянное, и пытаются уничтожить следы кровавых преступлений. Они издают секретный приказ о сжигании трупов ранее расстрелянных ими советских граждан. На судебном процессе над немецко-фашистскими военными преступниками, проходившем 15–20 января 1946 года в Минске, обер-лейтенант войск СС и криминал-комиссар гестапо, бывший начальник полиции безопасности в Орле, Орше, Борисове, Слониме Ганс Герман Кох показывал:

Прокурор: Скажите, по чьему приказу проводилось сжигание трупов?

Кох: Этот приказ исходил от Гиммлера. Я сам получил этот приказ от Эрлингера (полковник Эрлингер — руководитель Минского гестапо. — Авт.).

Председатель: Защита имеет вопросы?

Адвокат Михальский: Скажите точнее, как назывался этот приказ?

Кох: Это был приказ «тайной натуры».

Прокурор: Как это понимать?

Кох: Это был совершенно секретный приказ.

Прокурор: Вам говорили, почему нужно было сжигать трупы?

Кох: Инструктаж я получил в городе Могилеве у Эрлингера. Он объяснил, что массовые могилы должны быть уничтожены для того, чтобы впоследствии Красная Армия не могла установить, сколько советских граждан нами было уничтожено.

Прокурор: При этом был проведен наглядный инструктаж, как сжигать трупы?

Кох: Да.

Прокурор: Кто присутствовал при этом?

Кох: Там были комиссары гестапо, которые находились на территории Белоруссии.

Прокурор: Что вы делали с людьми, которых заставляли раскапывать могилы и уничтожать трупы? Вы их впоследствии уничтожили?

Кох: Да.

Вначале полковник Эрлингер предупредил, что выполнить этот приказ нужно «скрытно от мирного населения и после сжигания трупов... в пепле отыскать золотые вещи: кольца, зубы...» После этих объяснений участникам совещания был продемонстрирован костер, подготовленный для сжигания трупов. Тот же Кох показывал: к месту, где уже был сложен костер из 100 трупов советских граждан, расстрелянных в тот день, подвели всех участников. Костер занимал площадь около 36 квадратных метров, в нижней части костра были положены камни, примерно 50 сантиметров высотой, на которых лежали рельсы: на рельсы клались кряжи, на кряжи клались ряды трупов, на трупы клались дрова. И так было три яруса. К низу костра подкладывались дрова.

На вопрос следователя: «С какой целью вам было продемонстрировано сжигание трупов?», Кох ответил: «Это было нам продемонстрировано, как нужно правильно складировать костры при сжигании трупов и чтобы мы могли проинструктировать в устной форме людей, которые будут непосредственно выполнять приказ»^[69].

В докладе на VI сессии Верховного Совета БССР 21 марта 1944 года начальник Центрального Штаба партизанского движения П. К. Пономаренко привел рассказ одного из тех, кто был невольным участником акции сожжения, кому чудом удалось остаться в живых:

«Будучи 17 августа 1943 года арестованным, я до 1 октября 1943 года находился в Могилевской тюрьме. При начавшейся с этого числа разгрузке тюрьмы, производившейся главным образом за счет массовых расстрелов заключенных, я был отобран в рабочую команду, сформированную в течение ночи из 280 наиболее сильных по внешнему виду заключенных. Под сильным конвоем полицейских и немцев, вооруженных в большинстве автоматами и имевших служебных собак,

команда была направлена на автомашинах в так называемый Пашковский лес, находящийся под самым Могилевом. Там с 1 по 28 октября 1943 года команда была занята раскопкой трупов расстрелянных и зверски замученных людей и их сжиганием...

Вся работа проводилась под большим секретом. Лица, случайно видевшие это зрелище — главным образом проезжавшие крестьяне — расстреливались и сжигались тут же вместе с лошадьми.

По окончании сжигания трупов команда была разбита на две равные по численности группы, из которых одна была увезена куда-то на автомашинах под предлогом продолжения работы в другом месте. Оставшимся немцы приказали залезть на штабеля дров, лечь в ряд, свесив головы. Дав по людям двойную очередь из автоматов, немцы подожгли штабель в нескольких местах. Вслед за этим были расстреляны предварительно уложенные в ряд полицейские, производившие уборку вокруг штабелей, а тела их были брошены в штабель другой группой полицейских. В числе расстрелянных был бывший начальник карательного полицейского отряда местечка Княжицы Могилевского района Дегтярев.

Я оказался раненым и не потерял сознания. Когда немцы уехали, я выбрался из охваченного пламенем штабеля и бежал».

Эти показания Пилунова подтверждаются и другими источниками и свидетельствами.

Даже во времена инквизиции средневековая Европа не знала таких костров из человеческих тел. Для этого нашей благовоспитанной цивилизации нужно было дожить до середины двадцатого века. А тем, кто конструировал костры, разрабатывал методику сжигания человеческих тел, закончить университеты, получить ученые степени магистров и докторов.

Приказ «о сжигании трупов» был исполнен и в Витебске.

* * *

«Иловка стояла на этом месте с незапамятных времен, — рассказывала Татьяна Ивановна Кривоносова (Васильева). — Это был хутор, где жили только Кривоносовы — три родных и два двоюродных брата со своими семьями. Старшим был мой отец,

Иван Ефремович. Семья была большая: отец, мама Елена Васильевна, я и два брата — Николай и Михаил. Наш дом стоял ближе всего к Иловскому оврагу. Между нашим домом и оврагом был ельник, который потом немцы вырубili. У каждого брата было свое хозяйство, надворные постройки. У нас был большой сарай, баня, хлев.

В какие-то дни немцы стали завозить дрова, сбрасывали их сначала около ельника, а потом в овраг. Из нашего дома это было хорошо видно. Дрова — не дрова, что-то вроде небольших бревен. Никто не понимал, зачем их навезли. Отец говорил, что, наверное, немцы что-то задумали.

Через некоторое время привезли на машине военнопленных. Нам приказали убраться. Мы перешли жить в баню, пленных поселили в сарае.

В бане мы жили недолго. Оттуда нас тоже выгнали, и мы ушли к двоюродному брату отца, который жил на краю Иловки.

Однажды из оврага повалил черный дым, какой-то вонючий. Видеть, что там происходило, никто не мог, потому что немцы кругом поставили охрану. Продолжалось это довольно долго, недели две, а может быть, и дольше. Потом люди говорили, что немцы пленных расстреляли. Как стреляли, мы слышали, но не видели».

Об этом же рассказал нам и житель деревни Тулово Иона Рогожинский. Тогда ему было 16 лет. «О том, что стреляли евреев в Иловском овраге, знали тогда многие, и я тоже. А что происходило осенью сорок третьего, я не видел, но в нашей деревне долго помнили тот ужасный дым, который шел из оврага, даже не дым, а какой-то смрад. Куда ветер подует, туда и этот запах несло. Говорили тогда в деревне, что этот дым из оврага тянет, немцы там что-то делают. После того, как они убрались из Иловки, мы с ребятами пошли к оврагу, чтобы посмотреть, что там. В овраге увидели обгоревшую землю, как это бывает от костров. Люди потом говорили, что немцы выкапывали трупы и жгли на кострах. Следы были на дне, с правой стороны оврага, а не на левой стороне, где в противотанковой траншее в сорок первом стреляли евреев. Оттуда тащили трупы на правую сторону, там их и жгли. В этом месте овраг был широкий. Я место хорошо запомнил, могу показать».

Старожил Витебска А. Киселев, переживший оккупацию, писал в статье «Иловка»: «Осенью 1943 года немцы нагнали сюда военнопленных и своих прислужников-полицаев, чтобы замести следы кровавой расправы над евреями. В течение месяца в большом, не гаснущем ни днем ни ночью кострище сжигались вырытые останки жертв. Последними в том костре сгорели наши

пленные. От Иловки по всей окolicy тянулись черные тучи смрада и сажи. Хмурой осенью с безветренной погодой запах горелых тел вынуждал людей не выходить из домов»^[70].

Раскопки и сожжение производились в течение месяца. В этой акции принимали участие комендант полевой комендатуры полковник Биккель, заместитель полевого коменданта майор Рейнгорд, инспектор полевой юстиции Шефран, комендант местной комендатуры майор Морендах, помощник Морендаха и непосредственный руководитель акции обер-лейтенант Зенге, военно-полевой судья Рэч и его заместитель Трейхель^[71].

Уже потом, когда было покончено с трупами, когда были уничтожены военнопленные, руками которых фашистские изверги провели эту акцию, на пепелище пришли гестаповцы. Они искали золото, наверное, то самое, за которое евреи «пытались купить весь мир». И эту работу гестаповцы не могли доверить никому. Рейх нуждался в золоте, но еще больше жаждали его те, кто рылись в пепле сожженных.

* * *

Одной из первых еврейских семей, вернувшихся в Витебск после изгнания немцев, была семья Гадаскиных. «Отец еще был на фронте, — рассказывает Роза Кивовна Сосновская (Гадаскина). — Тогда можно было приехать в Витебск только по специальным пропускам. Еще будучи в эвакуации, мама почти каждый день говорила: «Пусть на камнях жить, но только быстрее к себе домой, в свой город». И когда фронт проходил через Белоруссию, она добилась своего — ей дали пропуск. Правда, только до Рудни, что в Смоленской области. Гадаскины приехали в Рудню в двадцатых числах июня 1944 года. Впереди двигалась ремонтная бригада железнодорожников, прокладывающая рельсы, по которым потом могли идти поезда. В эшелоне, что следовал за ними, и прибыла в Витебск семья Гадаскиных. Это были первые дни июля 1944 года. Поезд остановился у бывшего депо, рядом с которым Гадаскины жили до войны. «Выйдя из вагона, — вспоминает Р. К. Сосновская, — ни я, ни мама не могли ничего узнать и даже не смогли сориентироваться, хотя мы знали, что наш дом находился от депо буквально в нескольких десятках метров. В какую сторону мы бы ни смотрели, видели одно и то же: груды битого кирпича и одиноко торчавшие печные трубы. К нам подошли несколько человек, мы спросили у них, как пройти на улицу Бебеля. Они показали. Трудно представить себе те дни. Все встречавшиеся люди, знакомые и незнакомые, обнимались и

плакали от радости, что снова вернулись домой. Вот так мы начинали жить на пустом месте. Вечером нас, прибывших, стали разводить по пустым домам. Нашу семью отвели в большой деревянный дом, в котором жило уже несколько семей. Там дали комнатку примерно в три-четыре квадратных метра. Спали на полу, матрацем служили мешки, набитые соломой или свежим сеном, которое мы подбирали на бывшем Полоцком базаре. Все, что нужно было для быта, искали на пепелищах. Стол мы сделали из обломков детской кровати, кровать собрали из полуобгоревших каркасов. В первое время еду варили в солдатских котелках. Ставили на улице несколько кирпичей, подкладывали железяки, и это называлось «таганок». Котлы, ложки подбирали на пепелищах. Нам еще в какой-то мере повезло. Многие из тех, кто возвращался в Витебск, жили прямо в землянках, которые были выкопаны повсюду, немало их было врыто прямо в берега Западной Двины.

Назавтра, когда я вышла на улицу, меня встретила бывшая соседка, которая радостно воскликнула: «Я думала, ни одного еврея не осталось». Мы стали обниматься, целоваться.

Хлеб мы получали по карточкам. Кое-что находили из немецких консервов. Жили впроголодь, но этого не ощущали. У всех было одно радостное чувство — мы снова в родном Витебске. Мы верили, что теперь у всех будет счастливая жизнь.

Меня сразу направили работать начальником медсанчасти в лагерь для военнопленных, учитывая, что перед войной я окончила медицинскую школу. Находился он тогда на территории довоенного трамвайного парка на улице Фрунзе.

Первое время я шла на работу с трудом, потому что хорошо знала, как вели себя гитлеровские головорезы в Витебске. Но я врач и обязана была выполнять свою работу».

* * *

В начале 1946 года в Витебске жило около 500 евреев. Это были партизаны, пришедшие на родные пепелища, демобилизованные фронтовики и те, кто вернулся домой из эвакуации. Надо было как-то жить дальше, думать о будущем, растить детей, хотя война не уходила из памяти.

* * *

Довоенную численность-населения Витебск восстановил

лишь к 1961 году.

* * *

Около двадцати лет палачам Витебского гетто из айнзакоманды-9 удавалось уйти от правосудия. Лишь летом 1962 года по приговору суда присяжных при земельном суде Берлина палачи Витебского гетто были осуждены: Фильберт — к пожизненному заключению, Шнайдер — к десяти годам, Штрук и Туннат — к четырем годам, Грайфенбергер — к трем годам лишения свободы. Позднее наказание Фильберту было смягчено, и он умер не в тюремной камере, а в собственном доме, в окружении детей и внуков.

* * *

Десятилетиями любое упоминание о массовых расстрелах евреев в годы войны тщательно замалчивалось советскими властями. Даже там, где родственники погибших устанавливали скромные памятные знаки и обелиски, местные власти не разрешали указывать, что здесь захоронены евреи, разрешалось писать только обобщенно-нейтральные слова «советские граждане». Хотя все отлично понимали, что этих людей расстреливали не за то, что в кармане у них лежал советский паспорт, а за то, что родились они евреями.

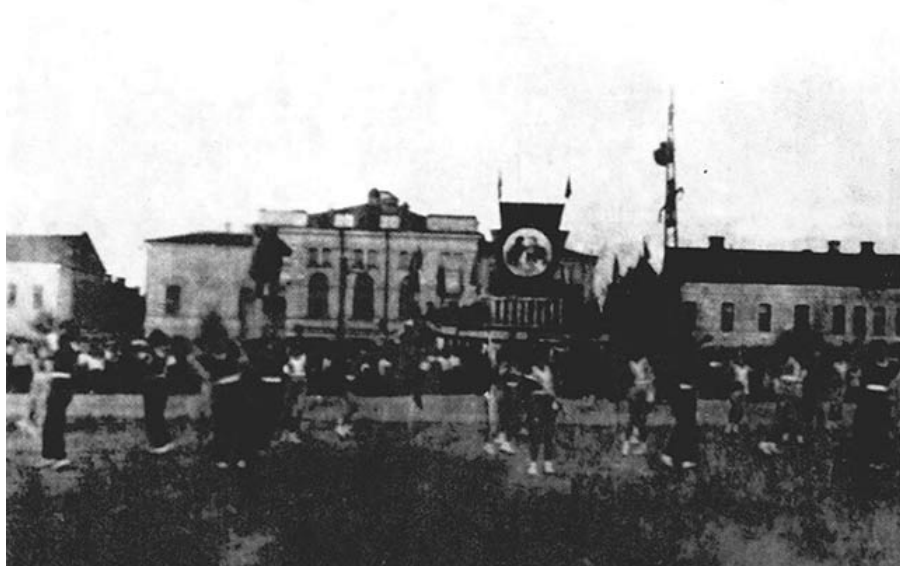
Лишь через пятьдесят с лишним лет, в октябре 1993 года, на местах бывшего Витебского гетто и массовых расстрелов у Иловского оврага были установлены памятные камни^[72].

Фотографии



Витебск, ул. Толстого.

Сбор металлолома рабочими трамвайного депо. Фото 1931 г.



Витебск, пл. Ленина.

Парад физкультурников. Фото 1938 г.



*Витебск. Пл. Свободы.
День молодежи (1 сентября 1935 г.)*



*Витебск. Пл. Свободы.
Фото 1940 г.*



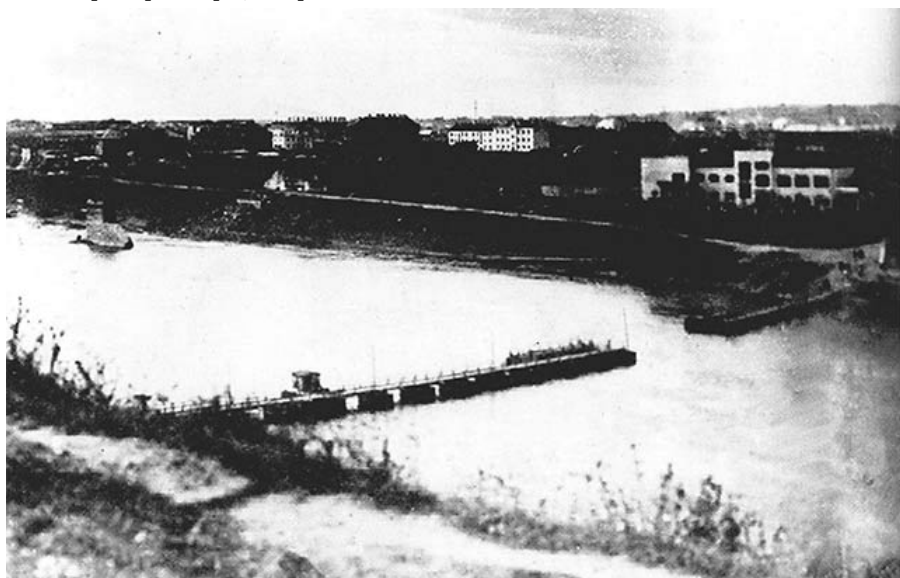
Витебск. Пл. Ленина.
Фото 1940 г.



Витебск. Ул. Советская.
Фото 1940 г.



Во время регистрации еврейского населения. Июль 1941 г.



Понтонный мост через реку Западная Двина. Вдали справа — здание бывшего Клуба металлистов

В Ревель.
 Прошение в городскую управу на выдачу пропуска Е. Ш. Цадикману на право выхода из гетто.
 1884 г. рождения пропуск на право выхода из гетто.
 Старш. Евр. К-та (АИ)

6/8 417.

Прошение в городскую управу на выдачу пропуска Е. Ш. Цадикману на право выхода из гетто



Жертвы гитлеровского геноцида



Доктор И. Е. Риваш

Rathhaus der Stadt Witebsk
№ 916

surveis

Rimisch Jerksel Ernel mit och,
geb den 18/IX 1872 in der Stadt
Ostrow, Pskowschen Gouvern.
ment ist ein Ginekologiarzt der
Centralpolyklinik der Stadt Witebsk

Rathhausverwalter.

Witebsk den 5/VI 1941

ГРАДСКАЯ УПРАВА

ГОР. ВІЦЕБСКА

ПАСВЕДЧАННЕ.

Грамадзянін РЫВАШ Евекіель Еве-
левіч, уроджаны 18/IX-1872 года у гор.
Острау Пскоускай губ., выяўляецца
учаючым-гінеколагам-акушэрам Цэн-
тральнай Паліклінікі гор. Віцебска.

ЗАДАЧКА ГРАДСКОЙ
УПРАВЫ

Гор. Віцебск, дня 5/VI 1941 г

Пропуск, выданный местной горуправой И. Е. Ривашу на право хождения по городу





Семья Ратнеров



Здание по улице Политехнической, в котором во время оккупации Витебска размещалась немецкая служба полиции безопасности и СД



Замковая улица. Фото 1943 г.

Personal-Bericht

Dr. Alfred Filbert, Hauptabt.-Leiter III 22, SS Hauptsturmführer,
(Vor- und Zuname) (Dienststellung und Einheits) (Dienstgrad)

Mitglied-Mr. der Partei: 1 321 414 SS-Ausweis Nr. 44 552

Seit wann in der Dienststellung: 1.8.1936, Beförderungsdatum zum letzten Dienstgrad: 12.9.1937,

Geburtsort, Geburtsort (Kreis): 8.9.05 zu Darmstadt,

Beruf: 1. erlernter: Dr. jur., 2. jetziger: SS-Führer,

Wohnort: Berlin-Tempelhof, Straße: Bayernring 25 c,

Verheiratet? Ja Mädchenname der Frau: Bernicke Kinder? 3 Konfession: gottgl

Dienstverhältnisse: geordnet

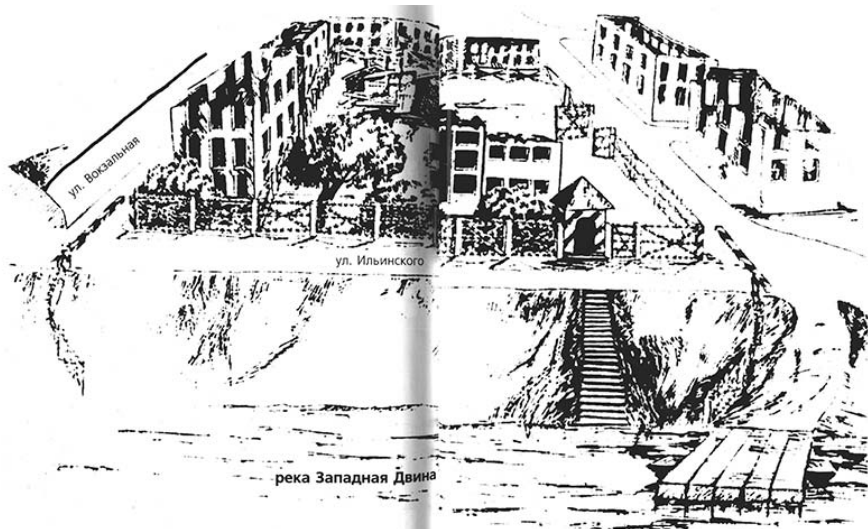
Vorfragen: keine

Из личного дела А. Фильберта





А. Фильберт во время судебного процесса над ним



ВИТЕБСКОЕ ГЕТТО

Графическая реконструкция

В этом месте города, среди развалин, в школе — октябре 1941 года погибало в невыносимых муках созданное гитлеровцами многотысячное Витебское гетто. Тех, кто был еще жив, нацистские убийцы вывозили в Иловский овраг и с особой жестокостью расстреливали.



Бои за освобождение Витебска



Воины Советской армии форсируют Западную Двину во время штурма Витебска



Воины Советской Армии входят в освобожденный Витебск



Советские воины беседуют с жителями освобожденного Витебска



На Замковой улице в день освобождения



Горожане возвращались в освобожденный Витебск



Каменные коробки на месте красивых довоенных улиц



И на месте своих домов видели груды битого кирпича и пожарища



Поврежденная, но все же уцелевшая городская ратуша — символ древнего города



Советские саперы в районе бывшей Мало-Могилевской улицы в день освобождения Витебска. На втором плане — здание бывшей синагоги



ТУТ БУДЗЕ УСТАНОВЛЕНЫ
 МЕМАРЫЯЛЬНЫ ЗНАК
 У ПАМЯЦЬ ВЯЗНЯЎ
 ВІЦЕБСКАГА ГЕТА
 АХВЯР
 ФАШЫСЦКАГА ГЕНАШЫДУ
 Ў 1941 – 1944 Г.

Дворец культуры Витебского района (улица Ильинского), бывшее здание Клуба металлистов. Здесь с июля по ноябрь 1941 года находилось Витебское гетто



В октябре 1993 года на местах бывшего Витебского гетто и массовых расстрелов у Иловского рва были установлены памятные камни



Сюда приходят люди, чтобы почтить память жертв фашистского геноцида

A black and white photograph of a memorial plaque placed on the ground in a cemetery. The plaque is rectangular and has text in Russian. It is surrounded by soil and some sparse vegetation. The text on the plaque is as follows:

ВЕЧНАЯ ПАМЯТЬ
ПОГИБШИМ ОТ РУК
ФАШИСТСКИХ ПАЛАЧЕЙ
ПАМЯТЬ О ВАС
ВСЕГДА БУДЕТ ЖИВА



Старо-Улановичское еврейское кладбище. Здесь, после войны, были перезахоронены останки жертв гитлеровского геноцида



В дни 60-летия со дня расстрела Витебского гетто на сцене Дворца культуры Витебского района состоялся Митинг памяти



Мемориальный комплекс Яд ва Шем в Иерусалиме. Долина погибших общин. На камнях высечены названия белорусских городов, в которых были уничтожены гетто.

Хочется верить, что когда-нибудь на месте, где во время войны погибало в невыносимых муках Витебское гетто, будет стоять настоящий памятник, достойный памяти многих тысяч людей...

Хочется верить, что когда-нибудь на здании Дворца культуры Витебского района, а именно в этом доме находилось гетто, будет установлена мемориальная Доска.

Хочется верить, что когда-нибудь будет создан Музей евреев Витебска. И в нем будет отражена 400-летняя история проживания евреев в городе на Западной Двине. И целый раздел музея будет посвящен памяти Витебского гетто. И, может быть, подыскивая помещение для этого Музея, вспомнят, что в здании Дворца культуры Витебского района в годы войны находилось гетто и в послевоенное время здесь проходил судебный процесс над гитлеровскими военными преступниками, совершившими свои кровавые злодеяния на витебской земле.

Хочется верить, что в Иловском овраге будет создан Мемориальный комплекс. И на том месте, где сжигали трупы, будет стоять памятник.

Хочется верить, что страшная трагедия, которую пережили евреи в годы Второй мировой войны, больше не повторится. Нигде и никогда.

Хочется верить...

Авторы выражают благодарность за финансовую помощь в издании книги:

СЛУЖБЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОБМЕНОВ (IBW) (г. Нинбург, Германия)

Председатель Вольфганг Копф;

ЛЮТЕРАНСКОЙ ОБЩИНЕ ЦЕРКВИ СЯТОГО МАРТИНА (г. Нинбург, Германия)

Пастор Курт Дантцер.

Авторы выражают благодарность: директору Национального архива Республики Беларусь В. Д. Селеменеву; работникам Отдела обеспечения сохранности документов и фондов Отдела научного использования и публикаций Государственного архива Витебской области; работникам Государственного архива Российской Федерации — за помощь в выявлении документов и материалов, на основе которых написаны многие страницы этой книги.

В книге использованы записанные авторами воспоминания спасшихся узников гетто и тех, кто встречался со свидетелями событий, происходивших в Витебске в годы войны.

В частности, рассказы:

А. А. Аскназий, М. Ф. Беленького, В. В. Богорад,
З. М. Бумагина, Б. Е. Варкиной, И. И. Вейлер (Левиной),
Я. И. Вейлер, Р. К. Гадаскиной (Сосновской), Б. Л. Гинзбурга,
С. И. Гольдиной (Голубовской), А. М. Гиндеровой (Качановой),
В. И. Гнесиной (Рыбкиной), Г. Г. Дудкиной, Н. И. Дорофеенко,
М. С. Ехилевской, М. С. Железняк, Ю. М. Зарецкого, П. М. Кагно
(Зильбер), Л. Г. Каим, И. В. Ковалевой, А. А. Ковалевского,
Т. И. Кривоносовой (Васильевой), Э. М. Красс (Столяренко),
С. Я. Лаговер (Глазер), Л. И. Левиной, С. Б. Левина, И. Г. Мазы,
К. А. Миндлин, Н. И. Мельникова, Ю. И. Новикова,
А. М. Папковой, М. Д. Пескина, А. Ф. Пестунович, К. К. Портного,
И. М. Ривлина, В. А. Ризо, И. Рогожинского, Э. З. Рубиной
(Политик), Е. Э. Тольк, С. И. Угорцина, В. И. Филипковой,
И. А. Флейша, Б. Н. Флейшера (Михайлова), П. М. Фрумсон,
Д. Г. Хвата, Р. И. Шадхина, Г. В. Шантыря, Л. М. Шульман.

notes

Примечания

«КИМ» — первые буквы прежнего названия чулочно-трикотажной фабрики «Коммунистический Интернационал Молодежи», вступившей в строй в 1931 г. «ЗИ» — первые буквы названия швейной фабрики «Знамя Индустриализации», построенной в 1928 г.

Осоавиахим — общество содействия обороне — массовая общественная организация граждан Советского Союза, существовала с 1927 по 1948 г. «Динамо» — Всесоюзное физкультурно-спортивное общество, основанное в 1923 г., существует и поныне.

Чрезвычайный судебный орган.

Личный архив С. Л. Юдовиной (рукопись).

Государственный архив Витебской области (далее по тексту — ГАВО), ф. 9742, оп. 2, д. 82, лл. 48, 52, 87, 89. «Память». Историко-документальная хроника города Витебска // Мн.: Издательство «Беларуская энцыклапедыя імя Петруся Броўкі». — С. 422–423.

Иванов Ив. Из недавнего прошлого: Витебское гетто // Социалистический вестник. Нью-Йорк — Париж: 1952. Том 32, № 1–2. — С. 26.

Уничтожение евреев СССР в годы немецкой оккупации (1941–1944) // Иерусалим: 1991. — С. 33.

Место принудительного содержания евреев, насильственно изолированных от остального населения, отведенное немецкой военной администрацией и местной властью, огражденное и охраняемое эсэсовцами и местной полицией, созданное с целью тотального уничтожения его узников путем установления невыносимых физических и психологических условий существования.

Человек, оставивший свое место жительства вследствие
какого-нибудь бедствия, спасавшийся бегством.

Вестник еврейского университета в Москве // М.: 1993, № 4.
— С.208.

Итоги Всесоюзной переписи населения 1939 г. Белорусская ССР // Госстатиздат ЦСУ СССР. 1963. — С. 13. Статистический справочник за 1928 г. // Витебск: 1928. — С. 28.

Вывоз людей, учреждений, имущества из опасных местностей; место и время пребывания эвакуированных там, куда они вывезены.

Архив книги «Память», историко-документальной хроники города Витебска.

Петровский Б. Военный госпиталь. Год 1941 // Наука и жизнь, 1980, № 11. — С. 46–48.

Сообщения Советского Информбюро, т. 1. Июнь — июль 1941 г. // М.: 1944. — С. 3, 7, 29, 38, 48.

Совинформбюро (Советское информационное бюро) образовано в Москве 24 июня 1941 г. при Совете Народных Комиссаров СССР с целью руководства работой по освещению в периодической печати и по радио военных и международных событий внутренней жизни страны. Подготовленные Совинформбюро сводки о положении на фронтах, партизанском движении и работе в тылу распространялись через 1171 газету, 523 журнала и 18 радиостанций в 23 странах мира, а также через советские посольства за рубежом и различные советские и зарубежные организации. Руководил Совинформбюро секретарь ЦК ВКП(б) А. С. Щербаков, его заместителем, а в 1941–1948 гг. начальником Совинформбюро был С. А. Лозовский.

Гальдер Ф. Военный дневник, ежедневные записи..., Том 9. В двух книгах. Книга 1 // М.: 1971. — С. 86, 106, 114.

Айнзацкоманда-9 (Einsatzkommando-9 — нем.) — оперативное формирование, предназначенное для подготовки и проведения уничтожения гражданского населения. Состояла из служащих СС, СД и полиции. Действовала в тылу немецких армий «Центр», тесно сотрудничала с армейскими подразделениями. Выполняла особую роль в тотальном физическом истреблении евреев на оккупированных территориях. Входила в состав айнзацгруппы «В».

Отчет главы полиции безопасности и СД. Берлин. 29 августа
1941 г.

Материалы об уничтожении евреев. Витебский областной краеведческий музей (далее по тексту — ВОКМ), инв. № 7789.

ВОКМ, инв. № 7789.

Свидетель Г. В. Шантырь. Вестник еврейского университета в Москве. — М.: 1993, № 4. — С. 228.

Архив книги «Память», историко-документальной хроники города Витебска.

Термин «черта оседлости» был употреблен в одном из свидетельских показаний, данном следователю ЧГК очевидцем описываемых событий. Зона «черты оседлости» выполняла две важные для гитлеровцев функции: обеспечивала немедленную сегрегацию (отделение) евреев от остальной части населения, формировала в сознании горожан убеждение в полной бесправности евреев и одновременно страх перед последствиями в случае общения с ними, служила средством концентрации, изоляции евреев, облегчая их скорейшее перемещение в гетто и последующее полное их уничтожение.

ВОКМ, инв. № 7789.

Отчет главы полиции безопасности и СД. Берлин. 26 июля 1941 г., № 34.

Здание бывшего Клуба металлистов (архитектор А. Васильев) построено в 1932 г. на ул. Нижне-Набережной (ныне ул. А. Ильинского). Состояло из двух групп помещений: зрительного зала с двумя ярусами балконов и клубного, объединенных просторным вестибюлем. Каждое имело отдельные выходы.

После уничтожения гетто здание оставалось в разрушенном состоянии. К октябрю 1945 г. восстановлено и передано Белорусскому государственному драматическому театру им. Я. Коласа. 29 ноября — 3 декабря 1947 г. здесь проходил открытый судебный процесс над десятью немецко-фашистскими преступниками, действовавшими на территории Витебской области в 1942–1944 гг. С 1959 г. в этом здании находится Дом культуры Витебского района.

ЧГК (Чрезвычайная Государственная Комиссия) была создана Указом Верховного Совета СССР от 2 ноября 1943 г. для выявления и расследования злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников на временно оккупированной советской территории. По мере освобождения от оккупантов в республиках, краях и областях создавались комитеты ЧГК из числа государственных и общественных деятелей, представителей военных органов и местного населения. В начале 1944 г. создана Белорусская республиканская комиссия. Сотни тысяч составленных актов и протоколов, документов и вещественных свидетельств явились на Нюрнбергском и других судебных процессах, в том числе и в Витебске, доказательством при разоблачении злодеяний немецких военных преступников.

Здесь и далее использованы протоколы допросов свидетелей, составленные следователями ЧГК в 1944–1945 гг.: П. К. Бабочкина, Е. Н. Бавтуто, В. И. Бутримовича, Х. П. Гавриленко, Е. О. Лагения, Е. И. Лукина, Н. И. Мельникова, С. Д. Нижникова, В. Д. Орловой, Г. П. Оберенко, Ф. Т. Панкова, И. А. Порубова, М. И. Прохоровой, И. К. Прусова, П. Ф. Рыбакова, Е. Ф. Смоликовой, А. А. Солодухиной, А. И. Терещенко, М. Е. Федосеенко, Г. П. Феоктистова, Ф. А. Шабашова и других. — См.: Государственный архив Российской Федерации (далее по тексту — ГАРФ), ф. 7021, оп. 84, д. 3, лл. 108–194.

Железняк Матвей Яковлевич родился в 1886 г. в г. Витебске. Работать начал с 13-летнего возраста. Имел троих детей.

После выхода из оккупированного Витебска вместе с женой оказался в Сибири. В том же году М. Я. Железняк прислал в редакцию газеты «Комсомольская правда» школьную тетрадь, исписанную убористым стариковским почерком, с надписью на обложке: «Что мы видели и пережили в оккупированным проклятыми немцами Витебске в 1941–1942 году». 27 ноября 1942 г. по материалам этой тетради была опубликована статья М. Я. Железняка «Ужасы Витебска. Письмо сыну на Ленинградский фронт». Тогда же свидетельства очевидца были выпущены издательством «Дальгиз» отдельной брошюрой «Зверства немецких оккупантов в Витебске».

После войны М. Я. Железняк жил в Ленинграде. В письмах в Витебск довоенному другу Иосифу Михелевичу Либерману он вспоминал пережитое в годы войны. Здесь и далее приводятся фрагменты этих писем.

Протокол допроса арестованного В. Ф. Родько от 30 августа 1945 г. Далее факты о преступной деятельности В. Ф. Родько приводятся по материалам его уголовного дела из архива КГБ Республики Беларусь. В дальнейшем ссылки на этот источник не указываются.

Здесь и далее при характеристике ряда конкретных организаторов и участников геноцида в Витебске использованы материалы судебного процесса, состоявшегося в Западном Берлине в мае 1962 г. над группой офицеров айнцакоманды-9. О решении суда по каждому из подсудимых, о которых идет речь в данной книге, см. ниже.

Копии материалов судебного процесса любезно предоставлены авторам работником берлинского музея Карлсхорст госпожой Ингрид Домероу.

ГABO, ф. 2073, оп. 2, д. 19, лл. 513–514.

Рыклин Я. Галаварэзы і іх апекуны // Віцебскі рабочы. — 1967, 1 ліпеня.

ГABO, ф. 2155, оп. 1, д. 7, лл. 259.

Віцебскія ведамасці. — 1941, 16 верасня. Газета Витебской городской управы. Редактор А. Брандт. Выходила 2–3 раза в неделю с 2 августа по 3 декабря 1941 г. Тираж 3000–7000 экз. Материалы публиковались на русском и белорусском языках.

Исаак Григорьевич Ратнер — известный в городе врач-терапевт, педиатр. После окончания Петербургской Медицинско-хирургической академии проработал в Витебске более полувека. Умер в августе 1940 г.

Ее отец, доктор Исидор Майзель, действительный тайный советник, окончил Военно-медицинскую Академию в Санкт-Петербурге. Был участником Первой мировой войны, потом обосновался в родном Витебске. Дом И. Майзеля стоял напротив губернаторского дворца.

Письма Софии Исидоровны Ратнер из гетто, а также письмо Надежды Фоминичны Шидловской любезно предоставлены авторам книги жительницей Санкт-Петербурга Атой Абрамовной Аскназий. В публикациях всех трех писем сохраняется стиль их авторов.

Оба письма С. И. Ратнер написаны чернилами на двойном листе из школьной тетради, каждое сложено в шесть раз. На каждом надпись, кому оно адресовано. Оба письма вложены в небольшой конвертик размером 7,5 x 11 см (видимо, сохранился от прежних дней — в таких оставляли визитные карточки, записки). Надпись на конверте с письмами из гетто: «Прошу Вас, дорогая моя Наденька, это письмо (слово неразборчиво — стерлось на сгибе) передать моим детям при первой возможности». Надпись на обороте письма, адресованного детям: «Моим детям Ниночке, Марусеньке, Аточке, Витеньке. Надпись на обороте письма Н. Ф. Шидловской: «Наденьке от Софии Исидоровны».

С. И. Ратнер называет в письме имена своих близких:

Ниночка — Нина Исааковна Ратнер, дочь И. Г. и С. И. Ратнер, мать Виктора Марковича Зарха;

Марусенька — Тамара Исааковна Аскназий, дочь И. Г. и С. И. Ратнер;

Аточка (Атуничка, Отунька) — Атта Абрамовна Аскназий, дочь Т. И. Аскназий, внучка И. Г. и С. И. Ратнер. Окончила биологический факультет Ленинградского университета, автор ряда научных работ. Живет в Санкт-Петербурге;

Витенька — Виктор Маркович Зарх (1934–1986). Родители: Нина Исааковна Ратнер — дочь И. Г. и С. И. Ратнер, с 1938 по 1946 гг. находились в лагере для политзаключенных; Марк Наумович Зарх погиб в лагере на Урале в 1942 г. После ареста родителей в г. Владимире в 1938 г. Витя был перевезен в Витебск, где жил в семье И. Г. Ратнера, умершего в августе 1940 г., затем у С. И. Ратнер. 6 июля 1941 г. Тамара Исааковна и Атта Абрамовна Аскназий вместе с ним ушли пешком из Витебска;

Тетя Фаня — Фаня (Фани) Григорьевна Яппу, сестра доктора И. Г. Ратнера. В 1941 г. ей было 62 года. Сыновья воевали на фронте. После отъезда дочери и внучки перебралась к С. И. Ратнер. Дом, в котором они жили до прихода немцев, сгорел. Оставалась в гетто с С. И. Ратнер до конца, хотела покончить с собой, но не могла оставить более слабую Софию Исидоровну.

Отчет главы полиции безопасности и СД. — Берлин. 25 октября 1941 г., № 124.

Отчет главы полиции безопасности и СД. — Берлин. 4 сентября 1941 г., № 73.

Свидетельница С. Я. Сарак. Вестник еврейского университета в Москве. — М.: 1994, № 4, — С. 206.

Дарафеенка Н. Адплата — немінуца // Віцебскі рабочы. 1982.
23 верасня.

ВСКМ, Н/В 8123.

Иванов Ив. Из недавнего прошлого. Витебское гетто // Социалистический вестник. 1952. № 3. — С. 50.

ВОКМ, инв. № 7789.

«Особое лечение», «особая обработка» — словосочетания, которые использовались в документах нацистами для маскировки производимых ими операций по уничтожению мирного населения и узников гетто.

ГABO, ф. 571, оп. 1, д. 18, л. 7.

Материалы судебного процесса в Хоссбурге от 27 декабря 1945 г. — С. 2.

См. источник [30](#).

См. источник [30](#).

См. источник [30](#).

Рабушаў Г. Ахвяры фашысцкага генацыду // Віцебскі рабочы.
1993, 2 кастрычніка.

Подлипский А. Ариец с берегов Западной Двины. О чем умалчивают биографы Юрки Витьбича // Віцебскі рабочы. 1995, 14 мая.

Ни давности, ни забвения. По материалам Нюрнбергского процесса // М.: 1985. — С. 187.

См. источник [29](#).

См. источник [29](#).

Иванов Ив. Из недавнего прошлого. Витебское гетто // Социалистический вестник. Том 32. 1952. № 3. — С. 50.

ГABO, ф.2073, оп. 1, д. 59, лл. 9–9 об.

Віцебскі рабочы. 1941, 30 чэрвеня.

Новый путь. 1942, 2 и 6 февраля.

Отчет главы полиции безопасности и СД. — Берлин. 9 марта 1942 г., № 178.

Новый путь. 1942, 1 декабря.

Віцебскія ведамасці. 1941. 9 верасня, 21 кастрычніка; Новы
путь. 1942. 28 марта, 19 мая, 6 июня, 30 июля.

Свидетельница С. К. Манулькина. Вестник еврейского университета в Москве. — М.: 1993, № 4. — С. 212–213.

Витебская область. Экономическо-статистический
справочник. — Витебск: 1940. — С. 225.

В семье доктора И. Е. Риваша было двое сыновей. Старший Урий родился в 1898 г. в Германии. По профессии врач-гинеколог, работал в Ленинграде. В 1930 г. он внезапно заболел. И. Е. Риваш немедленно выехал в Ленинград, но спасти 32-летнего сына не удалось. В Военно-медицинской академии, где лежал Урий, И. Е. Ривашу предложили остаться и занять должность профессора, заведующего кафедрой хирургии, но он предпочел вернуться в родной Витебск.

Второй сын И. Е. Риваша был младше Урия на два года. Он также жил в Ленинграде. Вместе с шестью ведущими специалистами он разработал мощную, уникальную для того времени паровую турбину. Во время войны вместе с заводом был эвакуирован в Свердловск. Умер в мае 1944 г. в результате массового отравления в заводской столовой. Уже после войны, в 1946 г., ему была посмертно присуждена Сталинская премия.

ГАРФ, ф. 7021, оп. 84, д. 3, л. 47.

ГABO, ф. 2073, оп. 1, д. 698, л. 17.

ГABO, ф. 2155, оп. 1, 2 д. 5, 8.

Судебный процесс по делу о злодеяниях, совершенных немецко-фашистскими захватчиками в Белорусской ССР (15–20 января 1946 г.). Мн.: 1947. — С. 112–113, 460.

Кісялеў А. Ілаўка // Віцебскі рабочы. 1993 г. 16 лютага.
(перевод с белорусского).

ГАРФ, ф. 7021, оп. 84, д. 3, л. 17.

Смотрите также: М. С. Рыўкін, А. Л. Шульман. Віцебскае гета // Віцьбічы, 1993, 30 кастрычніка; М. С. Рыўкін, А. Л. Шульман. Віцебскае гета // «Память». Историко-документальная хроника города Витебска. Кн. 1 — Мн.: Издательство «Беларуская энцыклапедыя імя Петруся Броўкі». — С. 439–445; ГАВО, ф. 1, оп. 1, д. 102, л. 8; Национальный архив Республики Беларусь, ф. 861, оп. 1, д. 5, л. 25; ГАРФ, ф. 7021, оп. 84, д. 3; ГАВО, ф. 2155, оп. 1, 2, д. 5, 8; «Память». Историко-документальная хроника города Витебска. Книга 2. — С. 417–429; Вечная память. Справочник. Часть 2. Евреи — жертвы нацизма, погибшие в оккупированном Витебске в 1941–1944 гг. Составители Михаил Рыбкин, Аркадий Шульман // Витебск: УПП Витебская областная типография, 2003, 64 с.